

ДЕННИЦА

Альманахъ

НА

1830

ГОДЪ

Изданный

М. Максимовичемъ.

МОСКВА.

ДЕННИЦА,

АЛЪМАНАХЪ

НА 1830 ГОДЪ,

ИЗДАННЫЙ

М. МАКСИМОВИЧЕМЪ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1830.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шѣмъ, чшобы по ошпечашаніи предшав-
лены были въ Ценсурный Комишешъ при
экземпляра. Москва, Декабря 12 го дня
1829 года.

Ценсоръ Сергѣй Глипка.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

П Р О З А.

	Страниц.
<i>Байскаго</i> (П. Б.)	
Ночлеги Гайдамаковъ	61
<i>Веневицкина</i> (Д. Б.)	
Анаксагоръ	100
<i>К. З. В.</i>	
Норшрешъ	114
<i>Кн. Ваземскаго</i> (П. А.)	
Письмо къ А. Н. Г-ой.	122
<i>Глики</i> (О. Н.)	
Сѣверная лѣшняя ночь	92
Очищенное золото	141
<i>Камашева</i> (И. Н.)	
Два ангела смерти	156
<i>Кирѣевскаго</i> (И. В.)	
Обозрѣніе Русской Словесности за 1829 годъ	1X

VI

	Стран.
<i>П — ва</i> (В. П.)	
Нашалья (повѣсть)	10
<i>Позодина</i> (М. П.)	
Психологическое явленіе	117
<i>Полеваго</i> (Н. А.)	
Сохашый (повѣсть)	272
* * Наступала ночь.	117

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

<i>Баратынскаго</i> (Е. А.)	
Отрывокъ изъ Поэмы	136
<i>Веневитинова</i> (Д. В.)	
Пѣснь Клары	61
<i>Кн. Вяземскаго</i> (И. А.)	
Слезы	99
Эпиграмма	140
Сельская пѣсня	169

Глинка (О. Н.)

Весеннее чувство	90
Обновленіе	110
Мать - убійца	154
Засуха , ...	167

Барона Дельвига (А. А.)

Русская пѣсня	166
-------------------------	-----

Лисицыной (М. А.)

Пѣсня	135
-----------------	-----

Мерзлякова (А. О.)

Соловушка	89
Русская пѣсня	111

Н. На смерть А. А. Р-ой	146
-----------------------------------	-----

Ознобишина (Д. П.)

Маріуполь	142
---------------------	-----

Пушкина (А. С.)

Двѣ первыя сцены изъ Трагедіи	
<i>Борись Годуновъ</i>	I

Пушкина (В. Л.)

IV Глава изъ <i>Храброва</i>	94
--	----

VIII

Стран.

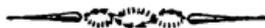
<i>Телловой</i> (Н. С.)	
Безнадежность	141
<i>Т-вой</i> (С. С.)	
Къ * * *	121
<i>Хомякова</i> (А. С.)	
Ошрывки изъ Трагедіи <i>Ермакъ</i>	250
<i>Шевырса</i> (С. П.)	
Пѣсня Гремиславы	254
<i>Лыкова</i> (И. М.)	
Пловець	65
* Прощальная пѣснь	120

ОБОЗРѢНІЕ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

1829 года.

Прежде нежели мы приступимъ къ обозрѣнію словесности прошедшаго года, я прошу просвѣщенныхъ читателей обратить вниманіе на сочиненіе, которое, хотя вышло ранѣе 29го года, но имѣло вліяніе на его текущую словесность; которое должно имѣть еще бѣльшее дѣйствіе на будущую жизнь нашей литературы; которое успѣшнѣе всѣхъ другихъ произведеній Русскаго пера должно очистить намъ дорогу къ просвѣщенію Европейскому; которымъ мы можемъ гордиться передъ всѣми государствами, гдѣ только выходятъ сочиненія такого рода; котораго изданіе, (выключая, можетъ быть, учрежденіе Лан-

касперскихъ школь), было самымъ важнымъ событіемъ для блага Россіи въ печеніе многихъ лѣтъ, и важнѣе нашихъ блистательныхъ побѣдъ за Дунаемъ и Арарапомъ, важнѣе взятія Эрзерума, и той славной пѣни, которую бросили Русскія знамена на стѣны Царьградскія. Эта книга, — чистая уже называлъ *Ценсурный уставъ*.

Вліяніе его на текущую словесность прошедшаго года, хотя мало примѣтное, было тѣмъ не менѣе дѣйствительно. Наши журналы заимствовали болѣе изъ журналовъ иностранныхъ; переводы, хотя по большей части дурные, передавали намъ болѣе слѣдовъ умственной жизни нашихъ сосѣдей, и опъ того вся литература наша непримѣтно приближалась болѣе къ жизни обще-Европейской. Самыя перебранки нашихъ журналовъ, ихъ неприличныя крипики, ихъ дикій тонъ, ихъ спранныя лично-

спи, ихъ вѣжливости не городскія, — все это было похоже на неспройныя движенія распеленашаго ребенка: движенія, необходимыя для развитія силы, для будущей красоты и здоровья.

Но, чтобы вѣрнѣе опредѣлить особенность нашей литературы прошедшаго года, открыть въ ней признаки господствующаго направленія нашей словесности вообще и ея отношеніе къ цѣлостному просвѣщенію Европы, бросимъ бѣглый взглядъ на характеръ всей литературы нашей девятнадцатаго столѣтія; ибо одно прошедшее даетъ цѣну и указываетъ мѣсто настоящему, опредѣляя дорогу для будущаго.

Литературу нашу 19го столѣтія можно раздѣлить на три эпохи, различныя особенностью направленія каждой изъ нихъ, но связанныя единствомъ ихъ развитія. Характеръ первой эпохи опредѣляется вліяніемъ Карамзи-

на ; средоточіемъ второй была Муза Жуковскаго ; Пушкинь можетъ быть представителемъ третьей.

Начало 19-го столѣтія въ липшес-
ратурномъ отношеніи представляетъ
рѣзкую противоположность съ концемъ
18-го. Въ теченіе не многихъ лѣтъ про-
свѣщеніе сдѣлало столь быстрые успѣ-
хи, что съ перваго взгляда они явля-
ются неимовѣрными. Кажется кѣ-то
разбудить полу-сонную Россію. Изъ лѣ-
ниваго равнодушія она вдругъ перехо-
дитъ къ жадѣ образованія, ищетъ уче-
нія, книгъ, стыдится своего прежняго
невѣжества и сѣмится породниться съ
иноземными мѣніями. Когда явился Ка-
рамзинъ, уже читатели для него были
гошovy, и его удивительные успѣхи до-
казываютъ не столько силу его даро-
ваній, сколько повсюду распространив-
шуюся любовь къ просвѣщенію.

Но остановимся здѣсь, и подивимся странностямъ судьбы человѣческой. Тотъ, кому просвѣщеніе наше обязано столь быспрыми успѣхами, кто подвинулъ на полъ-вѣка образованность нашего народа, кто всю жизнь употребилъ во благо отечества и уже выдѣлъ плоды своего вліянія на всѣхъ концахъ Русскаго царства, человѣкъ, которому Россія обязана столькомъ, — онъ умеръ недавно, почти всѣми забытый, близь той Москвы, которая была свидѣтельницею и средоточіемъ его блестящей дѣятельности. Имя его едва извѣстно теперь бѣльшей части нашихъ современниковъ, и если-бы Карамзинъ не говорилъ объ немъ, то можетъ быть многіе, читая эту статью, въ первый разъ услышали бы о дѣлахъ Новикова и его товарищей, и усумнились бы въ достоверности столь близкихъ къ намъ событій. Память объ немъ почти исче-

зла; участники его трудовъ разошлись, ушонули въ темныхъ заботахъ частной дѣятельности; многихъ уже нѣтъ; но дѣло ими совершенное, осталось: оно живешь, оно приносишь плоды и ждешь благодарности потомства.

Новиковъ не распространилъ, а создалъ у насъ любовь къ наукамъ и охоту къ чтенію. Прежде него, по свидѣтельству Карамзина, были въ Москвѣ двѣ книжныя лавки, продававшія ежегодно на 10 тысячъ руб.; черезъ нѣсколько лѣтъ ихъ было уже 20, и книгъ продавалось на 200,000. Кромѣ того Новиковъ завелъ книжныя лавки въ другихъ и въ самыхъ отдаленныхъ городахъ Россіи; распускалъ почти даромъ шѣ сочиненія, которыя почиталъ особенно важными; заставлялъ переводить книги полезныя, повсюду распространялъ участниковъ своей дѣятельности, и скоро не только вся Европейская Россія, но и Сибирь начала чи-

пашь. Тогда опечество наше было, хотя не надолго, свидѣшелемъ событія почти единственнаго въ лѣтописяхъ нашего просвѣщенія: рожденія *общаго мнѣнія*.

Такъ дѣйствоваль типографщикъ Новиковъ. Замѣчашельно, что почти въ то же время, другой типографщикъ, болѣе славный, болѣе щасливый, типографщикъ Франклинъ, дѣйствоваль почти такимъ же образомъ на прошивуположиномъ концѣ земнаго шара; но послѣдствія ихъ дѣяшельности были споль же различны, сколько Россія отлична отъ Соединенныхъ Шшатовъ.

Можеть бышь самъ Карамзинъ обязанъ своею первою образованностью Новикову и его друзьямъ - единомышленникамъ. По крайней мѣрѣ въ ихъ кругу началось первое развитіе его блестящихъ дарованій, и онъ оставиль намъ шрогашельное описаніе своей друж-

бы съ однимъ изъ нихъ , съ Г - мь П. (1). Говорить ли о другомъ товарищѣ Новикова, объ этомъ славномъ Ленцѣ, объ надеждѣ и удивленіи просвѣщенной Европы, который у насъ, въ нищету и крайности, замерзъ на большой дорогѣ (2)! —

Карамзинъ засталъ свою публику подъ вліяніемъ миссицизма, странно перемѣшаннаго съ мѣшніями Французскими изъ середины 18го столѣтія. Этимъ двумя направленіямъ надлежало сосредоточиться, и они естественно соединились въ томъ филантропическомъ образѣ мыслей, которымъ дышавъ всѣ первыя сочиненія Карамзина.

---

(1) Смолри Соч. Кар. статью : *Цветокъ на гробѣ моего Агамона.*

(2) Объ сочиненіяхъ Денца. смолри. прекрасную статью. Энциклопед. въ еѣ Журн. *le Catholique* 1829 года.

Кажется, онъ воспитанъ былъ для своей публики и публика для него. Каждое слово его расходилось по всей Россіи, прозу его учили наизусть и восхищались его стихами, не смотря на ихъ непоэтическую опидѣву, — такъ согласовался онъ съ умонаклонностью своего времени. Между тѣмъ всеобщность его вліянія доказываетъ намъ, что уже при первомъ рожденіи нашей литературы, мы въ самой поэзіи искали преимущественно философіи, и за образомъ мѣткія забывали образъ выраженія. До сихъ поръ еще мы не знаемъ, что такое вымысль и фантазія; какая-то правдивость мечты составляетъ оригинальность Русскаго воображенія, и то, что мы называемъ *чувствомъ*, есть высшее, что мы можемъ достигнуть въ произведеніяхъ стихотворныхъ.

Направленіе, данное Карамзинымъ, еще болѣе открыло нашу словесность

вліянію словесности Французской. Но именно попому, что мы въ литературѣ искали философіи, искали полнаго выраженія чловѣка, образъ мыслей Карамзина долженъ былъ и плѣнить насъ сначала, и въ послѣдствіи сдѣлаться для насъ неудовлетворительнымъ. Чловѣкъ не весь упоаешь въ жизни дѣйствительной, особенно среди народа недѣятельнаго. Лучшая сторона нашего бытія, сторона идеальная, мечтательная, та, которую не жизнь даетъ намъ, но мы придаемъ нашей жизни; которую преимущественно развиваетъ поэзія Нѣмецкая, — оставалась у насъ еще невыраженною. Французско-Карамзинское направленіе не обнимало ее. Люди, для которыхъ образъ мыслей Карамзина былъ довершеніемъ, вѣнцемъ развитія собственнаго, оставались спокойными; но тѣ, которые начали воспитаніе мнѣніями Карамзинскими, съ

развишіемъ жизни увидѣли неполношу ихъ и чувствовали поѣребность новаго. Старая Россія отдыкала; для молодой нужень былъ *Жуковскій*.

Идеальность; чистота и глубокость чувствъ; свяпость прошедшаго; вѣра въ прекрасное, въ неизмѣняемость дружбы, въ вѣчность любви, въ достоинство человека и благость Провидѣнія; стремленіе къ неземному; равнодушіе ко всему обыкновенному, ко всему что не *душа*, что не *любовь*: однимъ словомъ вся *поэзія* жизни, все *сердце души*, если можно такъ сказать, явилось намъ въ одномъ существѣ, и облеклось въ плѣнительный образъ Музы Жуковского. Въ ея задумчивыхъ чертахъ прочли мы ошвѣтъ на неясное стремленіе къ лучшему и сказали: «Вотъ чего не доставало намъ!» — Еще бóльшею прелестью украсили ее любовь къ отечеству, ужась и слава народной войны.

Но поэзія Жуковскаго, хотя совершенно оригинальная въ средоточіи своего бытія (въ любви къ прошедшему копорую можно назвать господствующимъ тономъ его лиры) (*), была однако-же, воспитана на пѣсняхъ Германіи. Она передала намъ ту идеальность, которая составляетъ отличительный характеръ Пѣмецкой жизни, поэзіи и философіи, и такимъ образомъ въ составъ нашей литературы входили двѣ стихіи: умонаклонность Французская и Германская.

Между пѣмъ лира Жуковскаго замолчала. Изрѣдка только ошрывисшыя

(*) Авторъ ошъ того не распространяется здѣсь о характерѣ произведеній Жуковскаго, что въ этомъ же альманахѣ предположало онъ напечатать особенный разборъ его стихотвореній, который однако-жь по нѣкоторымъ причинамъ ошлся не окончениымъ.

звуки знакомыми переливами напоминали намъ о ея прежнихъ пѣсняхъ. Но развитіе духа народнаго не могло остановиться. Какъ мысль зоветъ звукъ, такъ народъ ищетъ Поэта. Ему необходимъ наперсникъ, который бы сердцемъ отгадывалъ его внутреннюю жизнь и въ восторженныхъ пѣсняхъ вѣлъ дневникъ развитію его господствующаго направленія. Поэтъ для настоящаго, что Историкъ для прошедшаго: проводникъ народнаго самопознанія.

Литшерашура наша, какъ мы уже сказали, представляла два борящіяся начала; но и филантропизмъ Французскій и Нѣмецкій идеализмъ совпадались въ одномъ стремленіи: въ стремленіи къ *лучшей дѣйствительности*. Пушкинъ выразилъ его сначала подъ свѣтлою краскою довѣрчивой надежды, потомъ подъ мрачнымъ покровомъ Байроновскаго негодованія къ существующему.

Но ни то, ни другое не могло быть продолжительнымъ: это двѣ крайности колебанія маятника ищущаго равновѣсія. Между безошечностью надежды и Байроновскимъ скептицизмомъ есть середина: это довѣренность въ судьбу и мысль, что сѣмена желаннаго будущаго заключены въ действительности настоящаго; что въ необходимости есть Провидѣніе; что если прихотливое созданіе мечты гибнетъ какъ мечта, за то изъ совокупности существующаго должно образоваться лучшее прочное. Отсюда уваженіе къ действительности, составляющее средоточіе той степени умственнаго развитія, на которой теперь остановилось просвѣщеніе Европы и которая обнаруживается историческимъ направленіемъ всѣхъ отраслей человѣческаго бытія и духа.

Исторія въ наше время есть центръ всѣхъ познаній, наука наукъ, единствен-

ное условіе всякаго развитія: направленіе историческое обнимаєть *все*. Политическія мнѣнія, для пріобрѣтенія своей достовѣрности должны обратиться къ событіямъ, слѣдовательно къ Исторіи: такъ Тьерри, чтобы защитить нѣкоторыя положенія въ Парламентѣ, написавъ исторію Франціи. Философія, сомкнувши кругъ своего развитія сознаниемъ пожештва Ума и Бытія, устремила всю дѣятельность на примѣненіе умозрѣній къ дѣйствительности, къ событіямъ, къ исторіи природы и человѣка. Математика остановилась въ открытіяхъ общихъ законовъ и обратилась къ частнымъ приложеніямъ, къ сведенію теоріи на существенность дѣйствительности. Поэзія, выраженіе всеобщности человеческого духа, должна была также перейти въ дѣйствительность и сосредоточиться въ родѣ историческомъ.

Вѣкъ не могъ не имѣть вліянія и на Пушкина; мы увидимъ это, говоря о

Полшавъ. Но обратимся теперь къ прошедшему году; теперь, съ высоты общей мысли, намъ будетъ легче обнять весь горизонтъ нашей словесности и указать настоящее мѣсто ея частнымъ явленіямъ.

Послѣ всего будемъ мы говорить объ нашихъ журналахъ и альманахахъ; о другихъ изданіяхъ временныхъ, хотя и не періодическихъ, упомянемъ только въ отношеніи къ важнѣйшимъ сочиненіямъ, или въ примѣръ и доказательство иѣкоторыхъ оплѣшковъ характера нашей литературы; но преимущественно обратимся къ тѣмъ первокласснымъ произведеніямъ нашей словесности, которыя блеснули на литературномъ небѣ прошедшаго года такъ ярко, какъ близкія кометы, и утвердились на немъ такъ прочно, какъ неподвижныя звѣзды, чтобы навсегда свѣтили и указывать путь.

Первое, что привлекаетъ здѣсь наше вниманіе, это XII томъ Исторіи Россійскаго Государства, послѣдній плодъ трудовъ великихъ, послѣдній подвигъ жизни полезной, священной для каждаго Русскаго.

XII й Томъ Исторіи Россійскаго Государства, кажется, еще превзошелъ прежніе самою краснорѣчія, обширностью объема, вѣрностью изображеній, ясностью, стройностью картинъ и этимъ ровнымъ блескомъ; этою чистотою, твердостью брилліантовою Карамзинскаго слога. Вообще достоинство его Исторіи растетъ вмѣстѣ съ жизнію протекавшихъ временъ. Чѣмъ ближе къ настоящему, тѣмъ полнѣе раскрывается передъ нимъ судьба нашего отечества; чѣмъ сложнѣе картина событій, тѣмъ она стройнѣе отражается въ зеркалѣ его воображенія, въ этой чистой совѣсти нашего народа. — Не мѣсто

здѣсь входитъ въ подробный разборъ Карамзина и не по силамъ намъ одѣнить его достоинство. Въ молчаніи почтимъ память безсмертнаго и съ благоговѣніемъ принесемъ дань благодарности и удивленія на его свѣжую могилу.

Но какъ умолчать о его кришикахъ, дѣлавшихъ столько шума въ нашей липшерапурѣ? — Все славное поприще Карамзина было яблокомъ раздора для нашей полупросвѣщенной словености. Это тѣмъ удивительнѣе, что Карамзинъ ни разу не отвѣчалъ ни на одну кришику и не оскорбилъ ни одного самолюбія, что возвышенность и до конца не измѣнившаяся чистота его души и жизни не оставила никакого оправданія для личной вражды, что, наконецъ, недосыгаемость его славы, казалось, не могла не заглушить внушеній низкой зависти. Не смотря на то, сколь не многіе изъ его кришиковъ со-

хранили въ глазахъ публики характеръ безпристрастія! — Но если Карамзинъ имѣлъ враговъ, за то истинными друзьями никто не былъ щасливѣе Карамзина, и никто не имѣлъ столько почтателей, столько поклонниковъ, столько горячихъ защитниковъ своей славы. Опъ того первый шагъ его въ область словесности уже былъ ознаменованъ рожденіемъ парсій. Онъ раздѣляли почти всю просвѣщенную Россію на двѣ неравныя спороны, не засыпали въ продолженіи всей жизни Карамзина и пережили его земное существованіе. — Чѣмъ выше звѣзда, тѣмъ гуще толпа родныхъ звѣздъ вокругъ нея, тѣмъ больше мѣста для темныхъ тучъ подъ нею.

Всѣхъ критиковъ Исторіи Россійс. Государства можно раздѣлить на два класса: въ первому принадлежатъ критики, нападающіе на частныя ошибки

неизбѣжныя въ трудѣ споль огромномъ, споль несоразмѣрномъ съ силами одного человека. Долго еще неизвѣдать намъ вполне бездоннаго моря народной жизни, зацѣмненнаго его опдаленностью и мушностью источниковъ! — Признапельности просвѣщенныхъ заслуживають люди, посвятившіе себя изученію древности, когда съ доспапочными силами, съ простотою, съ должнымъ уваженіемъ къ безсмертному Историку, они исправляютъ погрѣшности, которыя естественно должны были вкрасься въ его испорію. Но такъ-ли поступаетъ большая часть нашихъ криптиковъ? — Въ шемныхъ подвалахъ архивскихъ, они шеряють всякое чувство приличія, и выходятъ опшуда съ червями самолюбія и зависти, съ пылью мѣлкихъ придарокъ и въ грязи неуваженія къ достоинству. Сюда принадлежатъ нѣкоторыя спашьи, помѣщенныя въ Мос-

ковскомъ Вѣстникѣ 28 и 29 годахъ, и заслужившія справедливое негодованіе всѣхъ друзей Русской Печоріи и покойнаго Исторіографа. — Но все справедливое, справедливо только въ границахъ, и тѣ, которые, за помѣщеніе ихъ сташей поставили издателя въ одинъ разрядъ съ сочинителемъ и включили его въ число противниковъ Карамзина, столько же неправы, сколько самъ издатель, помѣстившій сіи статьи. Если послѣдній нашелъ въ нихъ замѣчанія, казавшіяся ему истинными, то, по моему мнѣнію, онъ долженъ былъ претребовать отъ автора исключенія всего неприличнаго, и въ случаѣ отказа, совсѣмъ не печатать его рецензій, съ потерею которыхъ публика потеряла бы весьма не много. Но если Г. Погодинъ поступилъ иначе, то онъ заслуживаетъ упрекъ какъ журналистъ, а не какъ чловѣкъ и писатель, не имѣющій долж-

наго уваженія къ Карамзину. Собственныя сочиненія Г. Погодина служатъ поному лучшимъ доказательствомъ.

Второй разрядъ критиковъ нападаетъ на систему и планъ цѣлаго, на понятія Исторіографа объ исторіи вообще. Они упрекаютъ Карамзина въ томъ, что онъ не обнимаетъ *всѣхъ* сторонъ и опшѣнковъ нашей прошедшей жизни. Но критики не чувствуютъ, что, если упреки ихъ справедливы, то они служатъ не порицаніемъ, а похвалою Исторіи Росс. Государства. Ибо невозможно объять народной жизни во *всѣхъ* ея подробностяхъ, покуда частныя опросли ея развитія не обработаны въ опдѣльныхъ твореніяхъ и не сведены къ послѣднимъ выкладкамъ. Опъ того, изъ столькихъ историковъ, признанныхъ за образцовые, критики не назовутъ намъ двухъ, писавшихъ по одному плану. Напротивъ того каждый бытописатель из-

бираль и преслѣдовалъ преимущественно одну сторону жизни описываемаго имъ государства, оставляя прочія въ тѣни и въ опдаленіи. Если Карамзинъ, слѣдуя ихъ примѣру, ограничился преимущественнымъ изложеніемъ политическихъ событій и недосказалъ многого въ другихъ отношеніяхъ, то это ограниченіе было единственнѣйшимъ условіемъ возможности его успѣха, и намъ кажется весьма справедливымъ упрекать Карамзина за неполноту его картины тогда, когда и съ этой неполной картиной мы еще до сихъ поръ не можемъ снять даже легкаго очерка, чтобы оцѣнить ее какъ должно. — Пусть люди съ талантомъ пишутъ другія исторіи, пусть изберутъ они средоточіемъ своихъ изысканій частную жизнь нашего народа, или измѣненіе нашихъ гражданскихъ постановленій, или воспитаніе нашего просвѣщенія, или ходъ и успѣхи

торговли, или монеты и медали; — трудъ ихъ можетъ быть полезенъ и достиженіе цѣди возможно, ибо они пойдутъ по дорогѣ, уже почищенной.

Кромѣ сихъ двухъ разрядовъ есть еще третій родъ критиковъ, которымъ самая ничтожность ихъ даетъ право на особенный классъ: это *критики не-вѣжды*. Равно бѣдные познаніями историческими и литературными, лишенные даже поверхностнаго понятія объ общихъ положеніяхъ науки, и совершенно безчувственные къ приличіямъ нравственнымъ, они слабыми руками снаятся пошатнуть твореніе вѣковое, переворачиваютъ смыслъ въ словахъ писателя великаго, смѣютъ приписывать ему собственное неразуміе и хвалятъ ученье дѣтскимъ истинамъ мужа бессмертнаго, гордостью Россіи. Даже достоинство учености думаютъ они опиять

у Исторіи Карамзина, и утверждають, что она писана для однихъ свѣтскихъ невѣждъ, они, невѣжи несвѣтскіе! — Все бесполезно, что они говорятъ; все ничтожно, все ложь, — даже самая истина; и если случайно она вырвется изъ устъ ихъ, то, краснѣя, спѣшишь снова спрячется въ свой колодезь, чтобы омыться отъ ихъ осквернительнаго прикосновенія. — Я не называю никого читатель самъ легко оплывишь эпошь разрядъ судей неприванныхъ, по той печати отверженія, которою украсило ихъ лице-рашурное и нравственное невѣжество, положивъ клеймо своей шаможди на ихъ контрабандное лице.

Ославимъ ихъ!

Но съ удовольствіемъ укажемъ на критику, въ которой дѣльность и непристрастіе розсѣканій соединяются съ приличностью тона; это спашья,

напечатанная въ 3 Но Моск. Вѣстн.
Оугастин Годунова въ убіеніи Димитрія.

Кромѣ XII Тома Россійской Истории, въ прошедшемъ году вышло у насъ, если вѣрять журналамъ, еще одно сочиненіе историческое, замѣчательное по достоинству литературному: это Полтава Пушкина. Въ самомъ дѣлѣ изъ двадцати кришикъ, вышедшихъ на эту поэму, болѣе половины разсуждало о томъ, дѣйствительно ли согласны съ исторіей описанныя въ ней лица и происшествія. — Кришики не могли сдѣлать болѣе похвалы Пушкину.

Мы видѣли, что одно стремленіе: воплотить Поэзію въ дѣйствительности, уже доказываетъ и болѣшую зрѣлость мечты поэта, и его сближеніе съ господствующимъ характеромъ вѣка. Но всегда ли поэтъ былъ вѣренъ своему направленію? и переселивъ воображеніе въ область существенности, на-

шелъ ли онъ въ ней полный отвѣтъ на всѣ требованія поэзіи? или выступалъ иногда изъ круга дѣйствительности, какъ бы видя въ немъ арфу, у которой недостаетъ еще нѣсколькихъ струнъ, чтобы выразить всѣ движенія души? —

Кромѣ голой существенности и *дополнительной* думы поэта (которая также существенность), мы еще находимъ въ Полшавѣ иногда думу *противорѣчащую* дѣйствительности, иногда порывъ чувства, несогласный съ тѣмъ Шекспировскимъ состояніемъ духа, въ которомъ долженъ находиться творецъ, чтобы смотрѣть на внѣшній міръ, какъ на полное отраженіе внутренняго. Въ доказательство укажемъ на два мѣста Полшавы: на софизмъ о любви стариковъ и на романическую чувствительность Мазепы, когда онъ узнаетъ хуторъ Кочубея. И то и другое противорѣчиитъ истинѣ; но и то и дру-

гое дѣлаешь минушный эффектъ. Это сцена изъ Корнеля, впащенная въ трагедію Шекспира.

Такое бореніе двухъ началъ: мечтательности и существенности, должно необходимо предшествовать ихъ примиренію. Это переходъ съ одной степени на другую, и въ наше время не одинъ Пушкинъ можетъ служить примѣромъ такого разногласія. Имъ дышатъ бѣольшая часть трагедій Шиллера, всѣ трагедіи Раупаха, Фр. Шлегеля (*), Грильпарцера и почти всѣ произведенія новѣйшихъ Нѣмецкихъ писателей; Французская мелодрама обязана ему своимъ происхожденіемъ; иногда мы находимъ его даже у Вальшера Скотта, когда для возбужденія бѣольшаго

(*) Недоспатки трагедій Ф. Шлегеля имѣютъ еще другой, главнѣйшій источникъ: неравновѣсіе гениальности съ исполненіемъ.

любопытства онъ вводитъ своихъ героев въ положенія неестественныя; самъ Гёте, великій Гёте, даже въ Эммонть, склонился одинъ разъ передъ своимъ вѣкомъ, олицетворивъ свободу Фландрий:

Но та зрѣлость таланта, которую доказываетъ господствующій, хотя не вездѣ выдержанный, характеръ Полшавы, замѣтна также и въ отдѣльных частяхъ сей поэмы. Объ ней свидѣтельствуютъ и мастерская обработка стиховъ, и скакая полно та разсказа, и стройность переходовъ, особливо въ первой пѣсни, и ясная выразительность картинъ, и даже нѣкоторыя небрежности въ языкѣ и въ описаніяхъ. Вообще, если мы будемъ смотрѣть на Полшаву какъ на зеркало дарованія, то увидимъ, что она даетъ намъ право на большую надежду въ будущемъ, нежели всѣ прежнія поэмы Пуш-

кина. Но за то, если мы будемъ разсмапривать ее въ отношеніи къ ней самой, то найдемъ въ ней такія несовершенства, копорья хотя нѣсколько объясняютъ намъ, почему публика приняла ее не съ такимъ восторгомъ, какой обыкновенно возбуждаютъ въ ней произведенія Пушкина. Главное изъ сихъ несовершенствъ есть недостатокъ единства интереса, единственнаго изъ всѣхъ единствъ, котораго несоблюденіе не прощается законами либеральной Пикки. Если-бы поэтъ сначала возбуждилъ въ насъ участіе любви или ненависти къ политическимъ замысламъ Мазепы, тогда и Петръ, и Карлъ, и Полтавская битва, были бы для насъ развязкою любопытнаго происшествія. Но посвятивъ первыя двѣ пѣсни преимущественно исторіи любви Мазепы и Маріи, Пушкинъ окончилъ свою повѣсть вмѣстѣ съ концемъ второй пѣсни, и въ

отношеніи къ главному интересу поэмы, всю ~~иренную~~ пѣснь можно назвать почти лишнею.

По этой ли причинѣ, или потому, что словесность наша еще не доросла до господствующаго направленія Полтавы, поэма сія не имѣла видимаго вліянія на нашу лирическую поэму, и ни одинъ изъ подражателей Пушкина не избралъ ее въ образцы для своихъ мозаикъ.

Но сколько однолѣтнихъ лирическихъ цвѣтковъ вышло въ прошедшемъ году изъ сѣмянъ, брошенныхъ Пушкинымъ на поле нашей словесности еще во время его Байроновскаго направленія! — Замѣчательнѣйшій изъ подражателей Пушкина есть Г-нъ *Подолинскій*. Но его поэма, *Борскій*, по бѣдности мыслей, по несовершенствоу языка съ чувствами и чувствъ съ предметами, и по еще важнѣйшимъ несообраз-

носпямъ въ планѣ, — замѣчательна только одною звучностью стиховъ.

Жуковскій напечаталъ въ прошедшемъ году свое *Море, Пѣснь побѣдителей*; изъ Шиллера, и связанные ошпырки изъ Иліады. Здѣсь въ первый разъ увидѣли мы въ Гомерѣ такое качество, котораго не находили въ другихъ переводахъ: что у другихъ напыщенно и низко, то здѣсь просто и благородно; что у другихъ бездушно и вяло, здѣсь сильно; мужественно и прогашельно; здѣсь все тепло, все возвышенно; каждое слово отъ души; — можетъ быть что-то и ошибка, если прекрасное можетъ быть ошибкою.

Море Жуковскаго живо напоминаетъ всю прежнюю его поэзію. Тѣ же звуки, та же чувство, та же особенность, та же прелесть. Кажется всѣ струны его прежней лиры опозвались здѣсь въ одномъ душевномъ звукѣ. Есть одна-

ко отличіе: что-то больше задумчивое, нежели въ прежней его поэзіи.

Торжество побѣдителей во многихъ мѣстахъ превосходитъ подлинникъ изящностью ошдѣлки и поэтическими ошпѣнками языка. — Такова участь бѳльшей части переводовъ Жуковскаго.

Изъ подражателей Жуковскаго, писавшихъ въ прошедшемъ году, замѣчательнѣйшіе: И. И. Козловъ и Ѳ. Н. Глинка. Первый издалъ собраніе своихъ стихотвореній.

Любовь къ литературѣ Германской, которой мы обязаны Жуковскому, все болѣе и болѣе распространяясь въ нашей словесности, была весьма замѣтна и въ произведеніяхъ прошедшаго года. Между поэтами Нѣмецкой школы отличаются имена Шевырева, Хомякова и Тютчева. Послѣдній, однако-же, напечаталъ въ прошедшемъ году только одно стихотвореніе. Хомяковъ, ко-

порого стихи всегда дышатъ мыслию и чувствомъ, а иногда блестятъ докончанностью опдѣлки, опдалъ на театръ своего Ермака; но что-бы судить объ этой трагедіи, подождемъ ея явленія въ большой печатный свѣтъ: давно уже сказано, что типографскій станокъ есть единственно вѣрный пробный камень для звонкой монеты стиховъ. Шевыревъ помѣщаль въ журналахъ нѣкошорыя мѣлкія стихопворенія, и кромѣ того отрывки изъ перевода Вильгельма Теля: имѣя дарованія отличныя, облада рѣдкимъ познаніемъ Русскаго языка, удивительною легкостью въ шрудѣ и, болѣе всего, душою пламенною, сосредоточенною въ любви къ *высокому*, Шевыревъ однакожь имѣеть важный недоспашокъ: недоспашокъ опдѣлки, и не только въ частяхъ, но и въ планѣ; не только въ важныхъ, но даже и въ мѣлкихъ стихопвореніяхъ. Часто вмѣ-

щаетъ онъ двѣ разнородныя, господствующія мысли въ одну піесу и шѣмъ мѣшаетъ чувству сосредоточиться. Но это богатство мыслей, часто излишнее, (какъ бы желали мы упрекнуть въ этомъ качествѣ большую часть нашихъ писателей!), это богатство мыслей, особенно замѣтное въ прозѣ Шевырева, не есть ли залогъ его будущихъ успѣховъ? — Теперь онъ только выстуживаетъ на поприще; когда-же жизнь и опытъ положатъ послѣдній вѣнецъ вкуса на его щастливый дарованіе, тогда конечно онъ займетъ значительное мѣсто въ нашей литературной аристокраціи.

Говоря о той части словесности, которая преимущественно обнаруживаетъ вліяніе Нѣмецкое, нельзя не упомянуть объ *Ижорскомъ*, соч. неизвѣстнаго. Нѣкоторыя сцены изъ этой драматической фантазіи были напеча-

таны въ Сѣверныхъ Цвѣсахъ прошедшаго года и замѣчательны по рѣдкому у насъ соединенію глубокости чувствва съ игривостью воображенія. Мы причисляемъ это произведеніе къ Нѣмецкой школѣ, не смотря на нѣкоторое подражаніе Шекспиру, потому, что Шекспиръ здѣсь болѣе Шекспиръ Тиковскій, огерманившійся, нежели Шекспиръ настоящій, Шекспиръ Англичанинъ. Къ тому же и духъ цѣлаго сочиненія, сколько можно судить по отрывкамъ, кажешся намъ преимущественно Нѣмецкій.

Но среди молодыхъ Поэтовъ, написанныхъ великими писателями Германіи, болѣе всѣхъ блеснулъ и отличался покойный Д. В. Веневитиновъ, котораго стихотворенія вышли въ прошедшемъ году. Его желаніе исполнилось: прочтя немногое, что осталось намъ послѣ него, кто не скажешъ съ чувствомъ восторга и печали:

Какъ я люблю его созданья!

Онъ дышетъ жаромъ красоты,

Въ немъ умъ и сердце согласилсь,

И мысли полныя носились

На легкихъ крыліяхъ мечты.

Какъ зналъ онъ жизнь, какъ мало жилъ! (1)

Веневишиновъ созданъ былъ дѣй-
ствовать сильно на просвѣщеніе сво-
его отечества, быть украшеніемъ его
поэзіи и, можешь быть, создателемъ его
философіи. Кто вдумается съ любовью
въ сочиненія Веневишинова (ибо одна
любовь даетъ намъ полное разумѣніе);
кто въ эпихъ разорванныхъ отрывкахъ
найдетъ слѣды общаго имъ происхожде-
нія, единство одушевлявшаго ихъ су-
щества; кто постигнетъ глубину его
мыслей, связанныхъ стройною жизнью
души поэтической, — тогда узнаешь
философа, проникнутаго откровеніемъ

---

(1) Последніе стихи покойнаго Веневишинова.

своего вѣка; пошь узнаешь Поэша глубокаго, самобытнаго, котораго каждое чувство освѣщено мыслию, каждая мысль согрѣта сердцемъ; котораго мечта не украшается искусствомъ, но сама собою рождается прекрасная; котораго лучшая пѣснь — есть собственное бытiе, свободное развитiе его полной, гармонической души. Ибо щедро природа надѣлила его своими дарами, и ихъ разнообразiе согласила равновѣсiемъ. Отъ того все прекрасное было ему родное; отъ того въ познанiи самаго себя находилъ онъ разрѣшенiе всѣхъ тайнъ искусства, и въ собственной душѣ прочель начертанiе высшихъ законовъ, и созерцалъ красоту созданiя. Отъ того природа была ему доступною для ума и для сердца, онъ могъ

Въ ея шипшвенную грудь

Какъ въ сердце друга заглянуть.

Созвучіе ума и сердца было отличительнымъ характеромъ его духа, и самая фаишазія его была болѣе музыкою мыслей и чувствъ, нежели игрою воображенія. Это доказыааетъ, что онъ былъ рожденъ еще болѣе для философіи, нежели для поэзіи. Прозаическія сочиненія его, которыя печатающся и скоро выдуть въ свѣтъ, еще подтвердятъ все сказанное нами.

Но что долженъ былъ совершить Веневитиновъ, чему помѣшала его ранняя кончина, то совершится само собою, хотя, можетъ быть, уже не такъ скоро, не такъ полно, не такъ прекрасно. Намъ *необходима* философія: все развитіе нашего ума требуетъ ея. Ею одною живетъ и дышетъ наша поэзія; она одна можетъ дать душу и цѣлосць нашимъ младенствующимъ наукамъ, и самая жизнь наша, можетъ быть, займетъ

опъ нея изящество стройности. Но опкуда придетъ она? Гдѣ искашь ее? —

Конечно первый шагъ нашъ къ ней долженъ бытъ присвоеніемъ умственныхъ богатствъ той страны, которая въ умозрѣніи опередила всѣ другіе народы. Но чужія мысли полезны только для развитія собственныхъ. Философія Нѣмецкая вкоренится у насъ не можетъ. *Наша* философія должна развиться изъ *нашей* жизни, создаться изъ текущихъ вопросовъ, изъ господствующихъ интересовъ *нашего* народнаго и частнаго быта. Когда? и какъ? — скажешь время; по стремленію къ философіи Нѣмецкой, которое начинается у насъ распространяться, есть уже важный шагъ къ этой цѣли.

Чтобы еще болѣе убѣдиться въ пользѣ вліянія Нѣмецкихъ мыслишелей, взглянемъ на многочисленную толпу пѣхъ изъ нашихъ писателей, которые

не опличаясь личнымъ дарованіемъ, тѣмъ яснѣе показываютъ достоинство пріобрѣтеннаго ими чужаго. Здѣсь господствуютъ два рода литераторовъ: одни слѣдуютъ направленію Французскому, другіе Нѣмецкому. Что встрѣчаемъ мы въ сочиненіяхъ первыхъ? *Мыслей* мы не встрѣчаемъ у нихъ (ибо мысли, собственно Французскія, уже стары; слѣд. не мысли, а общія мѣста: сами Францизы заимствуютъ ихъ у Нѣмцевъ и Англичанъ). (1) Но мы находимъ у нихъ

---

(1) Что Французская литература девятнадцатаго вѣка, утративъ свою прежнюю самобытность, живешь единственно чужимъ вдохновеніемъ, о томъ свидѣлствуютъ всѣ ея лучшія произведенія. Но еще новымъ подтвержденіемъ сей истины можешь служить славный триумвиратъ законодательей Французскаго мышленія въ наше время. Есть ли хотя одна плодотворная мысль въ лекціяхъ Cousin, которую

игру словъ рѣдко, весьма рѣдко, и по случайно соединенную съ оспроуміемъ, и *шутки* почти всегда лишены вкуса,

---

бы онъ не занялъ у Нѣмцевъ? — Не Англичанамъ ли и Нѣмцамъ принадлежать всѣ основныя положенія *Villemain*, столь блестящаго въ своихъ примѣненіяхъ, столь искусно умѣющаго скрыть строгую стройность системы, подъ наружнымъ беспорядкомъ ошдѣльныхъ замѣчаній? Литшерашурно-кришическія сочиненія Гизо обнаруживаютъ еще непримиренную борьбу новаго Германскаго ученія съ прежними мнѣніями Французовъ; но историческія его лекціи дышатъ системою связною, полною, глубокою и занятою совершенно у новѣйшихъ Нѣмецкихъ философовъ, хошя новое развитіе сей системы, ея полнѣйшее и часто геніальное примѣненіе къ жизни среднихъ вѣковъ, дѣлаютъ Гизо однимъ и изъ оригинальнѣйшихъ Французскихъ мыслителей. — Есть однако въ Литшерашурѣ Французской такое ка-

часто лишены всякаго смысла. И можешь ли быть иначе? — Остроуміе и вкусъ воспитываются только въ кругу лучшаго общества; а многіе ли изъ нашихъ писателей имѣютъ щастіе принадлежать къ нему?

Напроставъ того въ произведеніяхъ либераторовъ, которые написаны чтеціемъ Нѣмецкихъ умствователей, почти всегда найдемъ мы что нибудь достойное уваженія, хотя иѣнь мысли, хотя стремленіе къ этой иѣни.

Но я говорю о писателяхъ безъ дарованій: талантъ равно блещетъ

чество, которое отличаетъ ее отъ всѣхъ другихъ, общаетъ много для будущаго, и самымъ подражаніемъ даетъ цѣль оригинальности: это тѣсная связь либературы съ жизнью; но именно этого качества не могутъ перенять наши Русскіе подражатели. (См. Иностран. Журналы.)

вездѣ; онъ, какъ красота, даетъ прелесть всѣмъ движеніямъ; какъ чувство, даетъ душу всѣмъ словамъ; какъ умъ, даетъ умѣстностью цѣну всѣмъ мыслямъ. Князь Вяземскій можетъ быть тому прекраснымъ доказательствомъ. Слѣдуя преимущественно направленію Французскому, онъ умѣетъ острыя снѣлки насмѣшки закалять въ оригинальныхъ мысляхъ и согрѣвать чувствомъ всегда умную, всегда щастливую, блестящую *игру ума*. Но и Князь Вяземскій, не смотря на всѣ свои дарованія, не смотря на то, что мы можемъ назвать его остроумнѣйшимъ изъ нашихъ писателей, еще выше тамъ, гдѣ, какъ въ *унынїи*, голосъ сердца слышишь ума.

Многіе утверждаютъ, что Французское направленіе господствуетъ также и въ произведеніяхъ Баратынскаго; но по нашему мнѣнію, онъ сколько же

принадлежитъ къ школъ Французской, сколько Ламаршинъ, сколько сочинитель Сен-Марса, сочинитель заговора Малета, сколько нашъ Пушкинъ и всѣ тѣ писатели, которые, начавъ свое развитіе мнѣніями Французскими, довершили его направленіемъ Европейскимъ, сохранивъ Французскаго одну dokonчанность внѣшней ошдѣлки.

Поэзія собственно Французская какъ упреннее солнце, золотитъ однѣ вершины. Только тѣ минуты жизни, которыя *выдаются* изъ жизни вседневной, которыя и толпа раздѣляетъ съ Поэтомъ, имѣють право входить въ заколдованный кругъ ихъ мечтаній, и можетъ быть одинъ Шенье дѣлаеть исключеніе, — если можно направленіе Шенье назвать Французскимъ. Но Муза Баратынскаго, обнявъ вею жизнь поэпическимъ взоромъ, льетъ равный свѣтъ

вдохновенія на всѣ ея минушы , и самое обыкновенное возводишь въ поэзію, посредствомъ освѣщительнаго прикосновенія съ *цѣлою* жизнію, съ господствующею мечшою. Отъ того , чтобы до- слышать всѣ опѣнки Лиры Барашинскаго, надобно имѣть и поныше слухъ и больше вниманія , нежели для другихъ Поэтовъ. Чѣмъ болѣе читаемъ его, тѣмъ болѣе открываемъ въ немъ новаго, незамѣченнаго съ перваго взгляда, , — вѣрный признакъ поэзіи, сомкнутой въ собственномъ бытіи, но доступной не для всякаго. Даже въ художественномъ отношеніи , многіе ли способны оцѣнить вполне достоинство его стиховъ , эту точность въ выраженіяхъ и оборотахъ, эту мѣрность изящную, эту благородную щеголеватость? — Но если-бы идеаль лучшаго общества явился вдругъ въ какой-нибудь неизвѣстной намъ столицѣ, то въ его избранномъ кругу не знали бы другаго языка.

Между шѣмъ, красота жизни поэтической, съ лица которой Муза Барашынского сняла покрывало до половины, доказываетъ намъ, что Поэтъ еще не весь выразился въ стихахъ своихъ; что мы должны ожидать еще несравненно болѣе того, что онъ совершилъ; что ему еще предназначено сколько превзойти наши ожиданія, сколько разоблаченіе красоты можетъ удивить воображеніе.

Но въ его *Бальномъ вечерѣ*, напечатанномъ въ прошедшемъ году, есть недоспашокъ, котораго нѣтъ въ его *Эдѣ*, ни въ *переселеніи душъ*, въ этомъ миломъ, остроумно-мечшашельномъ капризѣ поэтическаго воображенія: въ *Бальномъ вечерѣ* Барашынскаго нѣтъ средопочія для чувства и (если можно о поэзіи говорить языкомъ механики), въ немъ нѣтъ одной *составной силы*, въ которой бы соединились и уравновѣсились всѣ душевныя движенія. Не

смотря на то однакожь, эта поэма превосходитъ всѣ прежнія сочиненія Баратынскаго изящностью частей, наружною связью цѣлаго и совершенствомъ отдѣлки. Въ самомъ дѣлѣ, кто прочтя ее, не скажетъ, что Поэтъ сдѣлалъ успѣхи; что самые недоспапки его доказываютъ, что онъ требовалъ о себѣ больше, чѣмъ прежде; что смѣшеніе тѣни и свѣта здѣсь не сумерки, а разсвѣтъ, заря новой эпохи для его таланта: однимъ словомъ, что на его *Бальномъ вечерѣ*, какъ и на другихъ бальныхъ вечерахъ непоэтическихъ, сквозь тонкій, прозрачный занавѣсъ, виденъ утренняя свѣтъ наступающаго дня? —

Баронъ Дельвигъ издалъ *Собраніе* своихъ *стихотвореній*. Также какъ Баратынской, онъ не принадлежитъ ни къ одной изъ новѣйшихъ школъ, и даже подражанія его древнимъ носятъ печать оригинальности.

Всякое подражаніе по системѣ должно быть холодно и бездушно. Только подражаніе изъ любви можетъ быть поэтическимъ и даже творческимъ. Но въ послѣднемъ случаѣ можемъ ли мы совершенно забыть самихъ себя? и не отъ того ли мы и любимъ образецъ нашъ, что находимъ въ немъ черпы, соотвѣтствующія требованіямъ нашего духа? — Вотъ отъ чего новѣйшіе всегда оспораются новѣйшими во всѣхъ удачныхъ подражаніяхъ древнимъ (1); скажу

---

(1) Великій Гёте представляетъ тому убѣдительный примѣръ. Все, что есть прекраснаго въ его пѣвнической Ифигеніи, эти поэтическіе переливы сердечныхъ ощущеній, выраженные душевно-музыкальными стихами, принадлежатъ исключительно поэзіи новѣйшей. И чѣмъ обязана Ифигенія систематическому усилію подражанія? — Неподвижностью дѣйствія и безличностью характеровъ, которые дѣ-

болѣе: нѣтъ ни одного истинно изящнаго перевода древнихъ классиковъ, гдѣ бы не легли слѣды такого состоянія души, котораго не знали наши праотцы по Уму. Чувство религіозное, коимъ мы обязаны Христіанству; романическая любовь, подарокъ Арабовъ и варваровъ; уныніе, диня съвера и зависимости; всякаго рода фанатизмъ, необходимый плодъ борьбы вѣковыхъ неустройствъ Европы съ порывами къ улучшенію; наконецъ перевѣсъ мысленности надъ чувствами, и опшуда стремленіе къ единству и сосредоточенію, — вотъ новыя струны, которыя жизнь новѣйшихъ народовъ натянула на сердце человѣка. Напрасно думаешь онъ заглушить ихъ

дають ее неспособною къ театральному предшавленію и совершенно неспособною въ немного посредшвенномъ переводѣ. То-же можно сказать и о Шиллеровой Мессинской кевѣштѣ.

спонь, ударяя въ лиру Греціи : онъ невольно опзываются на его пѣсню , и вмѣсто простаго звука являешся аккордь.

Таковы подражанія Дельвига. Его Муза была въ Греціи ; она воспипалась подь теплымь небомь Аштики; она наслушалась шамь простыхъ и полныхъ , еспешвенныхъ , свѣпныхъ и правильныхъ звуковъ лиры Греческой ; но ея нѣжная краса не вынесла бы холода мрачнаго Сѣвера, если бы поэтъ не прикрыль ее нашею народною одеждою ; если бы на ея классическія формы онъ не набросиль душегрѣйку новѣйшаго унынія : — и не къ лицу ли Гречанкѣ нашъ сѣверный нарядъ ?

То же господствующее чувство замѣпно и въ другикъ произведеніяхъ Дельвига, и шо же качество, которое даеш опливъ новѣйшаго его подражаніямь древнимь , было причиною , что поэтъ

выше всего являешся въ своихъ Русскихъ пѣсняхъ.

Но говоря о писателяхъ образцовыхъ, коихъ имена блесѣли въ лишпературѣ прошедшаго года, можно ли не упомянуть объ одной изъ лучшихъ надеждъ нашихъ? — Не многіе получили въ удѣлъ такую силу и мужество, которыми красуются произведенія Языкова. Каждый стихъ его живетъ огнемъ, какъ Саламандра.

Если мы будемъ разсматривать лишпературу нашу въ отношеніи къ другимъ Европейскимъ, то найдемъ въ ней соединенное вліяніе почти всѣхъ словесностей. Мы сказали уже, что направление Нѣмецкое и Французское у насъ господствующія. Вліяніе поэзіи Англинской, особенно Байроновской и Оссіановской, замѣтно въ произведеніяхъ многихъ изъ нашихъ лишператоровъ. Подражанія древнимъ, хошя не

многочисленные, не могли не имѣть вліянія на общій характеръ нашей лирической поэмы. Словесность Итальянская, отражаясь въ произведеніяхъ Нелединскаго и Батюшкова, также бросила свою краску на многоцвѣтную радугу нашей поэмы. Все это живетъ вмѣстѣ, мѣшается, роднится, ссорится и обѣщаетъ лирическую нашу характеръ многосторонній, когда добрый гений спасетъ ее отъ безхарактерности.

Но вліяніе Итальянское, или лучше сказать, Батюшковское, замѣтно у немногихъ изъ нашихъ стихотворцевъ. *Гуманскій* отличается между ними нѣжностью чувства и музыкальностью стиховъ. Въ прошедшемъ году онъ печаталъ не много. Къ той же школѣ принадлежатъ Г-да Раичъ и Ознобишинъ.

Предѣлы эпохи нашей не позволяютъ намъ распространяться обо всѣхъ замѣчательныхъ произведеніяхъ

прошедшаго года. Упомянемъ о нѣко-
 торыхъ. Василій Львовичъ Пушкинъ на-
 печаталъ три главы изъ своей роман-
 тической поэмы: Храбровъ, гдѣ Муза
 его не измѣнила своей обыкновенной
 любезности. — Г-жа Лисицына издала
 собраніе своихъ стихотвореній, гдѣ
 чувство и простота выраженій ручающ-
 ся за неподложность таланта. Баронъ
 Розень издалъ Дѣву семи Ангеловъ.

Кромѣ того здѣсь и шамъ мелькають
 имена господъ: Иличевскаго, Корсака,
 Трилуннаго, Павлова, Григорьева, Вельш-
 мана, Вердеревскаго, Лихонина, Мих. Дми-
 шрѣева, Маркевича, Крюкова, Сіянова,
 Краинскаго, Якубовича, Степанова, Лев-
 шина, Каховскаго, Пешрова, Троспина,
 Олина, Межакова, Масальскаго, Зайцев-
 скаго, Каркунова, Башилова и другихъ.
 Но что сказать объ эпихъ писателяхъ? —
 Многіе изъ нихъ знакомы уже нашей пу-
 бликѣ, другіе вышли еще съ бѣлыми щип-
 ами на опасное поприще стихотвор-

ной дѣяшельности. Во многихъ, можешь бышь, паишься паланшь, и для развишія силы ждешь только времени, случая и шруда — по крайней мѣрѣ будемъ хранишь уваженіе къ надеждѣ, подлѣ любви къ воспоминанію.

Драмматическая лишпература наша — но можно-ли назвать Лишпературою сборъ нашихъ драмматическихъ произведеній? — Въ этой опросли словесности мы бѣднѣе всего. Трагедіи въ прошедшемъ году не вышло ни одной. Изъ комедій ни одна не превышаетъ посредственнаго. Замѣчательнѣе другихъ: *Свѣтскій слугай* Г-на Хмѣльницкаго; отрывки изъ *Арзамаскихъ гусей*; отрывки изъ *Колумба*, недокончанной комедіи покойнаго А. И. Писарева, и *Дворянскіе выборы* соч. неизвѣстнаго.

Вообще нашъ театръ представляешь странное противорѣчіе съ самимъ

собою: почти весь репертуаръ нашихъ комедій состоить изъ подражаній Французамъ, и не смотря на то, именно тѣ качества, копорыя отличаютъ комедию Французскую отъ всѣхъ другихъ: вкусъ, приличность, остроуміе, чистота языка, и все, что принадлежитъ къ потребностямъ хорошаго общества, — все это совершенно чуждо нашему театру. Наша сцена, вмѣсто того, чтобы быть зеркаломъ нашей жизни, служитъ увеличительнымъ зеркаломъ для однихъ лакейскихъ нашихъ, да еще копорыхъ не проникаетъ наша комическая Муза. Въ лакейской она дома, тамъ ея и гостинныя и кабинетъ, и зала, и уборная; тамъ проводитъ она весь день, когда не ѣздитъ на запяткахъ дѣлать визиты Музамъ сосѣднихъ государствъ, и чтобы Русскую Талію изобразить похоже, надобно представить ее въ ливреѣ и въ сапогахъ.

Таковъ общій характеръ нашихъ оригинальныхъ комедій, еще неизмѣненный немногими, рѣдкими исключеніями. Причина этого характера заключается отчасти въ томъ, что отъ Фонъ-Визина до Грибоѣдова мы не имѣли ни одного истиннаго комическаго таланта, а извѣстно, что необыкновенный человѣкъ, какъ необыкновенная мысль, всегда даютъ одностороннее направленіе уму; что перевѣсъ силы уравновѣшивается только другою силою; что вредъ генія исправляется явленіемъ другаго, прошивудѣйствующаго.

Между тѣмъ можно-бы замѣтить нашимъ комическимъ писателямъ, что они поступаютъ нерасчетливо, избирая *такое* направленіе. За простымъ народомъ имъ не угнаться, и какъ ни низокъ языкъ ихъ, какъ ни богаты неприличносціями ихъ удалыя шушки, какъ ни грубы ихъ фарсы, которымъ хохо-

чуть раёкъ; но они никогда не достигнуть до своего настоящаго идеала, и въ комедіи ихъ — любой извощикъ убереть однимъ словомъ.

Почти на каждомъ изъ нашихъ писателей замѣтно вліяніе болѣе или менѣе смѣшанное какой нибудь изъ иностранныхъ литературъ или котораго-нибудь изъ нашихъ первокласныхъ писателей. Есть однако-же у насъ особенная школа, оригинальная, самобытная, имѣющая свои качества, свое направленіе, своихъ многочисленныхъ приверженцевъ, совершенно отличная отъ всѣхъ другихъ, хотя многіе изъ нашихъ писателей заимствуютъ у нея красоты свои. Школа сія началась вмѣстѣ съ вѣкомъ, и основателемъ ея былъ Графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ, а послѣдователи его: Гг-да Борисъ Федоровъ, Телепневъ, Свѣчинъ, Волковъ, Беспушевъ-Рюминъ, А. Орловъ и другіе. Почти

всѣ сіи писатели суть поэты эпическіе, и почти каждый изъ нихъ создалъ особенную поэмѹ въ классическомъ духѣ, и только не многіе, на пр. Г. Рюминъ, позволяющъ себѣ вступать въ область романсики; но Г. Оедоровъ дѣлаешъ исключеніе изъ всѣхъ: болѣе другихъ приближаясь къ основателю школы, онъ писалъ почти во всѣхъ родахъ.

Эпою школою мы заключимъ обзорѣніе оригинальныхъ произведеній нашихъ Стихотворцевъ. Переводами прошедшій годъ былъ богаче всѣхъ предшествовавшихъ. Назовемъ замѣчательнѣйшіе: Г. *Ротгевъ* перевелъ Вильгельма Теля и Мессинскую Невѣсту, Шиллера, и печаталъ нѣкоторыя отрывки изъ Макбета Шекспирова. Стихъ Г. Ротчева силенъ и звученъ, но онъ иногда шепчетъ, часто не вѣренъ подлиннику и рѣдко передаетъ всѣ отпѣнки оригина-

ла. Г. *Шевыревъ* напечаталъ одно дѣйствіе Вильгельма Теля. Его переводъ ближе къ подлиннику и изящнѣе перевода Г-на Ропчева. Г. *Вронгенко* перевелъ Гамлета, отрывки изъ Дядювъ Мицкевича, отрывки изъ Юнга и нѣсколько Ирландскихъ мелодій Мура. Вообще переводы его весьма близки и языкъ правиленъ, хотя не довольно изященъ, и тяжель въ оборотахъ. Г. *Познанскій* перевелъ Альпугару изъ Мицкевича; она принадлежитъ не къ лучшимъ переводамъ Г-на Познанскаго, который вообще отличаетъ вѣрнымъ чувствомъ поэтическихъ красотъ подлинника, изящною простотою языка и точностью выраженій.

Кромѣ того переводили и печатали отрывки въ разныхъ журналахъ и альманахахъ: изъ Ромео и Юліи Шекспира Г. . . . ; изъ Донъ-Карлоса Шиллера и Ифигеніи Гёте, Г. *Лихонинъ*; изъ

Донъ-Карлоса же Г. *Колатевскій* и Г. *Ободовскій*; изъ Байронова Донъ-Жуана, и Паризины, изъ Парни и Мура, Г. *Маркевичъ*; Паризину перевелъ шакже Г. *Карцевъ*; Г. *Щастный* перевелъ Фариса Мицкевича; Лару Байрона перевелъ Г. Носковъ. Г. *Трилунный* переводилъ изъ Гьяура-Байрона, и нѣсколько сценъ изъ Мольерова Амфипріона. Г. *Козловъ* перевелъ Крымскіе сонеты Мицкевича. Его же Субботній вечеръ, подражаніе Борнсу, замѣчательнъ по приложеннымъ въ началѣ стихамъ на смерть А. А. Воейковой, гдѣ видно прогашельное чувство души, умѣющей любить прекрасное.

Сіи переводы, хошя весьма различнаго достоинства, всѣ однако-же доказываютъ успѣхи нашего просвѣщенія и усовершенствованіе нашего языка. Двадцать лѣтъ назадъ, каждый изъ нихъ возбудилъ бы особенное вниманіе. Замѣтимъ, что шесть иностранныхъ по-

этовъ раздѣляютъ преимущественно любовь нашихъ литераторовъ: Гёте, Шиллеръ, Шекспиръ, Байронъ, Муръ и Мицкевичъ. Добрый знакъ для будущаго! — Знакомствомъ съ Гёте, Шиллеромъ и Шекспиромъ обязаны мы распространившемуся влѣнію словесности Нѣмецкой и Жуковскому; знакомству съ Байрономъ обязаны мы Пушкину; любовь къ Муру принадлежитъ къ тѣмъ же спранностямъ нашего литературнаго вкуса, когорыя прежде были причиною безусловнаго обожанія Ламартина. Съ Мицкевичемъ прежде всѣхъ познакомилъ насъ Князь Вяземскій: это щастливое начало дружественнаго сближенія двухъ родныхъ словесностей, когорыя до сихъ поръ чуждались другъ друга.

Польская литература, также какъ Русская, до сихъ поръ была не только отраженіемъ литературы Французско-

Нѣмецкой, но и существовала единственно силою чуждаго вліянія. Какъ могла она дѣйствовать на Россію? — Чтобы объ словесности вступили въ сношенія непосредственныя и заключили союзъ прочный, нужно было хотя одной изъ нихъ имѣть своего уполномоченнаго на сеймѣ первоклассныхъ правителей Европейскихъ умовъ; ибо одного господствующее въ Европѣ можетъ имѣть вліяніе на подвластныя ей литературныя. Мицкевичъ, сосредоточивъ въ себѣ духъ своего народа, первый далъ Польской поэзіи право имѣть свой голосъ среди умственныхъ депутатовъ Европы, и вмѣстѣ съ тѣмъ далъ ей возможность дѣйствовать и на нашу поэзію.

Болѣе или менѣе сложное вліяніе сихъ шести чужеземныхъ Поэтовъ, соединенное съ вліяніемъ нашей собственной литературы, образуетъ теперь общій характеръ всѣхъ непервокласс-

сныхъ Стихотворцевъ нашихъ, и слѣдовательно характеръ нашей текущей словесности вообще. Но прежде нежели мы получимъ право говорить о семь общемъ характерѣ, должны мы докончить картину литературныя прошедшаго года обзорѣнемъ прозаическихъ сочиненій и журналовъ.

Мы не будемъ здѣсь говорить ни объ Исторіи 4 Хановъ, ни объ описаніи Пекина, изданныхъ Опцемъ Такинѣомъ; ни о картинѣ войны съ Турціею сочиненной Г-мъ Бушурлинымъ; ни о другихъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ произведеніямъ, не входящихъ въ область чистой литературы. Но замѣтимъ, что прошедшій годъ былъ особенно богатъ произведеніями въ родѣ повѣствовательномъ. Назовемъ лучшія: Мѣшокъ съ золотомъ, Гна *Полеваго*; Черная курица, сказка для дѣтей, Гна *Погорѣльскаго*; Черная немочь, Гна *Погодина*,

Уединенный домикъ на Васильевскомъ островѣ, *Тита Космократова*, Русалка *Г. Байскаго* и другія. — *Черный год* или *Горскіе Князья* имѣешь всё тѣ-же качества, какія публика находила въ прежнихъ романахъ покойнаго *Г. Нарѣжнаго*: *возможность* таланта, ко-рому для перехода въ *дѣйствительность* еще недоставало *большей образованности* и *вкуса*.

Менѣ таланта, но болѣе *литтературной опытности*, языкъ болѣе *гладкій*, хотя *безцвѣтный* и *вялый*, находимъ мы въ *Выжигинѣ*, нравственно-са-тирическомъ романѣ *Гна Булгарина*. Пу-стоша, безвкусіе, бездушность; нравст-венныя сеншенціи *выбранныя* изъ *дѣт-скихъ прописей*, невѣрность описаній, припорность шутокъ, *вошь* качества сего сочиненія, качества — которыя составляютъ его достоинство, ибо они

дѣлають его по плечу простому народу, и той части нашей публики, кошорая ошь азбуки и кашихизиса, пристунась къ повѣстямъ и путешествіямъ. Чшо ёсть люди, кошорые читають Выжигина съ удовольствіемъ и слѣдовашельно съ пользою, эшо доказывається тѣмъ, что Выжигинъ расходился. Но гдѣ-же эши люди? спросяшь меня. — Мы не видимъ ихъ, точно также, какъ и шѣхъ, кошорые наслаждаются *Сонникомъ* и книгою *О клопахъ* (1); но они есть, ибо и *Сонникъ*, и *Выжигинъ*, и *О клопахъ* раскупаются во всѣхъ лавкахъ.

Замѣчашельно, что въ прошедшемъ году вышло около 100,000 экземпляровъ азбуки Русской, около 60,000 азбуки Славянской, 60,000 экз. Кашихизиса,

---

(1) Книги: *О клопахъ* вышло въ прошедшемъ году нѣсколько тысячъ_экземпляровъ.

около 15,000 азбуки Французской, и вообще учебныя книги расходились въ этомъ году почти цѣлою третью болѣе нежели въ прежнемъ. Вотъ что намъ нужно, чего недостаетъ намъ, чего по справедливости требуетъ публика.

Изъ переводныхъ книгъ назовемъ двѣ: *Вертера*, соч. Гёте, переводъ Г-на Р. и Исторію Литтературы Фр. Шлегеля, переводъ неизвѣстнаго. Первый можно назвать самымъ близкимъ, самымъ изящнымъ изъ всѣхъ прозаическихъ переводовъ, вышедшихъ у насъ въ послѣднее двадцатилѣтіе.

Страшная неприличность полемики сославляла опличительный характеръ нашихъ журналовъ прошедшаго года. Мы надѣемся однако, что это скоро упоминетъ нашу публику и, что

она скоро захочетъ видѣть въ нашихъ литератураторахъ кой-что кромѣ двуногихъ животныхъ съ перьями:

Обозрѣнїе особенныхъ качествъ каждаго изъ нашихъ журналовъ не входитъ въ планъ этой статьи. Замѣтимъ однако, что *Телеграфъ* былъ богаче другихъ хорошими, дѣльными статьями, и болѣе другихъ передавалъ намъ любопытнаго изъ журналовъ иностранныхъ; *Сѣверная Пчела* была свѣжѣе другихъ политическими новостями; *Атеней* менѣе другихъ участвовалъ въ различныхъ полемикахъ; *Славянинъ* неприличность брани усилилъ до Поэзіи.

Замѣтимъ еще одно качество общее почти всѣмъ журналамъ нашимъ: странный слогъ, которымъ вышутся многія оригинальныя и большая часть переводныхъ статей, слогъ непочиный,

шершавый, и часно хуже того, которыми писали у насъ прежде Карамзина и Дмитриева. Можеть быть это одна изъ главныхъ причинъ, почему люди со вкусомъ почти не читають нашихъ журналовъ; ибо для образованнаго слуха нѣтъ ничего тяжель фальшивыхъ нотовъ.

Съверные цвѣты были безъ сравненія лучшимъ изъ всѣхъ Альманаховъ. Въ *Невскомъ Альманахѣ* замѣшимъ прозаическую статью *Ливонія*, соч. неизвѣстнаго: если-бы наше обозрѣнiе было писано тѣмъ-же перомъ, которое начертало *Ливонiю*, то мы печатали-бы его безъ боязни неуспѣха.

Другiе Альманахи — но что пользы намъ знать, что тѣ или другiя статьи печатались въ томъ, а не въ другомъ періодическомъ изданiи? — Объ-

яснить-ли это скольконибудь характеръ нашей литературы?

До сихъ поръ разсматривали мы словесность нашу въ отношеніи къ ней самой, и потому съ любопытствомъ осматривались на каждомъ произведеніи, которое открываетъ намъ новую сторону нашего литературнаго характера, или подаетъ новую надежду въ будущемъ. Здѣсь все казалось намъ важнымъ, все достойнымъ вниманія, какъ сѣмена, изъ коихъ со временемъ созрѣетъ плодъ.

Но если мы будемъ разсматривать нашу словесность въ отношеніи къ словесностямъ другихъ государствъ; если просвѣщенный Европейецъ, развернувъ передъ нами всѣ умщвенныя сокровища своей страны, спроситъ насъ: „Гдѣ литература ваша? Какими произведе-

пїями можете вы гордиться передъ Европою?“ — Что будемъ отвѣчать ему? —

Мы укажемъ ему на Исторію Россійскаго Государства; мы представимъ ему нѣсколько одъ Державина, нѣсколько стихотвореній Жуковскаго и Пушкина, нѣсколько басенъ Крылова, нѣсколько сценъ изъ Фонъ-Визина и Грибоѣдова, и — гдѣ еще найдемъ мы произведеніе достоинства Европейскаго?

Будемъ безпристрастны, и сознаемся, что у насъ еще нѣтъ полного отраженія умственной жизни народа, у насъ еще нѣтъ литературы. Но утѣшимся: у насъ есть благо, залогъ всѣхъ другихъ: у насъ есть Надежда и Мысль о великомъ назначеніи нашего отечества! —

Вѣнецъ просвѣщенія Европейскаго служилъ колыбелью для нашей образо-

ванности ; она рождалась , когда другія государства уже докончивали кругъ своего умственнаго развитія , и гдѣ они остановились , тамъ мы начинаемъ . Какъ младшая сестра въ большой , дружной семьѣ , Россія прежде вступленія въ свѣтъ богата опытною старшихъ .

Взгляните теперь на всѣ Европейскіе народы : каждый изъ нихъ уже совершилъ свое назначеніе , каждый выразилъ свой характеръ , каждый пережилъ особенность своего направленія , и уже ни одинъ не живетъ отдѣльною жизнью : жизнь *цѣлой* Европы поглотила самостоятельность *всѣхъ частныхъ* государствъ .

Но для того , чтобы *цѣлое* Европы образовалось въ стройное , органическое тѣло , нужно ей особенное средоточіе , нуженъ народъ , который-бы

господствоваль надъ другими своимъ политическимъ и умственнымъ перевѣсомъ. Вся исторія новѣйшаго просвѣщенія представляеть необходимость такого господства: всегда одно государство было, такъ сказать, *столицею* другихъ, было *сердцемъ*, изъ котораго выходить и куда возвращается вся кровь, всѣ жизненные силы просвѣщенныхъ народовъ.

Италія, Испанія, Германія (во время реформаціи), Англія и Франція, попеременно управляли судьбою Европейской образованности. Развитіе внутренней силы было причиною такого господства, а упадокъ силы причиною его упадка.

Англія и Германія находятся теперь на вершинѣ Европейскаго просвѣщенія, но вліяніе ихъ не можетъ бытъ живительное, ибо ихъ внутренняя жизнь,

уже окончила свое развитіе , состарѣлась и получила ту односторонность зрѣлости, которая дѣлаешь ихъ образованность исключительно имъ однѣмъ приличною.

Вотъ ось чего Европа представляешь теперь видъ какого-то оцѣпенѣнія; политическое и нравственнее усовершенія равно останновились въ ней; запоздалыя мнѣнія, обветшалыя формы, какъ запруженная рѣка, плодоносную страну превратила въ болото, гдѣ цвѣтуть однѣ незабудки, да изрѣдка блестящій холодный, блуждающій огонѣкъ.

Изъ всего просвѣщеннаго человечества два народа не участвуютъ во всеобщемъ усыпленіи; два народа, молодые, свѣжіе, цвѣтуть надеждою: то Соединенные Американскіе штаты, и наше отечество.

Но отдаленность мѣстная и политическая, а болѣе всего односторонность Англійской образованности Соединенныхъ шшатовъ, — всю надежду Европы переносятъ на Россію.

Совмѣстное дѣйствіе важнѣйшихъ Государствъ Европы участвовало въ образованіи начала нашего просвѣщенія, приготовило ему характеръ Обще-Европейскій и вмѣстѣ дало возможность будущаго вліянія на всю Европу.

Къ той же цѣли ведутъ насъ гибкость и переимчивость характера нашего народа, его политическіе интересы и самое географическое положеніе нашей земли.

Судьба каждаго изъ Государствъ Европейскихъ зависитъ отъ совокупности всѣхъ другихъ; — судьба Россіи зависитъ отъ одной Россіи.

Но судьба Россіи заключается въ ея просвѣщеніи: оно есть условіе и источникъ *всѣхъ* благъ. Когда-же эти *всѣ* блага будутъ нашими, — мы ими подѣлимся съ остальною Европою и весь долгъ нашъ заплашимъ ей сторицею.

И. Кирѣевскій.

Д В Ъ П Е Р В Ы Я С Ц Е Н Ы
И З Ъ Т Р А Г Е Д И И
Б О Р И С Ъ Г О Д У Н О В Ъ .

1598 года 20 Февраля.

К Р Е М Л Е В С К І Я П А Л А Т Ы .
К Н Я З Ъ Я Ш У Й С К І Й И В О Р О Т Ы Н С К І Й .

В О Р О Т Ы Н С К І Й .

Наряжены мы вмѣстѣ городъ вѣдашь,
Но кажешся намъ не за кѣмъ смошрѣшь:
Москва пуша; вослѣдъ за Патріархомъ
Къ монашырю пошелъ и весь народъ.
Какъ думаешь, чѣмъ кончится шревога?

Ш У Й С К І Й .

Чѣмъ кончится? узнашь не мудрено:
Народъ еще повоешь, да поплачешь,

Борисъ еще поморщится немного ,
 Что пьяница предъ чаркою вина ,
 И наконецъ , по милости своей ,
 Принять вѣнецъ смиренно согласится ;
 А шамъ, — а шамъ онъ будешь нами править
 По прежнему.

В О Р О Т Ы Н С К І Й.

Но мѣсяцъ ужь прошекъ
 Какъ, зашворясь въ монашырѣ съ сестрою,
 Онъ кажешься покинулъ все мирское.
 Ни Патриархъ , ни Думные Бояре
 Склонить его доселѣ не могли ;
 Не внемлешь онъ ни слезнымъ увѣщаньямъ,
 Ни ихъ мольбамъ , ни воплю всей Москвы ,
 Ни голосу великаго собора.
 Его сестру напрасно умоляли
 Благословишь Бориса на державу ;
 Печальная монахиня Царица
 Какъ онъ тверда , какъ онъ неумолима ;
 Знашь самъ Борисъ сей духъ въ нее вселилъ!
 Что ежели правилъ въ самомъ дѣлѣ

Державными заботами наскучилъ
И на престоле безвластный не взойдетъ?
Что скажешь ты?

Ш У Й С К И Й.

Скажу, что понапрасну
Лилась кровь Царевича младенца:
Что если шакъ, Димитрій могъ бы жить.

В О Р О Т Ы Н С К И Й

Ужасное злодѣйство! Полно шочно-ль
Царевича сгубилъ Борисъ?

Ш У Й С К И Й.

А кто же?

Кто подкупалъ напрасно Ченчугова?
Кто подослалъ обоихъ Биляговскихъ
Съ Качаловымъ? — Я въ Угличъ посланъ былъ
Издѣловать на мѣстѣ это дѣло:
Наѣхалъ я на свѣжіе слѣды;
Весь городъ былъ свидѣтель злодѣянья,
Всѣ граждане согласно показали;

И возвращаясь, я могъ единымъ словомъ
Изобличить сокрытаго злодѣя.

В О Р О Т Ы Н С К І Й.

За чѣмъ же ты его не уничтожилъ ?

Ш У Й С К І Й.

Онъ, признаюсь, тогда меня смутилъ
Спокойствіемъ, безсмыдностью неожиданой ;
Онъ мнѣ въ глаза смотрѣлъ какъ будто
правый,
Распрашивалъ, въ подробности входилъ,
И передъ нимъ я повщорилъ нелѣпность,
Которую мнѣ самъ онъ нашепталъ.

В О Р О Т Ы Н С К І Й.

Не чистю, Князь.

Ш У Й С К І Й.

А что мнѣ было дѣлать ?
Все объявить Феодору ? Но Царь
На все глядѣлъ очами Годунова,
Всему внималъ ушами Годунова.

Пускай его увѣрилъ я во всемъ ,
 Борисъ шопчасъ его бы разувѣрилъ ;
 А шамъ меняжь сослани-бъ въ започенье ,
 Да въ добрый часъ , какъ дядю моего ,
 Въ глухой шюрмѣ шихонько - бѣ задавили .
 Не хвасхаюсь , а въ случаѣ конечно
 Ни кая казнь меня не успрашишь ;
 Я самъ не шрусъ , но шакже не глупецъ ,
 И въ пешлю лѣзшь не захочу я даромъ .

В О Р О Т Ы Н С К І Й .

Ужасное злодѣйство ! Слушай , вѣрно
 Губителя раскаянье шревожишь ,
 Конечно кровь невиннаго младенца
 Ему спушишь мѣшаетъ на прешоль .

Ш У Й С К І Й .

Перешагнешъ ; Борисъ не шакъ - шо робокъ !
 Какая честь для насъ , для всей Руси !
 Вчерашній рабъ , Ташаринъ , зяшь Малюшы ,
 Зильш палача и самъ въ душѣ палачъ ,
 Возметъ вѣнецъ и бармы Мономаха !

В О Р О Т Ы Н С К І Й.

Такъ, родомъ онъ не знаиенъ; мы знаише.

Ш У Й С К І Й.

Да кажетса.

В О Р О Т Ы Н С К І Й.

Вѣдь Шуйскій, Ворошынскій . . .

Легко сказать, природные Князья.

Ш У Й С К І Й.

Природные п Рюриковой крови.

В О Р О Т Ы Н С К І Й.

А слушай, Князь, вѣдь мы-бъ имѣли право
Наслѣдовашь Феодору?

Ш У Й С К І Й.

Да болѣ,

Чѣмъ Годуновъ.

В О Р О Т Ы Н С К І Й.

Вѣдь въ самомъ дѣлѣ.

Ш У Й С К І Й.

Чшожь?

Когда Борисъ хитритъ не переспанешь,

Давай народъ искусно волновашь ;
 Пускай они оставяшъ Годунова ,
 Своихъ Книзей у нихъ довольно ; пусть
 Себѣ въ Цари любовь выберушъ .

В О Р О Т Ы Н С К І Й .

Да ! много насъ наслѣдниковъ Варяга ,
 Да шрудно намъ шагашься съ Годуновымъ ;
 Народъ ошвыкъ въ насъ видѣшь древню
 ошросль

Воиншвениыхъ властителей своихъ .
 Уже давно лишились мы удѣловъ ,
 Давно Царямъ подручниками служимъ ,
 А онъ умѣлъ и страхомъ и любовью
 И славою народъ очаровашь .

Ш У Й С К І Й (глядитъ въ окно) .

Онъ смѣль, вошь все — а мы . . . по полно ,
 видишь
 Народъ идешъ , рассыпавшись , назадъ ;
 Пойдемъ скорѣй , узнаемъ , рѣшено ли .

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ.

Н а р о д ъ.

О Д И Н Ъ.

Неумолимъ! онъ ошъ себя прогналъ
Свяшишелей, Бояръ и Патріарха.
Они предъ нимъ напрасно пали ницъ,
Его спрашишь сіяніе престола.

Д Р У Г О Й.

О Боже мой, кшо будешь нами правишь?
О горе намъ!

Т Р Е Т І Й.

Да вошь верховный Дьякъ
Выходишь намъ сказать рѣшенье думы.

Н А Р О Д Ъ.

Молчашь! молчашь! Дьякъ думный говоришь:
Шш — слушайте!

ЩЕЛКАНОВЪ *съ краснаго крыльца.*

Соборомъ положили

Въ послѣдній разъ ошвѣдашь силу просьбы
Надъ скорбною правишеля душой.

Заушра вновь святѣйшій Патріархъ,
 Въ Кремль ошпѣвъ шоржественно молебень,
 Предшесшвуемъ Хоругвами свяшими
 Съ иконами Владимирской, Донской
 Воздвижишя; а съ нимъ синглишъ, Бояре,
 Да сонмъ Дворянъ, да выборные люди
 И весь народъ Московскій православный.
 Мы всѣ пойдемъ молишъ Царицу вновь:
 Да сжалишя надъ сирюю Москвою
 И на вѣнецъ благословишъ Бориса.
 Идише же вы съ Богомъ по домамъ;
 Молишеса — да възидешъ къ небесамъ
 Усердная молишва православныхъ.

(Народъ расходится.)

А. Пушкинъ.

НАТАЛЬЯ.

ИСТИННОЕ ПРОИСШЕСТВІЕ.

Въ Москвѣ, тому лѣтъ шестьдесятъ, загорѣлся ночью кабакъ. Полиція и народъ немедленно прибѣжали на помощь; но пламя, питаемое виннымъ спиртомъ, обняло ея такую быстрою зданіе, что не было никакой возможности потушить пожаръ. Сквозь дымъ и огонь пробились къ двери; хотѣли отпереть ее, но къ удивленію наши, что она замкнута. Принуждены были крѣпками разобрать спроченіе; тогда, подъ грудой пепла и пылающихъ бревенъ, замѣтили человѣкъ около десяти погибшихъ въ огонь. Ни одному изъ нихъ не могли спасти жизни; ибо иные задохлись отъ дыму, другіе до половины уже сгорѣли.

Посреди толпящагося народа, одна молодая женщина привлекла на себя вниманіе окружающихъ. Она стояла неподвижно въ нѣсколькихъ шагахъ отъ горящей стѣны, не смотря на жаръ и падающія сверху головни. Черты лица ея, освѣщенныя ярко заревомъ, изображали внутреннее безпокойство. Многіе изъ зрителей, думая, что она узнала въ одномъ изъ погибшихъ близкаго себѣ челоуѣка, подошли къ ней и съ участіемъ уговаривали ее удалиться отъ опасности. Она отвѣчала имъ дикимъ смѣхомъ; потомъ, устремивъ изсупленный взоръ на мертвыя тѣла, сказала: „Не бойтесь, шеперь никто меня не обидитъ; я смотрѣла въ окно и видѣла, какъ они пьяные ползли къ двери; да я дверь заперла, никто не ушелъ.“ — Сии странныя слова обратили на нее подозрѣніе въ зажигательствѣ; ее взяли подъ спражу и ошвели въ шюрму. Въ

печеніе нѣсколькихъ дней казалась она въ сумасшествіи; по съ радостію говорила, что она сожгла кабакъ; по, погружаясь въ мрачное уныніе, оставалась безмолвною на вопросы ей предлагаемые; по, забывши, будто, приключеніе по которому содержитсяъ подъ стражею, спрашивала о родителехъ своихъ и удивлялась, что не находить ихъ подлѣ себя; попомъ, пораженная внезапнымъ воспоминаніемъ, приходила въ изступленіе; вопли и рыданія стѣсняли грудь ея и она падала безъ чувствъ. Къ ней послали священника. Когда онъ увѣщаніями успокоилъ мало по малу ея мысли, она чистосердечно рассказала ему всѣ обстоятельство своего ужаснаго преступленія.

Повѣсть жизни ея покажетъ, какимъ образомъ судьба непреодолимая, неизбежная, можешь довести постепенно че-

ловѣка непорочнаго, но слабаго духомъ, до злодѣянiя невѣрояшнаго.

Нещасная, о копорой мы говоримъ, была единственною дочерью богатаго Московскаго купца. Ее звали Напальею. Родители ея находили въ ней все щастiе жизни своей. Они ошдаляли отъ нея малѣйшiя огорченiя, и всякiй день старались доставлять ей новое удовольствiе. Любовь ихъ не имѣла границъ; съ своей спороны, Напалья плашила имъ равною привязанностию и непрекословнымъ послушанiемъ ихъ волю. Съ младенчества прiучили ея полагаться во всемъ, что до нея ошносится, на попеченiя другихъ; а потому не мудро, что съ нравомъ, отъ природы робкимъ, она стала жертвою судьбы жестокой, когда одна, собственными силами должна была отвращать ея удары.— Въ шестнадцать лѣтъ удивитель-

ная красота ея раскрылась во всемя цвѣтѣ. Черты лица ея сохраняли еще милое выраженіе ребяческой невинности; но во взорѣ ея, въ поступи, въ звукѣ голоса являлась уже прелесть не дѣтскому возрасту свойственная. Молодые люди изъ ея состоянія искали на перерывѣ ея руки. Между ними Алексѣй Д., по личнымъ качествамъ и богатству, казался достойнѣе прочихъ ея выбора. Но свободная и щасливая въ родительскомъ дому, она не хотѣла итти замужъ. Когда мать говорила ей о женихахъ, она обыкновенно отвѣчала: „Развѣ мнѣ дурно жить съ вами; за чѣмъ же вступаю въ чужую семью и пойду въ неволю къ человѣку незнакомому?“ Родители, внутренно опасаясь разлуки съ нею, не пропивились ея волѣ, согласной съ ихъ собственною. — Приходитъ время, когда смутное желаніе стѣсняетъ сердце опроковицы;

тогда кругъ родной семьи, общество подругъ, рѣзвыя забавы дѣтскихъ лѣтъ недоспащочны уже для ея благополучія, и мысли ея стремятся за предѣлы знакомыхъ ей предметовъ. Но видно часъ любви не настаивалъ еще для Напальи.

Алексѣй не имѣлъ причины бояться, чтобъ предложеніе руки его было отвергнуто. Неожиданный отказъ его поразилъ. Онъ любилъ Напалью страстно; въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, занятый одною мыслию обладать ею, онъ не въ силахъ былъ вдругъ отказаться отъ своихъ надеждъ. Неудача умножала его привязанность; пошаривъ покой, забывъ дѣла свои по торговлѣ, онъ искалъ только случая ее видѣть; но отношенія его съ домомъ ея были прекращены: изрѣдка только встрѣчалъ онъ ее на гуляньяхъ или въ церкви, и то не могъ ни разу обра-

пишь на себя ея вниманія. Въ уныніи своемъ прибѣгнуль онъ къ помощи няни Нашальиной. Безъ труда склонилъ онъ эту женщину на свою сторону; она любила искренно пипомицу свою, почитала Алексѣя достойнымъ ея женихомъ, и находила сверхъ того личную выгоду въ содѣйствіи къ ихъ соединенію. Отъ няни узналъ онъ, что родители Нашальи согласны бы были выдать дочь свою за него, еслибъ она сама того желала, и что единственная причина ея сопротивленія заключается въ боязни потерять свободу и разлучиться съ семьей своею. И такъ, казалось, прежде всего должно побѣдить ребяческое упрямство дѣвушки, незнающей своего благополучія. — Няня за это взялась. Всякій день расточала она похвалы достоинствамъ Алексѣя, говорила о его чрезмѣрной привязанности къ ней, о щастіи супружеской

жизни; но ея спаранія не имѣли никакого успѣха. Женское сердце, не пронумое любовью неопшпупною, часто плашишь за нее чувствомъ похожимъ на презрѣніе. Безпрерывная рѣчь объ Алексѣѣ до того наскучила Напашли, что она запретила нянѣ произносить при себѣ его имя. Несмотря на то, старуха не переснавала питашь въ немъ надежды, брала ошъ него подарки и старалась шолько продлить время.

Неизвѣстность объ участи своей, страхъ и ожиданія измучили наконецъ сердце Алексѣя. Онъ рѣшился удостовѣриться самъ въ чувствахъ Напашли, и пошребоваль ошъ няни, чтобы она доставила ему случай для свиданія съ нею наединѣ. Няня испугалась такого предложенія и предснавляла ему, что поспѣшность можетъ испоршншь его дѣло; но онъ наснаиваль и объ-

щаль богатую награду за ея усердіе. — „Далѣ перпѣшь, говорилъ онъ, я не въ состояніи; когда она услышитъ отъ меня самаго, какъ сильно я ее люблю, бышь можешь, она перестанетъ бояться замужства; еслижъ убѣжденія мои останутся тщешными, то я уѣду изъ Москвы и постараюь ея забыть; на себя же няня пеняшь не буду.“ — Послѣ нѣкотораго затрудненія, старуха согласилась исполнить его просьбу. Продолжать обманъ свой ей уже нельзя было; а въ случаѣ успѣха отъ личнаго объясненія Алексѣя, благодарношь его, думала она, обратится на нее.

Однажды, зимнимъ вечеромъ, отецъ и мать поѣхали въ гости. Напалья оспавалась одна и, сидя въ спальнѣ своей, что - то вышивала. Нѣсколько разъ кликала она няню, но и шой видно не было дома. Приходитъ наконецъ старуха; извиняется въ отсушствіи сво-

емь и, обнимая ее ласково, говорить: не разсердишься ли ты на меня, дитя мое, за то, что я сдѣлала? — «Какъ тебѣ не стыдно, няня, извиняться, отвѣчала Наталья: я никогда на тебѣ не сержусь, да и бѣда не велика, что ты ушла изъ дому; мнѣ надобности въ тебѣ не было: только скучно было одной сидѣть, и я звала тебѣя, чтобы поговорить объ чемъ нибудь.» — Я угадывала, что тебѣ скучно будетъ одной оставаться; бабушка и матушка прѣдутъ поздно; они отправились на край города, за шѣмъ то . . . да не разсердись на меня. — «Чему сердишься? Ты ничего не сдѣлала дурнаго.» — Да ты не знаешь еще, что я хочу сказать; ну, побожись, что не разсердишься.» — «Полно няня изъ пустяковъ божишься! говори, что такое?» — Ты увѣрена дитяшко, что никто тебѣ столько не любитъ, какъ я. — »Знаю

няня, и я тебя люблю, да объ чемъ пушь говоришь?» — Кромѣ тебя никого у меня нѣтъ на свѣстѣ: мужа давно уже схоронила; былъ сынъ, и тошь умеръ; не жалѣю объ нихъ, лишь бы шы была щасплива. — »Нашалья обняла ее нѣжно, хошы не знала, къ чему ведушь эти увѣренія.« — Ты и пригожа и умна и добра: одно мнѣ больно видѣть въ шебѣ, моя красавица, что ты сама не хочешь подумашь о своемъ счасіи. — »Опять, няня, заводишь ты рѣчь о замужствѣ; пожалуста переспань; бывало мнѣ такъ пріятно разговаривать съ тобою, а шеперь не знаю что и отвѣчать на твои слова.« — Ну не спану, не спану; упряма ты дидятко; иной бы, можешь бышь, лучше моего уговориль шебя.« — Няня была въ большемъ запрудненіи; времени шерять нельзя было, а потому она рѣшилась безъ дальнихъ околичностей исполнить свое на-

мѣреніе, надѣясь въ случаѣ неудовольствія Напальи, смягчить ее ласками и выманить ее прощеніе. — „Я знала, повпорила она, что шебѣ скучно будешь одной; за шѣмъ-то и привела гостя; обойдись съ нимъ ласково.“ — Не успѣла удивленная Напалья спросить у няни о комъ она говоритъ, какъ по полученному знаку, является предъ нею Алексѣй. Можно вообразить себѣ испугъ ея, вспомнивъ до какой степени, по стариннымъ обычаямъ Русскаго народа, строго наблюдаемымъ до сего времени между купцами, неприлично для дѣвушки всякое личное отношеніе съ молодымъ человѣкомъ, особливо же свиданіе съ нимъ у себя въ компаніѣ, безъ вѣдома родителей. Напалья, съ ужасомъ отбѣжавъ отъ Алексѣя, устремила на няню неподвижные взоры; какъ будто, не вѣря собственнымъ глазамъ, желала удостовѣриться, не сонъ

ли она видитъ, или по крайней мѣрѣ найти въ ней помощь, и узнать, какую тайну скрываетъ это непонятное посѣщеніе. Но няня услужливо и поропливо просила ее ободриться, увѣряя, что ей вреда никакого не будетъ, что Алексѣй пришелъ съ намѣреніемъ только сказать ей нѣсколько словъ, и что никто не узнаетъ о происходящемъ. Между тѣмъ, самъ Алексѣй стоялъ въ замѣшательствѣ, и искалъ словъ въ свое оправданіе; няня, побѣждавъ къ нему, прошептала: „Видишь ли, что напрасно пришелъ; выдь вонъ скорѣе, а не то еще бѣда случится.“ — Неумолимый и вмѣстѣ ласкающій видъ старухи, тайные переговоры ея съ Алексѣемъ, незнаниемъ, что предпринять — все заставило Наталью думать, что она попала въ руки безжалостныхъ враговъ, желающихъ насильно вынудить ее согласіе, или увезти ее изъ опцовскаго

дома. Почувствовавъ слабость свою и беззащитное состояніе, она упала въ кресла и закрывъ лице обѣими руками, воскликнула: „За что вы хотите меня губить? Что я вамъ сдѣлала?“ — Ея голосъ дрожалъ, слезы лились сквозь бѣлые пальцы, молодая грудь подымалась отъ тяжелыхъ вздоховъ.

Такой видъ шронулъ бы каменное сердце. Алексѣй, забывъ все, что приготавлился говорить, бросился къ ея ногамъ и съ жаромъ произнесъ; „Наташья, клянусь Богомъ, что я не имѣлъ намѣренія тебя обидѣть; я пришелъ просить, чтобъ ты сжалилась надъ моими муками: по слухамъ ты не можешь ихъ вообразить. Прости мнѣ за мою дерзость; я сей часъ уйду и никогда глаза твои меня не увидятъ. Я жить безъ тебя не могу. Не вини меня!“ Наташья вспала съ мѣста и ободреннымъ, голосомъ, выразившимъ всю доб-

рошу ея невиннаго сердца, отвѣчала: „Прощаю вамъ опъ всей души; но ради Бога удалитесь скорѣй.“ — Алексѣй, поникнувъ головою, исполнялъ уже медленно ея волю, какъ вдругъ слышенъ шорохъ шаговъ въ ближней комнатѣ. Напалья узнаетъ походку мапери своей. По невольному движенію спрахъ и стыда, подбѣгаетъ она какъ молнія къ двери и хватается за замокъ, не зная сама для чего это дѣлаетъ. — Мать, замѣтивъ что дверь заперта, требуетъ чшобъ ее впустили и подаетъ знаки нешерпѣнія. — „Подождите малушка, отвѣчаетъ няня въ шоропяхъ; сей часъ отворимъ.“ — Напалья не имѣетъ силы слова произнести; наконецъ слышитъ сзади себя шопощъ няни: „Впусти шеперь, и не бойся ничего.“ Она повинуется какъ будто магической власти, опнимаетъ руку опъ замка, и опступивъ на шагъ, не смѣя поднять взоры, останавли-

вається неподвижно. Мать входитьъ. На вопросъ ея, за чѣмъ заставили ея дожидаться, няня придумываетъ въ одну минуту причину случившагося замедленія и многорѣчиво рассказываетъ какъ Наталья, чувствуя головную боль, собиралась уже почивать, какъ замокъ въ двери испорчился и проч. — Мать подходитъ къ дочери, обнимаетъ ея, и приложивъ заботливо руку свою къ лицу ея, освѣдомляется о ея здоровьи. Наталья, произнеся робко нѣсколько словъ, рѣшается взглянуть вокругъ себя. Къ удивленію, не видить она болѣе Алексѣя. Казалось, не было возможности ему ни уйти, ни спрятаться: комната не большая, входъ въ нее изъ одной двери; окно съ двойною рамою; вся мебель состоятъ изъ кровати на низкихъ ножкахъ, нодъ копорую вдвинуты сундуки, изъ комода, шкафа съ стекляными дверцами и нѣсколькихъ стульевъ. Алексѣй исчезъ

какъ призракъ. Смяненіе Нашалы не позволяло ей раздумывать, какимъ образомъ все случившееся могло произойти; но сердцу ея стало легче; она воображала, что вышняя сила, сжалясь надъ ея состояніемъ, спасла ее чуднымъ образомъ отъ внезапной бѣды, ужаснѣе коей ничего въ мірѣ ей не представлялось. Нѣсколько минутъ зрѣлаго сужденія открыло бы ей, что страхъ ея напрасенъ, и что невинность ея должна бы была обнаружиться въ глазахъ матери ея; ибо ни Алексѣй, ни няня, не могли бы скрыть истины. — Благоразумнѣе и безопаснѣе было бы для нея искать защиты въ матери своей противъ людей, употребившихъ во зло слабость ея возраста. Но она дѣйствовала безъотчетно по внушенію испуга и стыда. Въ шакговомъ расположеніи души, ей легче всего было повиноваться слѣпо корешкимъ приказаніямъ няни.

Пришедши въ себя отъ перваго волненія, она сшала принимать участіе въ разговорѣ матери, которая успокоясь также на щепь ея здоровья, сѣла на край постели ея и начала разсказывать: у кого и какъ провела вечеръ, и почему возвратилась домой ранѣе чѣмъ думала. Между тѣмъ поджидала она мужа, оставшагося въ гостяхъ. Такимъ образомъ прошло около часу. Одна няня не переставала суешиться, и по временамъ напоминала матери, что Натальи пора спать. Наконецъ мать встала съ мѣста, распростилась съ дочерью, благословила ее на ночь и вышла вонъ. — Няня слѣдовала внимательнѣе за нею глазами, и когда перестала слышать шумъ ея шаговъ, то заперла дверь на замокъ, и подбѣжавъ къ кровати, подняла поспѣшно перину. Предъ глазами Натальи явился лежащій Алексѣй. — »Вставай,

говоришь няня, и иди проворнѣй покуда никто не увидишь.» — Но онъ не отвѣчаетъ и не шевелился. — «Ахши! онъ безъ памяти,» продолжаетъ спаруха, и взявъ свѣчу, освѣщаетъ Алексѣя. Нашалья также приближается къ нему и видишь: его лице въ багровыхъ пятнахъ и выражаетъ бореніе съ муками удушья, глаза полуоткрыты и недвижимы, губы посинѣли. — Еще разъ вздохнулъ онъ тяжело и болѣе уже дыханіе его не было слышно, сердце не билось. — «Никакъ - то онъ умеръ!» съ ужасомъ произнесла няня. — При сихъ словахъ послѣднія силы оставили Нашалю, ноги не могли ее поддерживать и она невольно опустилась на землю. Спаруха не ошиблась. Сколько ни спаралась она расталкивать Алексѣя и опширать, не успѣла однако возвратишь ему ни малѣйшаго признака жизни. Недоумѣніе овладѣло ею. Молча, глядѣла она

на Нашалью; но та, какъ будто превращенная въ ишуканъ, сидѣла неподвижно и не сводила глазъ съ одного предмета. — Вдругъ няня опомнилась; казалось, щастливая мысль освѣтила умъ ея. Будь спокойна, сказала она, обращаясь къ Нашальи; попомъ вышла вонъ и заперла дверь. Нашалья была въ памяти, все видѣла, слышала, понимала, но члены ея не повиновались ей. Она хотѣла кричать, бѣжать изъ комнаты; но голосъ зимираль у ней въ груди, силъ не было приподняться. По неволѣ принуждена была она смотрѣть на холодный шрупъ челоуѣка, за часъ предъ тѣмъ изливавшего предъ нею порывы страстнаго сердца, — челоуѣка чужаго для нее, который по неизьяснимому спеченію обстоятельствоу нежданно посѣпиль ее для того, чтобы на постелѣ ея умереть ошъ насильственной смерти. — При тускломъ

свѣтъ нагорѣвшей свѣчи замѣтно было, какъ пятна и выраженіе мукъ исчезали съ лица его, и какъ оно поспешенно покрывалось блѣдностью и смертнымъ спокойствіемъ.

Мысль Натальи цѣпенѣла отъ сего страшнаго вида. Въ инныя минуты ей казалось, что трупъ шевелится и вспашеетъ; но вскорѣ грезы исчезали, и тяжелая истина была еще ужаснѣе для души ея, чѣмъ призраки испуганнаго воображенія. Наконецъ няня возвратилась и за нею слѣдоваль дворникъ дома; няня указала ему на мертвое изъло. Онъ взглянулъ на Наталью вронцательнымъ взоромъ; но, замѣтивъ ее безчувственное состояніе, не сказалъ ни слова и подошелъ къ кровати. Съ помощью няни поднялъ онъ бережно охлажденные члены Алексѣя и вышелъ изъ комнаты. Пришедши назадъ, няня нашла Наталью въ обморокъ. Ужасъ поддерживалъ оспа-

покъ ея силъ , но онѣ изнемогли, когда глаза ея перестали видѣть предъ собою страшный образъ мертвеца. — Няня положила ея на постель. Нѣсколько разъ приходила въ себя Наталья; но при первомъ воспоминаніи объ ужасномъ событіи ночи, снова впадала въ безчувствіе. Послѣ продолжительнаго обморока открылся въ ней жаръ, бредъ и всѣ признаки сильной горячки.

Около двухъ недѣль боролась она съ смертію; въ безпамятствѣ произносила имя Алексѣя и никакъ изъ окружающихъ, кромѣ няни, не догадывался, почему образъ его тревожилъ разспрошенное воображеніе больной.

Въ день перелома болѣзни, врачи объявили родителямъ, убитымъ горестію, что надежда на выздоровленіе дочери ихъ не потеряна, ежели примы будущъ нужныя мѣры для ея спокойствія. Она уснула крѣпкимъ сномъ.

Отець и мать, изнуренные бдѣніемъ многихъ ночей, пошли также отдохнуть. Одна няня осталась при ней. Во всю болѣзнь не отходила она отъ Напальи и подъ видомъ чрезмѣрной заботливости удаляла отъ нее другихъ, увѣряя что больная охотнѣе изъ ея рукъ принимаетъ лѣкарства; въ самомъ же дѣлѣ, боялась, чтобъ она въ бреду не высказала ихъ шайны, и ждала минуты, въ которую придетъ она въ память, чтобъ объясниться съ нею безъ свидѣтелей. Желаніе ея исполнилось. Проснувшись отъ долгаго сна, Напалья приподнялась на постелѣ, и взоромъ хоша помнымъ, но радостнымъ и безмятежнымъ, посмотрѣла вокругъ себя съ нѣкоторымъ удивленіемъ. Первый вопросъ ея былъ объ отцѣ и матери. — «Они почиваютъ,» — отвѣчала няня, цѣлуя съ нѣжностію руки ея и благодаря Бога за ея выздоровленіе. Тутъ вниманіе

Наша была остановилась на старухе; казалось она ловила нить воспоминания лежащего невнятным чувством у ней на сердце; вдруг содрогнулась и с громким воплем упала на изголовье. — «Успокойся, родная моя, сказала няня, беда наша миновалась; выздоравливай скорей, и будь весела по прежнему.» — Ах, няня! зачем я не умерла! — произнесла Наташа слабым, едва слышимым голосом. — „И, полно! не гнѣви Господа такими мыслями; говорю тебѣ: никто о бѣдѣ нашей не знаетъ, никто не видалъ, какъ дворникъ вывезъ тѣло изъ дому.“ — Такъ Алексѣй почтено умеръ, онъ не пришелъ въ себя? — „Такъ Богу угодно было: вѣдь не мы убили его.“ — Что скажутъ батюшка и матушка объ этомъ ужасномъ дѣлѣ? — „Они не знаютъ о немъ.“ — А когда узнаютъ? — „Этого не возможно.“ — Какъ? ты хочешь, чтобы я взяла на душу

пьяжкій грѣхъ и ушла отъ нихъ смерть Алексѣя? Нѣтъ, няня, я на это не соглашусь. — „Опомнись, дитя мое, грѣшно будетъ имъ объявить объ этомъ. Ты погубишь и себя и меня и дворника; а онъ пропадетъ за доброе дѣло — за то, что согласился насъ спасти. Да какая польза будетъ отъ того? Подумай, какъ ты огорчишь отца и мать.“ — Наталья не въ силахъ была отвѣчать, но качала головой въ знакъ прошиворѣчія. — „Ты сама, когда выздоришь, согласишься со мною; теперь же слишкомъ слаба и не можешь хорошо размыслишь о моемъ совѣтѣ. Обѣдай мнѣ по крайней мѣрѣ молчать, покуда болѣзнь твоя продолжится.“ — Будь по своему, няня; быть можетъ, она и смертью кончится. — „Ободришь, дитяшко: доктора сказали, что нѣтъ въ тебѣ никакой опасности.“ —

Няня успокоилась, вырвавъ у изнеможенной Натальи согласіе хотя на временное молчаніе. Она увѣрена была, что и въ послѣдствіи пипомица ея не устоитъ пропивъ ея просьбъ, и такимъ образомъ сокроется навѣки въ неизвѣстности нещастное приключеніе, угрожавшее ей неминуемою погибелью. Дѣйствительно, когда Наталья, при свиданіи съ опцемъ и маперью увидѣла знаки ихъ чрезмѣрной привязанности къ ней, ихъ тихую радость отъ воскресшей надежды на сохраненіе жизни ея: спрашнымъ ноказалось ей остудить ихъ родительскія чувства, нанести ударъ ихъ сердцу и навсегда лишить ихъ покоя, опягопивъ жестокою, можетъ быть, бесполезною вѣспью.

Первое время удалялась она недоувѣрчиво отъ няни, видѣвъ въ ней, по справедливости, виновницу своего нещастія. Но не въ состояніи будучи

обидѣшь кого-либо слишкомъ строгимъ приговоромъ, она мало по малу возвратила ей прежнія свои чувства. Благодарная за ея попеченія объ ней во время болѣзни, она скоро увѣрилась, что эта женщина болѣе легкомысленная, чѣмъ злая, безъ дурнаго умысла привела къ ней Алексѣя; а что въ остальномъ судьба опредѣлила имъ общее наказаніе. Скорѣе упрекала она себя собственно въ жестокомъ равнодушіи къ человѣку, который смертию своею доказалъ, до какой степени ее любилъ, ибо не рѣшился для спасенія жизни своей навлечь ей стыдъ и неудовольствіе. Такъ думала Натаалья. Можешь бышь, послѣднія выраженія его спрасши оставили печальный отголосокъ въ ея сердцѣ. Можешь бышь, почувствовала она слабоспъ свою для перенесенія язвительныхъ страданій своихъ; и не находя вокругъ себя никого, кто-бъ по-

няль ее совершенно, и предъ кѣмъ излила-бъ она душу свою до глубины, стремилась мыслями вослѣдъ челоуѣку, желавшему такъ пламенно бытъ ея другомъ и утѣшителемъ на трудномъ пути жизни.

Молодость и хорошее сложеніе побѣдили наконецъ опасную болѣзнь ея, не смотря на терзанія душевныя, разливавшія палящій огонь по ея жиламъ. Тѣлесныя силы сполько укрѣпились въ ней, что удержали слабую нить ея жизни; но прежній цвѣтъ здоровья уже не возвращался: навсегда поблекла краска въ лицѣ; поухла эта ясность во взорѣ, минутное украшеніе юности, влекущее насъ непреодолимою властью къ ногамъ красоты. Дикая пугливость замѣнила веселость и тихое довольство ея нрава. Малѣйшій неожиданный шумъ приводилъ ее въ трепеть. Еще оставалась прелестъ въ правильныхъ, нѣж-

ныхъ чертахъ ея лица, въ густыхъ рѣсницахъ, въ нешвердой поступи, въ томныхъ движеніяхъ; но прежней Натальи нельзя было узнать! — Послѣдствіямъ болѣзни приписывали эту перемену, совѣщались съ искусными врачами; но никто не подозрѣвалъ, чтобы постоянная скорбь точила сердце шестнадцати-лѣтней дѣвицы, окруженной, по видимому, одними предметами утѣщенія.

Убѣжденія няни имѣли болѣе и болѣе силы надъ умомъ Натальи. Она увидѣла, что извѣстіе о смерти Алексѣя поставитъ самихъ родителей ея въ затруднительное положеніе; ибо, если происшествіе сіе дойдетъ какимъ-либо образомъ до начальства, и откроется, что они знали о немъ и не донесли, то вина и на нихъ распространится; если же оно утаится отъ людей, то зачѣмъ безъ нужды ихъ огорчать? При-

помъ же няня сказала ей, что если кто-либо узнаеть о случившемся, то дворникъ намѣрень для собственной безопасности объ ономъ донести, для того, чтобъ отклонить отъ себя подозрѣніе въ смершоубійствѣ. — Дѣлать было нечего: Наталья согласилась молчать. —

Она щедро наградила дворника за его услугу, и имѣла къ тому средства; ибо родители дарили ее часто деньгами и не требовали отчета въ издержкахъ ея, зная, что онѣ обращены на тайныя благотворенія. Дворникъ былъ опставной солдатъ, лѣтъ пятидесяти, недавно наняпый въ домъ, по доброхотству няни. Пришедъ благодарить Наталью, онъ, къ удивленію ея, отзывался насмѣшливо о печальномъ случаѣ, въ коемъ принялъ участіе, и нагло хвалился своею неустрашимостію. Въ обхожденіи его не было уже того поч-

шенія, которое Наталья съ ребячества привыкла видѣть въ служителяхъ своихъ. — »Не въ первый разъ, говорилъ онъ, молодой человекъ навѣстиль дѣвушку; да такой бѣды еще не случилось.« — Наталья чувствовала, какое обидное подозрѣніе на нее заключають сіи слова, чувствовала также, сколь неприлично ей входить въ дружелюбныя объясненія съ дворникомъ; однако, краснѣя отъ стыда, рѣшилась рассказать ему происшествіе въ томъ видѣ, какъ оно было. — Но онъ слушалъ ее съ усмѣшкою и отвѣчалъ: »Что прошло, то прошло; благодари меня, сударыня: теперь нечего бояться; и впредь въ такомъ дѣлѣ я готовъ тебѣ пособить, только и меня не забывай; вѣдь безъ меня пропала бы ты навѣки!“ — Няня утаила отъ дворника, что она была единственною виною всему. Можетъ быть не вѣрилъ онъ, въ самомъ дѣлѣ, оправданію

Нашалы; можетъ бытъ съ умысломъ перзалъ ее несправедливымъ подозрѣнiемъ. Слова его разлили предъ глазами ея ужасный свѣтъ на ея положенiе. Вдругъ увидѣла она, что не имѣеть никакихъ средствъ доказать людямъ невинность свою; даже родители ея не повѣрили бы, чтобъ Алексѣй безъ ея вѣдома къ ней приходилъ, когда она, въ ночь вечеръ, не только не объявила матери о присутствii его, но еще помогала нянѣ его скрывать. Эта тяжелая мысль утвердила ее въ намѣренii никому не повѣрять своего несчастiя и стараться переносить его съ покорностью.

Распространившiйся слухъ о томъ, что Алексѣй пропалъ безъ вѣсти, произвелъ много шума между знакомыми его. Знали его любовь къ Нашалы; вспомнили его унынiе, задумчивость послѣ отказа въ рукѣ ея и заключили, что онъ вѣрно опшчаяннѣ лишилъ себя жизни. Это пред-

положеніе стало еще вѣроятнѣе, когда при вскрытіи Москвы рѣки нашли тѣло его, брошенное дворникомъ въ прорубь. По видимому, обстоятельство смерти его не оставили никакихъ слѣдовъ. Но всякій разъ, какъ произносили имя его при Нашальи, смятеніе ея гонимо было измѣнить ея тайнѣ. Эту странность приписывали излишней жалости ея къ мнимой причинѣ его смерти. Вообще замѣчали въ ней большое раздраженіе, и избѣгали въ разговорахъ всего, что могло превозмочь ея чувствительность. Покуда болѣзнь ея продолжалась, родители обходились съ нею чрезвычайно бережно; но потомъ увидѣли они съ прискорбіемъ, что расстройство въ ней болѣе душевное, нежели тѣлесное; ибо здоровье ея, по видимому, поправилось, а она все не перестаетъ безъ причины задумываться, иногда плакать; говорить съ непреодолимымъ отвращеніемъ, почти со

спрахомъ, о замужствѣ; дичится людей, даже къ нимъ самимъ по прежнему не ласкается. Все это привело въ недоумѣніе отца и мать. На заботливые вопросы ихъ о предметѣ ея печали, она давала отвѣты неудовлетворительные; а иногда, заливаясь слезами, бросалась къ нимъ въ объятія, но души своей предъ ними не раскрывала. — »Ужъ не опшупился ли отъ нея Царь Небесный?», — говорили они между собою — «нечистая сила не поселилась ли въ нее?» — Но съ другой стороны, нельзя было подозрѣвать ее въ охлажденіи къ вѣрѣ: она не пропускала ни одного служенія во храмѣ Божіемъ, молилась съ горячностію кающейся грѣшницы, изнуряла себя постами. Наконецъ родители рѣшили, что на дочь ихъ — какъ говоришься въ просторѣчьи — нашла блажь, и что одною строгостію можно принудить ее разсѣять свои мрачныя мысли и возвра-

питья къ прежнему нраву. Они перестали утѣшать ее ласково въ грусти ; но выговаривали ей съ неудовольствіемъ , часто съ гнѣвомъ , за ея причуды. Эша неожиданная переменна въ ихъ обхожденіи болѣе всего огорчила Напалью. Я потеряла , думала она , послѣднюю опраду , услаждавшую сколько нибудь жизнь — любовь отца и матери. Они видяшь въ ней одну неблагодарность за ихъ попеченія ; ея спраданія сжали въ пятгосшь ея ближнимъ !

Внутреннее сознаніе невинности своей должно бы , кажешся , было ее успокоивать. Но совѣсть чувство робкое и пугливое. Закоренѣлому злодѣю легко заглушишь ея голосъ ; но онъ громко раздаешся въ душѣ челоуѣка добраго , вовлеченнаго въ необдуманную вину , и часто терзаешъ невиннаго , за мнимое преступленіе. Отсутствіе благородныхъ побужденій сердца , незнаніе воз-

вышенныхъ чувствъ сушь бѣольшія наказанія для злаго, чѣмъ ропоть совѣсти — удѣлъ души несовершенно утравившей способность къ добродѣтели.

Можешь бышь, время смягчило бы муки Напальи. Конечно никогда не изгладилась бы совершенно слѣды внезапнаго потрясенія всѣхъ душевныхъ силъ ея; по крайней мѣрѣ, она могла бы привыкнуть къ новой долѣ своей, и воспоминаніе о потерянномъ ея благополучіи не такъ жестоко раздирало бы ея сердце. Но къ несчастію она была во власти челоуѣка безжалостнаго, находившаго выгоду свою въ ея внутреннихъ превогахъ и боязни и не позволявшаго ей ни на минушу ихъ усмирить. Дворникъ, сначала просьбами выманивалъ у нея деньги; попомъ, когда она, отдавъ ему послѣднее, принуждена была уже ему отказывашь, спалъ онъ съ угрозами требовашь платы. — »Зачѣмъ

мнѣ принимать на себя ваше преступленіе, говорилъ онъ; вѣдь не я удушилъ Алексѣя: донесу обо всемъ, а вы отвѣчайте какъ умѣете.» — Испуганная пияня убѣждала тогда Наталью удовольствоваться его подаркомъ какой нибудь вещи своей; она соглашалась, и дворникъ на время переслаивалъ ихъ преслѣдовать; но дерзость его отъ ихъ робости умножалась, и при первомъ случаѣ возобновлялъ онъ съ большею грубостію угрозы и несправедливые упреки.

Послѣ долгой борьбы съ собою и напрасныхъ стараній найти предметъ своихъ обязанностей, увидѣла Наталья, что всякое покушеніе ея вышпи изъ труднаго состоянія своего, вело ее къ новымъ опасностямъ. Ея уму представлялись одни сомнѣнія; ея понятія о добрѣ и злѣ, о долгѣ смѣшались; — она рѣшилась исполнять всё то, къ чему насильно влекли ее обстоятельства,

соблюдая въ поведеніи своемъ одно правило : никому не дѣлать обиды. Казалось ея чувствва окаменѣли, и можно бы было назвать это положеніе спокойнымъ , еслибъ холодное біеніе ея сердца и ужась ея при мысли о будущности , ей предстоящей, не показывали, что оно неестественное и болѣзненное.

Покорность не спасла ее отъ гоненій судьбы. Ей назначено было испытать всѣ горькія послѣдствія перваго несчастія. Жадность дворника лишила ее средствъ раздавать по прежнему милосшину щедрю рукою, даже помогать бѣднымъ, жившимъ съ давнихъ поръ отъ ея благотвореній. Бывало , еслибъ не достало у нея денегъ на подающія, обратилась бы она съ просьбою къ отцу и матери и конечно не получила бы отъ нихъ отказа ; но теперь отдавала она все , что могло открытъ какъ нибудь обстоятельство, связавшія каждый шагъ

ея, каждое движеніе. Съ стѣсненнымъ сердцемъ бѣжала она ошъ убѣдительныхъ моленій бѣдныхъ, которые забывъ прежнія благодѣянія ея, жаловались на ея скупость и жестокосердіе. Эта перемѣна въ ея поведеніи не скрылась ошъ бдительнаго взора ея родителей. Они спрашивали у нея, на что употребляешь она получаемыя ошъ нихъ деньги? и Наталья подъ различными вымыслами скрывала настоящій предметъ своихъ издержекъ. Иногда ложность словъ ея обнаруживалась; родители сердились, бранили ее, дѣлали невыгодныя заключенія о ея нравѣ. Въ другое время открывалась пропажа какой нибудь вещи ея, подаренной дворнику; неудовольствія отца и матери умножались со дня на день: они видѣли въ дочери своей такіе пороки, которыхъ прежде въ ней и не подозрѣвали; она спала для нихъ однимъ предметомъ огорченій. — Наталья, молча

все эшо переносила, не смѣя ничего ска-
зашь въ свое оправданіе. Няня, бывъ
свидѣтельница сихъ семейственныхъ
несогласій, попадала иногда сама подь
опвѣштвенность и боясь, чшобъ даль-
нѣйше пребываніе ея при Нашальи не
подвергло ея большей опасности, сочла
нужнымъ оставишь свою пишомицу. Раз-
лука съ нею была шяжела для Нашальи.
Хошя она знала, чшо няня была глав-
ною причиною ея бѣдспвій; но въ ней
одной находила она еще знаки чисто-
сердечной привязанности и участія, съ
нею шолько могла разговаривашь оп-
кровенно. — Съ тѣхъ поръ дерзость
дворника не имѣла границъ. Однажды
хошѣль онъ довести Нашалью до послѣд-
ней степени позора. Но шущь, въ
первый разъ дала она волю своему не-
годованію. »Злодѣй, сказала она, прочь
съ глазъ моихъ! Если ты осмѣлишься ко-
мнѣ прикоснушья, я и тебя и себя за-

рѣжу.» — Испуганный видъ ея и повелительный голосъ, внушили въ дворникѣ невольное къ ней почтеніе. Она вышла вонъ въ замѣшательствѣ, и нѣкоторое время послѣ того велъ себя осторожниѣе передъ нею.

Жизнь Натальи представляла однообразную нишь пылокъ душевныхъ: она перѣла и грубыя обиды дворника, и суровость отца и матери, и даже униженіе отъ слугъ, которые, подозрѣвая ее въ связи съ дворникомъ, обходились съ нею презрительно.

Она хотѣла открыться родителямъ; чѣмъ ни ожидало ее, но хуже наспоющаго положенія она ничего предвидѣть не могла. Нѣсколько разъ, собравшись съ мыслями, готова была исполнить это намѣреніе; но строгій видъ ихъ приводилъ въ оцѣпенѣніе ея чувства. Давно не знала она ихъ ласкъ; давно сама не смѣла къ нимъ ласкаться.

Что подумаютъ они о невѣроятномъ ея разсказѣ, потерявъ къ ней уваженіе? — Такимъ образомъ, избѣгая тревоги и новыхъ неудовольствій, оплагала она до другаго времени свое признаніе. Иногда удерживало ее шяжелое сомнѣніе: почно ли терпѣть она незаслуженныя бѣдствія? Правда, не она была ихъ первою виною; но непрерывныя искушенія имѣли разрушительное вліяніе на тѣ чувства, копорыя давали ей нѣкогда, съ сознаниемъ непорочности своей, и спокойство духа и веселье. Ежели предъ людьми и были невинны дѣла ея, то на днѣ сердца своего, раскрытаго предъ Богомъ, не находила она болѣе ни одного чувства, достойнаго небесной благодати. Несчастіе предускорило въ ней опышность и показало, какъ все непрочно въ душѣ чловѣка, какъ умираютъ поспешенно его лучшія побужденія и какъ своекорыстныя заботы упорно

подавляють довірчивую преданность молодых лѣтъ, измѣняя чистую цѣль первыхъ надеждъ и желаній. Собственныя страданія ея были столь велики, что она смотрѣла уже безъ участія на чужое горе и радость. Равнодушная ко всему міру, она не могла даже сохранить прежней привязанности къ отцу и матери.

Во время молитвы тайный шопотъ краля невольно ей въ душу и охлаждалъ ея усердіе. Напрасно старалась она покаяніемъ и строгимъ исполненіемъ предписаній закона заглушать это внушеніе нечистой силы, которая не переставала, являясь въ различныхъ видахъ, искушать ея вѣру въ благость и справедливость Провидѣнія. „Еслибъ я въ силахъ была, думала она, прибѣгнутьъ ко Господу отъ полнощы души; то онъ конечно наставилъ бы меня на путь истины.“ — Но языкъ ея произ-

носиль молишвы, а сердце окаменѣлое оставалось нѣмымъ; дикая боязнь постоянно его сжимала и удерживала въ немъ всякое свободное стремленіе чувствъ. Въ сіи часы душевной исповѣди, погружая взоръ въ бездну гибели своей, не находила она никакого средства для своего спасенія; впадала въ бездѣйственное отчаянье, и только страхъ лишиться Царствія Небеснаго удерживалъ ее отъ самоубійства.

Наконецъ судьба жизни ея разрѣшилась. Такъ смершнй приговоръ произнесенный надъ подсудимымъ выводилъ его изъ мучительной неизвѣстности объ участи своей. — Однажды принуждена была она отдать дворнику послѣднее жемчужное ожерелье свое; цѣлый день провела въ безпокойствѣ о будущихъ непріятныхъ послѣдствіяхъ сего поступка; ночью долго не могла заснуть. Со времени несчастной смерти Алексѣя

не знала она шихаго сна, и опъ малѣйшаго неоспорожнаго шума гошова была впасшь въ такое же безчувственное состояніе, въ какомъ находилась въ шу ужасную ночь. — Не успѣла легкая дремоша сомкнушь ея глазъ, вдругъ кшо-то сильно ее толкаетъ. Въ испугъ пробуждается она, и при слабомъ свѣтѣ лампы, горѣвшей у образовъ, видишь передъ собою дворника.

— Вспавай скорѣй, одѣвайся и спупай за мной, говоришь онъ пьянымъ голосомъ. —

— Куда? за чѣмъ? —

— Робыа не вѣряшь, что ты дала мнѣ жемчугъ и думаюшь — я укралъ его; чшобъ доказать имъ правду, я вызвался тебя самоё къ нимъ привесши. —

Нашалья смопрѣла неподвижными глазами, какъ будто не совсѣмъ пробужденная.

— „Ну, одѣвайся проворнѣй!“ —

Между шѣмъ подаваль онъ ей одежду и она, не говоря ни слова, исполняла все, что онъ приказываль. — »Теперь спунай за мной,« сказаль онъ; взяль за руку и повель изъ дому по глухимъ переулкамъ. Ночь была темная; никто имъ не встрѣшился. Дворникъ, разгоряченный виномъ, много говорилъ; Нашалья слѣдовала за нимъ безмолвно. Такимъ образомъ пришли они къ кабаку. Издали уже слышенъ былъ шумъ голосовъ. Дверь отворилась и открыла опшрашительную картину толпы пьяныхъ людей; крикъ, брань, пѣсни, смѣхъ раздались какъ изъ вершепа разбойничьяго.

Нашалья вскрикнула и побѣжала прочь; дворникъ за нею, нагналь ее. »Куда? не уйдешь; — спунай волею, а не шо насильно тебя пришащу.« —

— Подожди немного. —

— »Нечего ждатель; спунай!« —

— Выслушай два слова. —

— »Ну, говори скорѣй, что такое?» —

Нашалья ободрилась; вдругъ, будто завѣса спала съ ея глазъ. — Ты ведешь меня къ шоварищамъ своимъ, сказала она швердымъ и спокойнымъ голосомъ, я сама рада съ вами веселиться; да чѣмъ же буду васъ угощать? Возвратимся прежде домой; я возму денегъ, и тогда будешь намъ на что пировать. —

»Дѣло! опѣвчалъ онъ; только не думай меня обмануть; пойдемъ вмѣстѣ, опъ меня не уйдешь.« —

Она увѣряла его, что и въ мысляхъ эшаго не имѣетъ. — На обратномъ пути казалась она веселою и дружелюбною, спрашивала дворника о его шоварищахъ. Когда пришли они домой, — »гдѣ же деньги твои?» спросилъ онъ.

— У меня ихъ нѣтъ, а надо сходить въ спальню къ бапюшкѣ, и шайкомъ вынуть у него изъ шкапулки кошелекъ. —

»А если ты не придешь назадъ.« —

Она поклялась ему передъ образомъ, что возвратится, и говорила такъ непринужденно, что онъ оппустилъ ее. Дѣйствительно, минушь чрезъ пять пришла она къ нему съ деньгами. — »Ну теперь можно тебѣ вѣришь,« сказалъ {онъ, и опять опправился съ нею въ кабакъ.

Съ торжествующимъ видомъ представилъ онъ ее своимъ товарищамъ. Они обступили ее съ шумомъ. Напалья не смутилась, и съ улыбкою привѣщствовала ихъ ласковыми словами; потомъ спросила нѣсколько штофовъ вина и стала ихъ угощать. Они пили охотно. Какое-то приличіе и рѣшительность въ обхожденіи ея, не позволяли этимъ развращенымъ людямъ выходить изъ границъ всякой пристойности. Чтобъ удержатъ ихъ въ большемъ отдаленіи

отъ себя, велѣла она имъ сидѣть на лавкахъ, и сама вызвалась увеселять ихъ пѣніемъ и пляской. Повинуясь ей, они одними неистовыми восклицаніями выражали свой восторгъ. Большая часть уже не въ силамъ была стоять на ногахъ. По временамъ, прерывая пляску, Насалья наполняла имъ спаканы и просила ихъ осушать. Наконецъ дѣйствіе винныхъ паровъ на всѣхъ равно распространилось. Того только и ждала она. Удостоверясь, что всѣ они спяшь тяжелымъ сномъ, вышла она и скоро возвратилась, неся съ собою пукъ соломы и лучины: разложила ихъ по разнымъ мѣстамъ, зажгла по порядку каждую кучу, сама ушла и заперла дверь на замокъ. Потомъ спала снаружи у окна и глядѣла внимательно, какъ пламя разгоралось. —

Истина показаній ея была утверждена свидѣтельствомъ няни. Судьи

оставались въ недоумѣнїи , слушая невѣроятныя обстоятельства сего дѣла. Скорѣе всего можно было предположишь , что внезапное помѣшательство возбудило Наталью къ злодѣянїю , несогласному съ обыкновеннымъ расположенїемъ ея нрава и природною доброю ея сердца. Но порядокъ опѣшловъ ея не позволялъ приняшь ее за сумасшедшую. Измѣряя всю важность преступленїя своего , ожидая безъ страха достойнаго за него наказанїя , она откровенно предавала суду людей свои дѣла ; не говорила только о тайныхъ чувствахъ и внутреннихъ побужденїяхъ своего сердца , готовясь отдать въ нихъ отчетъ инаго рода. — Съ великими усилїями припомнила она , какъ дворникъ разбудилъ ее и какъ въ первый разъ она слѣдовала за нимъ. Этомъ промежуткомъ времени представлялся ей въ видѣ смутнаго сна ; но съ той минуты , когда она , прибли-

жась къ кабаку, поражена была ужаснымъ зрѣлищемъ, все было свѣжимъ въ ея памяти. Она не знала хорошо, когда и какимъ образомъ родилась въ ней пресупная ея мысль. Но эта мысль съ такою силою овладѣла ею, что никакое постороннее чувство не развлекло души ея до тѣхъ поръ, покуда не исполнила она своего губительнаго желанія. Она созналась также, что давно уже питала ненависть къ дворнику, копорую старалась всѣми силами и щепотно преодолѣть; однако прежде дурнаго умысла противъ него не имѣла. —

Кто опредѣлитъ когда разрывается слабая нить человѣческаго ума? Ощущеніе какой способности лишаетъ его понятія о добрѣ и злѣ, и избавляетъ отъ отвѣтственности за свои поступки? Бываетъ ли онъ самъ виною потери этой способности, и можетъ ли она временно его оставить

безъ того , чтобъ и другія не повредились ? — Всевышняя Премудрость будешь судить челоѣка по свойствамъ постояннымъ души его, дѣлами, въ собственныхъ глазахъ его , на землѣ, обнаруженныхъ ; а справедливость людская судить дѣла по ихъ послѣдствіямъ. Страннымъ казалось, какъ робкая Нашалья могла отважиться на поступокъ , прѣбующій какой-то смѣлостью духа ; но опытъ доказываетъ , что челоѣкъ , одаренный силою и твердостью души , всегда умѣренъ въ дѣлахъ ; напрошивъ того слабость , разорвавъ однажды оковы свои, впадаетъ въ крайность , и испугленіе ея бываетъ продолжительнымъ, соразмѣрно причинѣ его родившей. —

Судь , не въ правѣ будучи ослаблять произвольно силу законовъ , приговорилъ Нашалю къ казни, определенной за смертоубійство и зажигатель-

ство ; но , вознося дѣло на Высочайшее утверждение , онъ осмѣлился обратить вниманіе Государыни на нѣкоторыя обстоятельства , которыя выводили оное почти изъ случаевъ преступленій , законами предусмотрѣнныхъ и смущали правосудіе. Екатерина II , всегда милосердная въ дѣйствіяхъ державной воли своей , отменила казнь , и велѣла отослать преступницу въ монастырь на покаяніе. Услышавъ сіе опредѣленіе , Императрица какъ будто новымъ ударомъ была поражена. Она думала , что весь расчетъ ея со враждебною судьбою былъ конченъ ; что она избавилась отъ ея гоненій , будучи доведена до послѣдней степени бѣдствій. Но нѣтъ : ей самой , ея совѣсти предоставлено еще ея наказаніе ; и оно несравненно тяжеле было для нея , чѣмъ смерть , чѣмъ телесныя муки , чѣмъ самая изнурительная и позорная работа. Она наруши-

ла первые священнѣйшіе законы людей; но общество не хотѣло употребить надъ нею свою власть, и только опспранило ее отъ себя, взирая на нее съ какимъ-то благоговѣніемъ, какъ на жертву, избранную вышними силами, и боясь помѣшать совершенію неисповѣдимаго намѣренія. — Нашалья провела долгую жизнь въ монастырѣ, и, по видимому, подавала собою строгій примѣръ Христіанскихъ добродѣтелей; но что на днѣ сердца ея происходило, и наша ли она когда-либо миръ душевный — того никто не зналъ. — Отецъ ея вскорѣ умеръ; мать пошла также въ монастырь и тамъ кончила печальные свои дни.

ПѢСНЬ КЛАРЫ.

(Изъ трагедіи Гёте : *Егмондъ.*)

Стучашъ барабаны ,
 Свиспокъ заигралъ ;
 Съ дружиною бранной
 Мой другъ поскакалъ !
 Онъ скачешъ , качаешъ
 Большое копье . . .
 Съ нимъ сердце мое ! . . .
 Ахъ , что я не воинъ !
 Что нѣтъ у меня
 Копья и коня !

*

За нимъ бы помчалась
 Въ далеки края ,
 И съ нимъ бы сражалась
 Безъ шрепеша я !

Враги пошашнулись —
 За ними вослѣдъ . . .
 Пощады имъ нѣтъ! . . .
 О смѣлый яуцина,
 Кто равенъ тебѣ
 Въ щастливой судьбѣ!

Дж. Веневитиновъ.

.....

П Л О В Е Ц Ъ.

Нелюдимо наше море,
 День и ночь шумишь оно,
 Въ роковомъ его просторѣ
 Много бѣдъ погребено.

*

Смѣло, братья! въпромъ полный
 Парусъ мой направидъ я:
 Какъ стрѣла, на скользки волны
 Полетишь мол ладья!

*

Облака бѣгушь надъ моремъ,
 Крѣпнешь вѣшеръ, зыбь чернѣй,
 Будешь буря: мы поспоримъ.
 И помужесивуемъ съ ней.

*

Смѣло, брашья! туча грянешь,
 Закинешь еромада водъ,
 Выше валъ сердитый встанеть,
 Глубже бездна уладешь! . . .

*

Тамъ, за далью непогоды,
 Есть блаженная страна:
 Не шемнѣютъ неба своды,
 Не проходятъ нищина!

*

Но шуда выносятъ волны:
 Только сильнаго душой!
 Смѣло, брашья! бурей полный
 Прамъ и крѣпокъ парусъ мой.

Н. Лыковъ.

НОЧЛЕГЪ ГАЙДАМАНОВЪ.

(Изъ Малороссійской повѣсти: Гайдамакъ).

Г Л А В А   ХХVII.

„Якъ выфхавъ козаченько въ чистее поле,
 Пустывъ своего кониченька на попасакъ,
 А самъ припавъ къ сирій земли на спочиванье:
 Та - й приснився козаченьку дивнесенькій
 сонъ. . .“

Малороссійская лѣсня.

Таборъ Гайдамановъ расположился въ чащѣ лѣса, на полянѣ. Гайдамаки, по обыкновенію своему, развѣся изъ предосторожности войлоки и цыновки по сучьямъ деревьевъ, зажгли костры и начали готовить себѣ ужинъ. Для атамана, его приближенныхъ и другихъ старшинъ шайки, посланы были два

полснйные шатра, на подобіе Калмыцкихъ кибитокъ. Въ одномъ изъ сихъ шатровъ, на войлокахъ и буркахъ, отдыхалъ Гаркуша, окруженный шѣми изъ Гайдамаковъ, къ которымъ питалъ онъ болѣе пріязни или оказывалъ болѣе довѣрія. Это были: угрюмый Несувидъ, который подъ суровою наружностью хранилъ испытанную вѣрность и преданность къ своему ашаману - товарищу; Ускокъ Закрушичъ, готовый всегда, по слову Гаркуши, итти въ огонь и въ воду, и одаренный необычайною шѣлесною силою; Лесько или Алексѣй, молодой промотавшійся чумакъ, которому отъ Гайдамаковъ дано было прозваніе *Лесько Мотыга*; эшошь молодець нравился Гаркушѣ своею неизмѣнною веселостью, беззаботностью о будущемъ и открышымъ, простосердечнымъ своимъ взглядомъ. Четвертый изъ любимцевъ Гаркуши былъ семнадцати-

льшій мальчикъ, Ивась, любившій ашамана, какъ роднаго опца. Ивась имѣлъ весьма пріятную наружность и забавлялъ иногда Гаркушу, въ свободное время, своимъ пѣніемъ и пляскою; но никогда не былъ еще употребленъ во время разъѣздовъ и набѣговъ, а оспаивался всегда при обозѣ, съ запасными. Никто изъ Гайдамаковъ не зналъ, кто онъ былъ и какого рода; въ одну бурную осеннюю ночь, ашаманъ, возвращаясь изъ одинокой своей оплочки, привелъ съ собою этого мальчика, и съ тѣхъ поръ заботился о немъ, какъ о ближнемъ своемъ родственникѣ. Гайдамаки всѣ полюбили Ивася за его тихость и дѣтскую чистоту души, — свойства, которыхъ нерѣдко нравятся и самымъ закоsnѣлымъ злодѣямъ; но не спрашивали, или не смѣли спрашивать о немъ у Гаркуши, ибо никто изъ нихъ не рѣшился бы вывѣдывать у

атамана своего шайны, кошорой онъ самъ не хотѣлъ имъ ввѣришь. Въ другихъ важнѣйшихъ случаяхъ, Гаркуша не допускалъ ихъ ни до какихъ сомнѣній и первый объявлялъ имъ то, о чемъ нужно имъ было знать.

Второй шатерь оставленъ былъ въ распоряженіе Товпеги, Паливоды и еще пяти или шести урядниковъ или десятниковъ, поставленныхъ въ это званіе Гаркушею, между коими обыкновенно втирался туда выкрестъ Лемешъ, кошорый, по старой Еврейской своей привычкѣ, умѣлъ всегда поддѣлываться къ старшимъ, прислуживаться имъ, словомъ, бытъ для нихъ почти необходимымъ, и чрезъ то извлекать для себя множество мѣлкихъ выгодъ. Прочіе Гайдамаки, приставя коней своихъ къ вязанкамъ травы, захваченной ими по дорогѣ, либо сидѣли у огня и ждали ужина,

либо, укрывшись бурками и свитами, лежали въ разныхъ мѣстахъ шатора.

Послѣ ужина, за кошорымъ ашаманъ всегда ѣлъ изъ одного кошла со всеми людьми своей шайки, кромѣ сторожевыхъ, назначавшихся по наряду, — Гаркуша ранѣ обыкновеннаго ушелъ въ свой шатеръ; Несувидъ, Закрутичь, Ивась и Десько также оправились туда почти вслѣдъ за нимъ.

— «Чудное дѣло!» сказала ашаманъ послѣ долгаго молчанія, когда онъ и четверо его товарищей улеглись, не раздѣваясь, на своихъ постилкахъ. «Вопшь уже съ полгода, какъ меня что-то тянеть на мою родину, кошорая, помню, какъ сквозь сонъ, должна быть здѣсь, около степной деревни пана Просѣчицкаго. Миѣ все кажется, что я не буду ни щасливъ, ни спокоенъ, пока не увижу снова тѣхъ мѣстъ, гдѣ росло мое дѣтство. Почти каждую ночь, невѣ-

домо кино общаешъ мнѣ во снѣ что-то смутное въ здѣшнемъ краю : и радость, и горе. . . коротко сказашъ, самъ я ничего не разберу въ этихъ сонныхъ грезахъ, а ни какъ нѣмоу выбить ихъ изъ головы.»

— Что-жь? можешъ бышь, сердце вѣщуешъ тебѣ все доброе, а сонъ твой и въ самомъ дѣлѣ сулишь тебѣ что нибудь шакое, о чемъ сначала, какъ ни раскидывай нашимъ короткимъ умомъ — не разгадаешъ прежде, чѣмъ на яву сбудется, — сказала Закрутичь.

»А ты вѣришь снамъ?» спросилъ у него Гаркуша.

— Не шути, ашаманъ, снами : между ними есть шакіе, которые на-еыдаются на чловѣка, чтобъ онъ выводилъ изъ нихъ себѣ пользу, или оспегегался, ошъ чего нужно.

»Я и позабылъ было,« молвилъ Гаркуша, »что ты родился въ такой

сторонѣ, гдѣ больше всего вѣрятъ бабьимъ бреднямъ .

«А шаманъ ничему не вѣритъ,» впелся въ ихъ разговоръ Лесько. «А я скажу, что тошнѣ, кшѣ шакъ близко видѣль вѣдму, какъ я, по неволѣ спашеншѣ вѣритъ всѣмъ шакимъ диковинкамъ.

«А ты видѣль вѣдму?» спросилъ у него Гаркуша съ насмѣшливымъ любопытствомъ.

— «Не то, чтобы видѣль,» отвѣчала Лесько; «а вотъ какъ было дѣло: когда мнѣ было лѣтъ девятнадцать, тогда въ лѣтнюю пору, я спалъ каждую ночь на дворѣ, для того, что въ хатѣ было душно, и чтобы по ночамъ стеречь скопный дворъ. Вотъ въ одно время, только что я улегся, только свелъ глаза, — вдругъ подошло ко мнѣ что-то, наклонилось и дохнуло на меня шакимъ холоднымъ духомъ, что я весь заоченѣлъ: ни руки, ни ноги не

смогъ повернуть, ни глазъ открыть; а только слышалъ, какъ оно (1) пошло на скопный дворъ, какъ дошло нашихъ коровъ, у которыхъ къ утру не оспалось ни капли мѣлока. У меня была тогда лихая собака, *яргукъ*, да еще и съ волчьимъ зубомъ (2); на другую ночь, я привязалъ моего Рябка подъ шелегой, на которой самъ спалъ. Около полуночи слышу, *яргукъ* мой такъ и заливается, и мечется изъ подъ шелеги. Я спустилъ его съ привязи, онъ и бросился къ плешню въ концъ двора, и залаялъ и зарычалъ пуще прежняго. Погодя немного, тамъ что-то вскрикнуло женскимъ голосомъ, какъ будто ошь сильной боли. Я поглядѣлъ въ ту сторону — ворота были заперты; только еще спустя мигъ, другой, что-то шастъ черезъ плешень, инда земля застонала. Ночь была темна, ничего нельзя было разглядѣть порядкомъ; а на

разсвѣтъ нашель я, у плешня подлѣ воротъ, лоскушокъ *намитки* (3), какъ видно, оторванный у вѣдьмы моимъ ярчукомъ.»

«По этому, ты видѣлъ не вѣдьму, а только лоскушокъ ея намитки?» промолвилъ ашаманъ, когда Лесько окончилъ свой рассказъ.

— «Да; ошвѣчалъ Лесько: съ меня и этого довольно.»

— «Когда у насъ пошло на рассказы,» говорилъ Гаркуша, «то я напомню тебѣ, Закрушичъ, о твоёмъ обѣщаніи, которое до сихъ поръ оставалось за тобой въ долгу. Ты когда-то сулилъ мнѣ рассказать свои походы.»

— «Мои походы, ашаманъ, не важны и повѣсть о нихъ не долга. Родину мою ты знаешь; я родился въ одномъ селеніи, неподалеку отъ Звоциграда; отецъ и мать мои были люди бѣдные и покинули меня на

эпомъ свѣшъ безъ всякаго доспапка, безъ роду и племени, когда мнѣ только чшо минуло семнадцать лѣтъ: оба они сошли въ могилу ровно черезъ двѣ недѣли другъ послѣ друга. Спустия полгода по смерти ихъ, я спознался съ молодою Хавой (4), дочерью богатаго и гордаго Морлака въ нашемъ селеніи; Яцинта Порадича. Хава была очень пригожа лицомъ, шакъ пригожа, чшо у меня и теперь еще бьется сердце, когда о ней вспомню. Её любилъ и племянникъ нашего *войводы*; только Хава любила одного меня, за то, чшо я былъ видиѣе собою, удалѣе, и складывалъ для нея Морлацкія пѣсни. Вотъ однажды Хава сказала мнѣ: »Вуко Закрушичь! принеси мнѣ ожерелье изъ червонцевъ — и я швоя.« Тогда же началъ я подумывать, какъ бы уйши въ горы, къ гайдукамъ, и съ ними награбиль червонцевъ у богатныхъ Турецкихъ Беевъ и

Ляповъ въ Босніи; какъ вдругъ меня въ одно утро схватили, отвезли въ Звонградъ и заперли въ Пандуры (5), по просякамъ войводекаго племянника, который видно дознался, что Хава меня любила. Не долго, однакожь, удалось имъ погулять надо мною: я и спать и видѣль, какъ бы одѣлаться *Ускокомъ* (6). Скоро мнѣ удалось это спроворить: я былъ шаковъ, и убрался изъ-подшишка въ горы, гдѣ знакомые гайдуки очень радушно приняли меня въ свои товарищи. Два года я ходилъ съ ними на добычу по разнымъ мѣстамъ Далмаціи и Босніи; червонцевъ у меня проявилось столько, что стало бы на десять ожерелій. Тутъ я вздумалъ набѣдаться Хавы, и если можно, увезти ее съ собою въ горы. Копь у меня былъ какъ звѣрь: не зналъ усталости и пиццою лешалъ по самымъ шруднымъ мѣстамъ. Ночью прискакалъ я къ дому Порадича. Окно

свѣшлицы , въ кошорой сиживала Хава , было въ садъ; я пробрался шуда и увидѣль , что окно было отворено и Хава сидѣла одна въ свѣшлицѣ , за работой. Бѣдняжка была задумчива , какъ будшо не примѣчала ничего вокругъ себя , и сдавалось , грустила о чемъ - то , можеть бытъ обо мнѣ. Я шихонько влѣзь въ окно , подошелъ къ ней , хотѣль вложить ей на шею ожорелье изъ червонцевъ , — какъ она вдругъ оглянулась , задрожала: всѣмъ тѣломъ , вскрикнула : „Вампиръ ! Вампиръ !“ и безъ памяти ударилась объ полъ. На крикъ ея сбѣжались опець , машь , вся дворня , и всѣ , указывая на меня , кричали : „Вампиръ ! Вампиръ !“ Крикъ эшотъ скоро разлился по всей деревнѣ ; всѣ сбѣгались , кто съ винтовкой , кто съ *ганцаромъ* , кто съ *ятаганомъ* (7). Я видѣль , что мнѣ со всѣми сладить было нельзя , и бросился изъ окна въ садъ . „Бейте его !“

заревѣлъ старый Порадичъ, самъ выстрѣлилъ въ меня изъ пистолета и ранилъ меня въ лѣвое плечо; но я добѣжалъ до своего коня, вскочилъ на него и опрощею помчался изъ селенія. По улицамъ бѣгала толпа народа съ зажженными пучками соломъ и съ разнымъ оружіемъ; увидя меня, всѣ кричали: „Вампиръ! Вампиръ!“ стрѣляли въ меня, бросали камнями и чѣмъ попадя; однакожь, спасибо доброму моему коню, онъ вынесъ меня изъ этого ада безъ дальнихъ ранъ. Долго еще отдавался въ ухахъ моихъ крикъ бѣшеной толпы: „Вампиръ! Вампиръ!“ и я не могъ ума приложить, какъ никто изъ прежнихъ моихъ знакомыхъ не узналъ меня, да и сама Хава не могла распознать моего лица. Отбѣжавъ отъ селенія примѣрно верстъ семь, конь мой вдругъ зашатался и упалъ; я соскочилъ съ него во время. Тогда только я замѣнилъ, что

вѣрный мой товарищъ самъ былъ израненъ въ чешырехъ мѣстахъ пулями. Время было подумать объ немъ и обо мнѣ самомъ. Я изодрала дорогую Турецкую шаль, отбила мною у одного Босняцкаго Бея, перевязала раны бѣдному моему коню и свое плечо. Голова у меня закружилась опъ сильной потери крови; я упала и не помню, что послѣ со мною было. Когда-жъ я опомнися, то увидѣлъ себя въ кельѣ; около меня сидѣло двое монаховъ, которые спарались меня привеести въ чувство и подать мнѣ всякую помощь. Какой-то добрый старецъ ихъ монастыря нашелъ меня и коня моего рано поутру подлѣ дороги. Вѣрнаго моего товарища уже не было въ живыхъ; но во мнѣ монахъ замѣтилъ признаки жизни. Онъ позвалъ еще троихъ братій, и вмѣстѣ они перенесли меня въ свой монастырь. Черезъ недѣлю, я почти

советѣмъ оправился стараніемъ честныхъ опцевъ; опдалъ на ихъ монастырь всѣ червонцы, копорые сберегаль для Хавы, и пѣшкомъ уже опсправился въ горы къ гайдукамъ. Мой *побратимъ* (8), молодой гайдукъ Юра Радивоичъ, встрѣшилъ меня на дорогѣ и сказалъ мнѣ, что Янко Лѣпанъ, племянникъ войводы, и Яциниъ Порадичъ подсылали къ гайдукамъ какого - то переметчика, копорый распустилъ въ горахъ слухи, что я служилъ съ Цандурами, былъ убишь въ одной сшибкѣ съ гайдуками и шеперь брожу вампиромъ, чтобы опомстишь гайдукамъ за смерть мою. „Этому слуху всѣ повѣрили,“ примолвилъ Юра, „и сперегунъ себя, чтобы убишь и разорвашъ себя по часшямъ съ обрядами, какими, въ обычаѣ у насъ прогоняшь вампира съ эшого свѣпа.“ Тутъ только я понялъ и спрахъ Хавы и окрикъ, копорый на меня дали по всей деревнѣ:

лиходѣи мои взвели на меня такую небывицу, чтобъ опорвать ошь меня сердце Хавы и принудить ее выйти за Янка.

— „Нечего было дѣлать: я не хотѣлъ ийти на вольную смерть и понести съ собою въ могилу проклятіе всѣхъ честныхъ людей. Миѣ должно было проститься навѣки съ моею родиной; но прежде я хотѣлъ кровавыми слезами оплихся Янку Лѣпану и Яциншу Порадичу. Короче: помня пословицу моей родимой стороны: *кто не отомститъ, тотъ не освятится* (9), я положилъ у себя на душѣ страшную клятву — извести моихъ злодѣевъ, во чшобы-то ни спало. Съ помощью моего побраташима, собралъ я все, что имѣлъ, досталъ другаго коня, простился съ добрымъ моимъ Юрой и опправился шуда, куда манила меня кровь заклѣтыхъ моихъ непріятелей. Днемъ прыпался я въ

скрыпныхъ мѣстахъ , а ночью бродилъ , какъ мершвецъ , около селенія и выжидалъ случая выполнитъ мою кляшву . Она была выполнена : Янко Лѣпань и Яцинъ Порадичъ отъ моей руки пошли въ могилу ; Хава , какъ я узналъ отъ стороннихъ людей , скоро послѣ перваго моего появленія умерла со страха и съ горести ; а я долго бродилъ изъ края въ край , зашелъ въ Польшу , оттуда въ Кіевъ , гдѣ встрѣтился съ тобою , ашаманъ . Осшальное ты знаешь такъ же хорошо , какъ и я самъ .»

»Такъ въ вашемъ краю очень вѣряшъ тому , будто-бы есть вампиры на свѣтѣ?« спросилъ Гаркуша у Закрутича .

»Да нельзя и не вѣрить ,« отвѣчалъ Ускокъ , »послѣ того , что я слышалъ въ горахъ отъ одного стараго гайдука .«

— »Что же ты слышалъ ?

»Это длинный рассказ, ашаманъ; боюсь, чяюбь онъ тебѣ не наскучилъ. Ты, можешь быць, усномился и хочешь уснуть. . . .«

— »Ничего, рассказывай. Уснуть я также хорошо могу подь шумъ швоихъ рѣчей, какъ и подь вой ашаго вѣшра.«

»Да, вѣшрь поднялся сильный; такъ и колышешь деревьями, инда корни скрипятъ; а ночь темна, хощь глаза выколи. . . .« сказала Закруничъ, привставъ и выглянувъ изъ шашра.

»Вощь самая пора бродить мертвецамъ, либо нашей братьѣ,« примолвилъ Лесько.

— »Только вѣрно не тебѣ,« перебилъ его рѣчь Гаркуша: »тебя, думаю, и по шеѣ не выбилъ бы одного въ такую пору. Однако-жь, не мѣшай Закруничу забавлять насъ своимъ рассказомъ.«

»Когда на то швоя воля, ашаманъ,« сказалъ Закруничъ, »шо будь по

ипвоему. Напередъ всего я долженъ сказать тебѣ, что я зналъ въ горахъ одного лихаго гайдука, у котораго въ сѣдлахъ усахъ было вѣрно больше опиваги, чѣмъ у многихъ изъ насъ въ цѣломъ шлѣ. Старой Скорба не боялся ни сабли, ни пистолетовъ, ни ружья Турецкаго, и я думаю, не побоялся бы самаго сапаны. Вездѣ онъ шель грудью впередъ, какъ бы ни велика была опасность; никогда не спрашивалъ, много ли непріятеля, а только далеко ли до него. Въ одну ночь, шель я съ нимъ и другими гайдуками на добычу: это было въ Босніи. Ночь была мѣсячна, и я замѣтилъ, что сѣдой нашъ удалецъ часто поглядывалъ въ сторону, на косягоръ, гдѣ было Турецкое кладбище. — «Что ты тамъ видишь, товарищъ?» спросили мы у него. — «Ничего покажьешь,» опивчалъ онъ. — «А развѣ случилось тебѣ видать что-либо въ та-

кую пору?» — «Поживите съ мое, шакъ и вы увидите,» промолвилъ онъ. «А все не худо бы узнать о томъ для переду,» сказали мы въ одинъ голосъ. — «Ну, такъ слушайте,» былъ его отвѣтъ. Тутъ онъ началъ намъ разсказывать спирашную быль. . . . .

П р и м ѣ т а н і я.

- (1) По Малороссійски *вонд*, — самое вспомогательное мѣстоименіе у простаго народа въ Малороссіи. *Вонд* замѣняетъ многія фразы, названія предметовъ неизвѣстныхъ или непонятныхъ, и даже употребляется въ смыслѣ ироническомъ, для указанія на такое лице, кошораго, въ силу Малороссійскаго остроумія, не хотѣшь назвать собственнымъ его именемъ. При такомъ обширномъ значеніи, сія часшица рѣчи имѣетъ на языкѣ Малороссіянъ особенную выразительность и весьма ксташи употребляется въ лаконическомъ ихъ разговорѣ.

(2) *Яреукъ* — собака, родившаяся съ шестью пальцами на переднихъ лапахъ. Такая игра природы нерѣдко замѣчается на дворянскихъ. Простолудіе приписываетъ симъ шестипалымъ собакамъ чудное свойство: узнавать вѣдму по духу, видѣть ее, даже нападать на нее и кусать ее своими зубами. *Волгій зубъ*, по суевѣрнымъ примѣтамъ поселянъ, даетъ собакѣ бодрость и силу бросаться на волка и загрызаетъ его. — *Рябко, Стрко, Бровко, Рудий* — обыкновенныя названія собакъ у Малороссіянъ, которые въ этомъ держатся Русской пословицы и даютъ собакѣ кличку по шерсти.

(3) *Намитка* — покрывало изъ тонкаго полотна или бѣлой кисеи, которое замужнія Малороссіянки повязываютъ поверхъ *огилка* или кички, головцаго ихъ убора, распуская длинными концами по плечамъ.

(4) *Хава* — Евва.

(5) *Пандуры* — полицейскіе солдаты въ Молдирійскихъ обласяхъ.

- (6) *Ускокъ* значить бѣглець , ушедшій изъ войска.
- (7) *Ганцарь* (hanzar) , испорченное Турецкое слово: *канджарь*, ш. е. кинжалъ; *ашаганъ*, кривой, серпообразный ножъ или косырь, съ лезвѣемъ извнутри; названіе его также Турецкое.
- (8) У Морлаковъ и Черногорцевъ, два чело-вѣка нѣрѣдко поржеспивенно брашаются между собою на жизнь и на смерть. Та-кіе присяжные братья называются *лобрат-нимиами*. Почти не было примѣровъ, чпобы *лобратимъ* измѣнилъ своему *ло-братиму*. Сей обычай присяжнаго род-ства водился и между женщинами, кои называются *лосестримами*.
- (9) На Морлацкомъ нѣрѣчїи, пословица сія : *Ко не се освѣти, окъ се не посвѣти*, сосставляеть игру словъ. *Освѣта* зна-читъ у Морлаковъ и *освященіе* и *мщеніе*.

Порфирій Байскій.

С О Л О В У Ш К О .

Для чего лепишь соловушко къ садамъ ?
 Для соловушка алѣешь роза шамъ !
 Для чего поправилея лужокъ миѣ шелковой ?
 Тамъ встрѣчаюсь я съ швоею красошой !
 Какъ лебѣдушка во спадѣ голубей ,
 Среди дѣвушекъ одна ты всѣхъ виднѣй !
 Чшо лань быстра зашорогая въ лѣсахъ ,
 Съ робкой поступью гуляешь ты въ дугахъ .
 Гордо спрасшнй взоръ разбѣгчивой бле-
скуль , —
 Молодецкій кругъ невольню воздохнулъ ,
 Буйны головы упали на плеча , —
 Люди шепчуть : для кого цѣшешь она ? ...
 Наши души знаютъ болѣ всѣхъ людей ,
 Наши взоры говорятъ всего яснѣй .
 Но когда , скажи , шерцѣшь престану я ?
 Дни ко миѣ бѣгущъ , а шасшье ошъ меня .

Пусть еще я не могу владѣть тобой :
 Для чего же запрещаешь тиранъ мнѣ злой
 Плякаться, видѣться съ красавицей моей ?
 И слезамъ моимъ завидуешь злодѣй !

А. Мерзляковъ.

ВЕСЕННЕЕ ЧУВСТВО.

Томленье неизъяснимое
 Въ душѣ моей,
 Когда ласкается незримое
 Незримо къ ней.

*

Когда нисходяишь благодатное
 Ошь вышины
 И сердцу что-то непонятное
 Судяшь мечты.

*

Такъ , съ первымъ вѣснихъ дней дыханіемъ ,
 Гдѣ я ни будь —
 Улыло - сладостнымъ спраданіемъ
 Тѣснящая грудь .

*

Забыто все , что обольщеніе ,
 Молва и шумъ ;
 И погружаюсь я въ волненіе
 Великихъ думъ .

*

И шумъ , что шайное , чудесное ,
 Все такъ свѣтло :
 Какъ будто все ко мнѣ небесное
 Съ небесъ сошло !

Ө. Глинка.

СЪВЕРНАЯ ЛЪТНЯЯ НОЧЬ.

(КАРТИНА СЪ НАТУРЫ.)

Обширное озеро, — прѣсное море, — пріавъ опъ облаковъ молочный цвѣтъ, дремлетъ, какъ будто оцѣпенѣлое. Кольце прибрежныхъ лѣсовъ — синѣетъ. На краевыхъ чертахъ облаковъ видны ошпѣшки розовыхъ ошпѣнковъ зарри. Съ другой стороны мелькають, двумя небольшими полосами, два лѣсисныхъ острова. Пополамъ разсѣченный, ущербный мѣсяць, одинокъ спойтъ неподвиженъ. Не видно ни одной звѣзды. Солнце, едва закапившееся, готово опять вспыхнуть; еще не пошухъ Западъ, уже румянится Востокъ. — Между шѣмъ всеобщая жизнь, долго стѣсенная холодомъ, проснулась хошя поздно,

но въ силахъ исполинскихъ! Еще не разсыялся густой аромать черемухи, смѣнявшей смолистый запахъ молодого листа березы, какъ разсыялся уже острый аромать цвѣтущей рябины, гошовой смѣшаться съ шонкимъ, едва ощупительнымъ запахомъ волевыхъ розъ. Все зацвѣло и ожило. Туликъ комаровъ пронзають воздухъ жужжаніемъ. Дѣятельные пауки проворно сплужють нити свои по вершинамъ ёлей. Множество настѣкомыхъ ползають, шпыряють, копошанся. Здѣсь пѣть ни пчель, ни соловьевъ, ни перепелокъ; но шмели жужжатъ надъ акаціями и малиновки распѣвають пѣлишьельно. Кажется, все шороннися, ходеть пожинь, пока дохнеть стверный вѣшеръ съ сосѣдственныхъ береговъ Бѣлаго моря и все, какъ будшо по мановенію чародѣя, уснеть и онѣмѣеть!

Федоръ Глинка.

ГЛАВА IV ИЗЪ ПОВѢСТИ: КАПИТАНЪ ХРАБРОВЪ.

Зима настала; снѣгъ пушистой
Покрылъ и холмы и луга;
И пышной Волги берега
Освѣщены луной сребристой.
Лещишь на тройкѣ удалой
Къ намъ гость доселѣ небывалой,
Князь Пустельгинъ, плясунъ лихой,
Охошникъ псовой, доброй малой,
Хошя немного и болшливъ.
Гусаромъ будучи, военной
Онъ какъ-то службы не влюбивъ,
Въ Московскій перешелъ Архивъ.
Богатый дядя и почтенной,
Какимъ-то случаемъ, ему
Чинъ Камеръ-Юнкера доставилъ;
Въ прибавокъ, спаричокъ къ шому
Скончавшись, молодцу оставилъ

Такъ сказать, roug la bonne bouche,
 Въ Сарашовѣ пять тысячъ душъ.
 у Предводителя на балѣ
 Съ Наташей Килзь вальсировалъ,
 И даже ей на опахалъ
 Экспромтъ какой-то написалъ,
 Чувешвишельный и кудреватый,
 Изъ Антологіи имъ взятый. —
 И шакъ, Килзь Пустельгинъ у насъ!
 Щастливый для спарушки часъ;
 Она въ сердечномъ восхищеньи!
 Федора и весь домъ въ волненьи:
 Чѣмъ угостить? Что подавать?
 Вонъ несуть кофе съ сухарями,
 Вышутками и кренделями,
 „Прощу на гусяхъ поиграть“
 Наташѣ машушка сказала,
 „Давно я очень не слыхала
 „Любимой пѣсенки моей:
 „Соловей мой соловей!
 Наташа милая запѣла
 Прилично, просто, какъ умѣла;

Я, блѣдный, близъ нея сподля
 И пошы ей перебиралъ.
 Прелестно! sur mon Visu! прелестно,
 Съ ужимкой Нуспельгинъ сказалъ.
 И Булаховъ, пѣвецъ чудесной,
 Хоши въ сподницѣ и живёшь,
 Не лучше этого поёшь.
 Пошомъ ко мнѣ подѣвъ поближе:
 Вы были, слышалъ я, въ Парижѣ,
 Промолвилъ онъ; скажише намъ,
 Чѣмъ болѣ занимались шамъ?
 Каковъ Тальма въ перѣ Оресна?
 Приашна ли Менвель - Фодоръ?
 Вы всѣхъ ихъ знали. . . Я-жь ни съ мѣсна,
 И нигдѣ не былъ до сихъ поръ;
 Но я вояжъ предприинимаю,
 И прямо въ Римъ. Онъ скуки адѣвъ,
 Скачу я по полямъ, порскаю,
 И въ каршы проигрался весь! —
 Мы послѣ вдругъ заговорили
 О новыхъ книгахъ о стихахъ,
 И модный романшизмъ хвалили.

Хвала Германцамъ ! о черсяхъ
 Они поняшіе намъ дали, —
 Вскричалъ нашъ Князь : и доказали,
 Чшо шабашъ вѣдьмъ и колдуновъ,
 Мяуканье и визгъ коповъ,
 Крикъ филиновъ и змѣй шипѣлье —
 Прямое сцены украшенье ;
 И чшо Британикъ, Магомешъ,
 Въ кошоромъ чершовщины нѣшъ,
 Ни всей прелесшной адской свищы,
 Несносны, скучны, позабышы. . .

Чшо вижу я ? Товарищъ мой,
 Романшикъ скромной не большой,
 Къ вечернему сшолу явился. —

„Насилу я освободился,

„Мой другъ Храбровъ, ошъ скучныхъ дѣлъ!

„Разбойникъ ашаманъ Маркель

„Во всемъ передъ судомъ открылся.

„Пятнадцать лѣшъ назадъ шому,

„Случайно удалось ему

„Ограбишь барина съ жепою.

„Въ коляскѣ, позднею порою ;

„Нещасный ѳхаль изъ гостей
 „Съ подругой доброю своею,
 „Съ дичятей, нянею, слугою.
 „И съ грозной шайкою, злодѣи
 „На нихъ напалъ. Всѣ пали мершвы.
 „Но дочь, младенецъ двухъ годовъ,
 „Самъ Богъ ей видно былъ покровъ!
 „Въ живыхъ оспалась, и сей жершвы
 „Всеспальный не хотѣлъ приять.
 „Злодѣи на нее подиашъ,
 „Рукъ кровожадныхъ поспыдлись,
 „Хоша оставивъ подъ кустомъ
 „Они съ добычей удалились;
 „И ушромъ, ѳхавши верхомъ,
 „Священникъ, говоряшъ, почщенный
 „Нашель ее, и пораженный
 „Младенца ангельской красой,
 „Ошвезъ ее въ кровь мирный свой. . .“

„И вошь она!“ старушка закричала:
 Нашаша въ обморокъ упала;
 Я въ шрепешъ ее держалъ,
 И въ чувшво привесши шарался.

Весь домъ на помощь къ ней сбѣжался ;
 А Камеръ-Юнкеръ ускакалъ ,
 Увидѣвъ общее смяшенье
 И хлопошы и огорченье.

В. Пушкинъ.

С Л Е З Ы.

Сколько слезъ я пролилъ ,
 Сколько тайныхъ слезъ
 Скрышься приневолпль
 Въ дни сердечныхъ грозъ !

*

Слезы , что пробилсь ,
 Позабышы мной ;
 Чувства освѣжились
 Сладкой ихъ росой .

*

Слезы , что отсѣли
 На сердечномъ днѣ ,
 Къ язвамъ прикипѣли
 Ржавчиной во мнѣ .

Кн. Вяземскій.

АНАКСАГОРЪ.

Бесѣда Платона (*)

Анаксагоръ. Давно, Платонъ, давно уроки божественнаго Сократа не повторалясь въ нашихъ бесѣдахъ, и я по сихъ поръ напрасно искалъ случая предложить тебѣ нѣсколько вопросовъ о любимыхъ нашихъ наукахъ.

Платонъ. Готовъ удовлетворить твоимъ вопросамъ, любезный Анаксагоръ, если силы мои мнѣ это позволятъ.

Ан. Ты всегда рѣшалъ мои сомнѣнія, Платонъ, и я не помню, чтобы ты когда нибудь оставилъ хоть одинъ изъ нашихъ вопросовъ безъ удовлетворительнаго отвѣта.

(*) Сочиненіе покойнаго Д. В. Веневитинова.

Пл. Если и шакъ, Анаксагоръ, по не я производилъ шакія чудеса, но наука, божешвенная наука, кошорая внушала рѣчи Сократа и кошорой я рѣшилъ посвящить всю жизнь свою.

Ан. Недавно чипаль я въ одномъ изъ нашихъ поэшовъ описаніе золошаго вѣка, и признаюшь себѣ, Плашонъ, въ моей слабости: эта картина восхишила меня. Но когда я на нѣсколько времени перенесся въ эпошь міръ совершеннаго блаженства и пошомъ снова обратился къ нашимъ временамъ; погда очарованіе прекрашилось, и у меня невольно вырвался гореспный вопросъ: для чего дано человѣку понятіе о такомъ щастіи, кошораго онъ доспигнушь не можешь? Для чего имѣешь онъ нещаспную способность, мучишь себя игрою воображенія, прекрасными вымыслами?

Пл. Какъ? не уже-ли ты представлешь себѣ золошой вѣкъ вымысломъ

поэша, игрою воображенія? — Не уже-ли ты полагаешь, что поэтъ можешь что-либо вымышлять?

Ан. Безъ сомнѣнія; и я думалъ въ этомъ случаѣ быть съ тобою согласнымъ.

Пл. Ты ошибаешься, Анаксагоръ. — Поэтъ выражаетъ свои чувства; а всѣ чувства не въ воображеніи его, но въ самой его природѣ.

Ан. Если шакъ, то для чего же изгоняешь ты поэшовъ изъ твоей республики.

Пл. Я не изгоняю истинныхъ поэшовъ, но увѣнчавъ ихъ цвѣтами, прошу оставить наши предѣлы.

Ан. Конечно, Плапонъ; кто́ изъ поэшовъ не согласился бы посѣпить свою республику, чтобъ подвергнуться такому изгнанію? Но не менѣ того это не доказываешь ли, что ты почи-

паешь поэзію вредною для общества и слѣдственно для человѣка?

Пл. Не вредною, но бесполезною. Моя республика должна быть составлена изъ людей мыслящихъ, и потому дѣйствующихъ. Къ такому обществу можешь ли принадлежать поэтъ, который наслаждается въ собственномъ своемъ мѣрѣ, котораго мысль внѣ себя ничего не ищетъ и слѣдственно уклоняется отъ цѣли всеобщаго усовершенствованія? — Повѣрь мнѣ, Анаксагоръ: Философія есть высшая Поэзія.

Ан. Я охотно соглашусь съ твоею мыслию, Платонъ, когда ты покажешь мнѣ, какъ Философія можешь объяснить, что такое золотой вѣкъ.

Пл. Помнишь ли ты, Анаксагоръ, слово Сократа о человѣкѣ? — Какъ называлъ онъ человѣка?

Ан. Малымъ мѣромъ.

Пл. Такъ точно , и эти слова должны объяснить твой вопросъ. — Что понимаешь ты подъ выраженіемъ малый міръ?

Ан. Вѣрное изображеніе вселенной.

Пл. Вообще эмблему всякаго цѣлаго и слѣдственно всего человѣчества. — Теперь разсмотримъ человѣка въ отдѣльности и примѣнимъ мысль о человѣкѣ ко всему человѣчеству. Случалось-ли тебѣ знать старца , совершившаго въ добродѣтели путь , предназначенный ему природою , и приближающагося къ концу съ богатыми плодами мудрой жизни ?

Ан. Кто изъ насъ , Плапонъ , забудетъ добродѣтельнаго Форбіаса , который , посвятивъ почти цѣлый вѣкъ любомудрію , на старости лѣтъ , казалось , возвратился къ щастливому возрасту младенчества ?

Пл. Ты самъ, Анаксагоръ, развиваешь мысль мою. Такъ! всякій чело-вѣкъ рожденъ щасливымъ; но чшобы познашь свое щастіе, душа его осуждена къ боренію съ прошиворѣчіями міра. — Взгляни на младенца: душа его въ совершенномъ согласіи съ природою; но онъ не улыбается природѣ, ибо ему не достаешь еще одного чувсва — совершеннаго самопознанія. Эшо музыка, но музыка еще скрытая въ чувсвѣ, не проявившаяся въ разнообразіи звуковъ. — Взгляни на юношу и на челоѣка возмужалаго. Чшо значишь желаніе опытноспи? Гдѣ причина всѣхъ его покушеній, всѣхъ его дѣйствій, какъ не въ идеѣ щастія, какъ не въ надеждѣ достигнуть шой степеии, на кошорой челоѣкъ познаетъ самага себя? — Взгляни наконецъ на старца: онъ, кажешся, вдохновеннымъ взоромъ окидываетъ минувшее поприще и ви-

дись, что всё бури міра для него упили, что путь трудовъ привелъ его къ желанной цѣли — къ независимости и самодовольству. Вотъ жизнь человѣка! Она снова возвращается къ своему началу. — Разсмотримъ теперь ходъ человѣчества, и тогда загадка совершенно для насъ разрѣшится. Въ какомъ видѣ представляется тебѣ золотой вѣкъ?

Ан. Древніе наши поэты посвятили свое искусство описанію какого-то утраченнаго блаженства, и слова мои не могутъ выразить моего чувства.

Пл. Не требую отъ тебя картины; но скажи мнѣ, какъ представляешь ты себѣ первобытнаго человѣка въ отношеніи къ самой природѣ.

Ан. Онъ былъ, какъ увѣряють, царемъ природы.

Пл. Царемъ природы можешь назваться только тотъ, кто покорилъ

природу; и слѣдственно, что-бъ познать свою силу, человѣкъ принужденъ испытывать ее въ противорѣчяхъ: опшуда расколъ между мыслию и чувствомъ. Объясню себѣ эти слова примѣромъ. — Представимъ себѣ Фидіаса, пораженнаго идеею Аполлона. Въ душѣ его совершенное спокойствіе, совершенная тишина. Но доволенъ-ли онъ эшимъ чувствомъ? Если-бъ наслажденіе его было полное, для чего-бы онъ взялъ рѣзецъ? Если-бъ идеаль его былъ ясенъ, для чего старался бы онъ его выразить? Нѣтъ, Анаксагоръ! эша тишина предвѣстница бури. Но когда вдохновенный художникъ, побѣдивъ всѣ трудности своего искусства, передалъ мысль свою безчувственному мрамору, тогда только истинное спокойствіе водворяется въ душу его — онъ позналъ свою силу и наслаждается въ мірѣ, ему уже знакомомъ.

Ан. Конечно, Плашонъ, эшо можно сказать о художникѣ, потому что онъ шворитъ, и для шого своевольно борешся съ трудностями искусства.

Пл. Не только о художникѣ, но о всякомъ человекѣ, о всемъ человечествѣ. — Жить, ничто иное какъ шворить — будущее нашъ идеаль. Но будущее есть произведение насоящаго, то есть, нашей собственной мысли.

Ан. И такъ, Плашонъ, если я понялъ швою мысль, то золошой вѣкъ точно существовалъ и снова ожидаешь смершныхъ.

Пл. Вѣрь мнѣ, Анаксагоръ, вѣрь: она снова будетъ, эша эпоха шастія, о которой мечтають смершные. — Нравственная свобода будетъ общимъ удѣломъ; всѣ познанія человека сольются въ одну идею о человекѣ; всѣ отрасли наукъ сольются въ одну науку

самопознанія. Что до времени? Насъ давно не спанешь; но меня утѣшаетъ эта мысль. Умъ мой гордится тѣмъ, что ее предузнавалъ и, можетъ быть, ускорилъ будущее. — Тогда пусть сбудется древнее Египетское пророчество! Пусть солнце поглотитъ нашу планету; пусть враждебныя стихіи расхищаютъ разнородныя части, ее составляющія! . . Она исчезнетъ, но совершивъ свое предназначеніе; исчезнетъ какъ ясный звукъ въ гармоніи вселенной! . . .

 ОБНОВЛЕНІЕ.

Ужь скоро, скоро перестроюшь
 Нашъ обвешшальный, сшарый домъ:
 Еще сердца въ шревогѣ поюшь,
 Какъ у прешупныхъ предъ судомъ.
 Но ужь предчувствіемъ сгараешь
 Душа, слышавъ шайный гласъ:
 Былое все какъ шѣнь мелькаешь
 И мчишься вешкое ошъ насъ;
 Обнова жизни разцвѣшаешь! . . .
 Бѣги-жь, бѣги почная шѣль,
 Приюшь слѣпцовъ замашерѣлыхъ:
 Идешь къ намъ гощь — Восшокъ веселый,
 Ужь ушришься великій день!
 О! не шревожшесь, люди - брашья!
 Онъ, гощь нашъ, ясенъ какъ любовь:
 Пустыя киньше предпріашья,
 И разлюбите гниль гробовъ!

Ужь вьется облако злaшoe
 И скоро хлынешь жизни дождь :
 О , будь намъ вѣра крошкѣй вождь —
 Смѣлай изъ грѣшнаго въ Свяшое!

Ө. Глинка.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

Не липочка кудрявая
 Колышется вѣшромъ ,
 Не рѣченька глубокая
 Кипишь въ непогодѣ ,
 Не бѣлая ковыль - шрава
 Волнуется въ полѣ :
 Волнуется решивое ,
 Кипишь , кипишь сердце ;
 У красныя у дѣвицы
 Колышущся груди ;
 Перекашнымъ бисеромъ
 Текушь горьки слезы —

Текушь съ лица на бѣлу грудь
И грудь непокоюшь.

Ахъ, прежде красавица
Всѣхъ насъ веселила;
А нынѣ красавица
Вдругъ спала уныла. —
Развѣвайшесь, развѣвайшесь вы,
Дѣвически кудри!
Поблекни, поблекни шы,
Дѣвическа прелесшь.
Къ чему вы мнѣ надобны,
Коль вы не для друга?
Къ чему мнѣ наряды всѣ,
Коль онъ не со мною?
Съ кѣмъ сладко порадоюсь,
Съ кѣмъ сладко поплачу:
Ты, милый другъ, радостью,
Ты былъ мнѣ красою!
Тебя только слышала,
Тобою дышала,

Въ шебѣ свѣшъ я видѣла,
 Въ шебѣ веселилась.
 Съ собою ты сердце взялъ:
 Чѣмъ живъ, веселишься? —
 Родныя вокругъ сердяща,
 Что я измѣнилась:
 Другіе пришворсшвуюшь,
 А я не умѣю! . . .
 Ахъ, съ дальней споронушки
 Пришли ко мнѣ вѣспочку,
 Что здравъ ты и радостень,
 И что меня помнишь!
 Тогда улыбнуса я
 На бѣлый свѣшъ снова,
 Тогда и въ разлукѣ злой
 Сольемся сердцами,
 Тогда оживу опять
 Для васъ, добры люди!

А. Мерзляковъ.

П О Р Т Р Е Т Ъ.

(въ Альбомъ.)

Кто сей смертный, коего чело, кажешся, увѣнчано горестнымъ воспоминаніемъ, даже среди шума веселій! Уже-ли онъ одинокъ на землѣ? Нѣтъ! Взоры друзей успремлены на него и останавливаются на немъ, какъ-бы онъ былъ средоточіемъ ихъ мыслей. Или жизнь ему надоѣла? . . Въ глазахъ его выражается грусть, въ улыбкѣ насмѣшка. — Можешь быть, подобно Байрону, и онъ преслѣдуемъ злобою и завистью? Можешь быть, струны сердца его оборваны, и, подобно разбитой лирѣ, оно уже не издастъ никакихъ звуковъ? Или, какъ тяжкая цѣпь на рабахъ, совѣсть не ошягощаетъ-ли его мыслей? Но нѣтъ:

душа его свободна, чиста: онъ можеть безъ укора смотрѣть на добродѣтель; благородный поступокъ, великодушіе, все что истинно, все что прекрасно, плѣняетъ, восхищаетъ его. Внимаешь ли онъ прогашельной, но величественной гармоніи: онъ исполняется святой радости, — святой, ибо она меланхолическая. Тогда покой нисходитъ на его взволнованную душу, тогда геній его упоенъ божественными звуками: тогда онъ самъ — весь гармонія. — Но произнесли одно слово, и радость его исчезла: глаза его неподвижно останновились на томъ предметѣ, копорый они созерцали; багровая краска вспыхнула на его ланипахъ. . . Это быстрое и торжественное пламя огнедышущей горы! — Что-же это за могущее слово? Не было ли оно произнесено какою-нибудь волшебницей при его рожденіи, и не перемѣнишь-ли оно шеперь его судьбы? — Я

спрашиваю. . . Кто-то назвалъ при немъ
спрану чуждую . . . чуждую для насъ,
священную для него . . . Тамъ его мать
опирала первыя слёзы ; тамъ сердце
его впервые любило ; тамъ преданія ле-
лѣяли его геній ; тамъ думы и опече-
штво создали въ немъ поэта ! —

Сколько чувствъ, сколько воспоми-
наній, сколько жизни въ одномъ словѣ !
Юный дикарь, перенесенный въ Европу,
видишь расшеніе своего острова ; онъ
бросается къ нему, восклицая: *Отаити!*
Отаити! Онъ цѣлуешь его и не можешь
опъ него опорваться : шакъ душа чу-
жеземца повторила имя родной земли.
Литовскій вѣпръ ударилъ въ струны
этой Золовой арфы ! Тогда пѣвецъ лѣ-
совъ запѣваешь пѣснь лѣсовъ ; онъ оп-
крываешь свою душу, онъ развиваешь
свою думу ; онъ обращается равно ко
всѣмъ ; во всѣхъ онъ видишь шолько
братъевъ. Выраженія его сжашы, но

исполнены спрасши и силы. Его опечество съ жадностію внимаешъ симъ опдаленнымъ звукамъ; оно собираешъ его поэшическія вдохновенія и гордишся симъ народнымъ геніемъ, ибо оно всегда и вездѣ озаряешъ и воспаменяешъ его. Такъ огненный сполпъ озарялъ народъ Божій въ пустынь; такъ Греческія колоніи переносили опечеспвенное пламя въ спраны чужія.

(К. З. В.)

— Наспупала ночь; — блестящія звѣзды казались вѣчными взорами Ангеловъ, несмыкающихъ очей надъ усыпленными смершными; — быстрый вѣтръ пробѣжалъ по долинь; и шрепещущій листь тихимъ шопошомъ сказаль ему: *прости!* — Одна, на вершинѣ холма, подъ сѣнію цѣшущихъ липъ, я видѣла какъ солнце медленно и нѣхошя покидало прекрас-

ныя равнины, и сокрылось наконецъ, бросивъ на нихъ свой послѣдній, горячій взоръ любви. Я видѣла, какъ на лазоревомъ сводѣ блеснѣли легкія облака, золошья, пурпуровыя — прекрасныя, какъ минушья блаженства, мимолѣтныя, какъ онѣ. — Природа, подобно дѣвѣ стыдливой, краснѣя пряталась подъ таинственный покровъ вечера, сквозь который едва видѣлись очаровательныя чершы ея. Луна взошла въ красотѣ своей, и взоры мои не могли опорваться отъ нея: они слѣдовали за ея молчаливымъ печеніемъ. — „Какъ прекрасна ты, о луна! — сказала я ей — какъ плѣнительна ты! Одна на небѣ блестяшь ты симъ сладостнымъ сіяніемъ; но на землѣ я видѣла образъ твой. — И она, какъ ты, не знаетъ равной себѣ. Спокойно и лучезарно проходишь ты по темнымъ небесамъ: такъ проходишь она по мрачной землѣ. Какъ ты, она

несеть утѣшеніе въ душу несчастнаго; какъ ты, она подобна Ангелу состраданія; — взоръ твой исполненъ очарованія, но ея взоръ еще сладостнѣе! — Продолжай, луна, свое мирное печеніе; можешь быть, ты увидишь ее, и подумаешь, что въ зеркалѣ водѣ отразилась твой плѣнительный образъ. — Не также-ли привлекаетъ она взоры всѣхъ? Не также-ли съ тихимъ волненіемъ слѣдуемъ мы очами за нею? — Не также-ли, какъ ты, она предметъ пѣсень поэта, и не также-ли невыразима ея задумчивая краса! —

Успремивъ взоры на лучезарное свѣшило, я говорила — и деревья надомною освѣщенные попокомъ его сіянія, казалось, также тихимъ голосомъ разговаривали между собой, и шопотомъ произносили имя гармоническое. — Вдругъ, среди таинственнаго молчанія, послышались мнѣ отдаленные звуки, небесная,

поржественная мелодія, — будшо духъ
неземной, пролетая въ ноци, пѣль хва-
лу Вседержителю. . . Но то было лишь
одно воспоминаніе ! . . . —

* *

~~~~~

ПРОЩАЛЬНАЯ ПѢСНЬ.

Когда умру, смиренно совершите
По мнѣ обрядъ печальный и свяшой,
И мнѣ стиховъ надгробныхъ не пишите,
И мрамора не славше надо мной.

*

Но шамъ, друзья, гдѣ смѣло юношъ ваша
Красуется могуществомъ вина;
Гдѣ весела, какъ праздничная чаша,
Душа кипитъ свободна и шумна:

*

Во славу мнѣ, вы чашу круговую
Наполните играющимъ виномъ;

Торжественно пропойте пѣснь родную
И пьяншвейте о имени моемъ.

*

Все плѣвъ и мигъ! Блаженъ , кому судьбою
Свою весну пропировашь дано;
Чья грудь полна свободой удаю ,
Кто любишь жизнь за пѣсни и вино !

*

КЪ * * *

Слезами горькими , шоскою
Твоя погибель почтена.
О вѣрь , о вѣрь , что надъ тобою
Сшонъ скорби слышала волна!
О вѣрь , что надъ шобой почило
Прощенье , миръ , а не укоръ , —
Что не спрашна швоя могила ,
И не посшуденъ швой позоръ !

С — ма Т — ва.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА А. И. Г - ОЙ.

Милостивая Государыня!

Жалю, что давно не знаю ничего о вашихъ спихотворныхъ занятіяхъ. Надѣюсь, что вы не измѣнили имъ. Смѣю даже совѣтовать вамъ упражняться постоянно и прилѣжно: пишите болѣе и передавайте спихамъ своимъ какъ можно вѣрнѣе и полнѣе впечатлѣнія, чувства и мысли свои. Пишите о томъ, что у васъ въ глазахъ, на умѣ и на сердцѣ. Не пишите стиховъ на общія задачи. Это дѣло поэзовъ - ремесленниковъ. Пускай написанное вами будетъ разрѣшеніемъ собственныхъ, сокровенныхъ задачъ. Тогда спихи ваши

будуть имѣть жизнь, образъ, тепло, свѣжесць. Въ женскихъ исповѣдяхъ есть особенная прелесть. Свой взглядъ, свое выраженіе придають печатъ оригинальности и новости предметамъ самымъ обыкновеннымъ. Можесть быть, лучшіе стихи у всѣхъ первѣйшихъ поэтовъ именно тѣ, которыми выражены чувства простыя, общія по существу своему, но личныя по впечатлѣніямъ, дѣйствовавшимъ на поэта, и положенію, въ которомъ онъ находится на ту пору. Вошь тайна истины и истинной поэзіи. Дегрео преподаесть великое правило :

Rien n'est beau que le vrai, le vrai seul est aimable. — Проповѣдникъ классицизма едва - ли въ этомъ случаѣ не былъ пророкомъ романтизма. Разумѣея шупь дѣло не о положительныхъ истинахъ, не о существенности, но объ истинѣ чувства. Тутъ истина синонимъ вѣрности. — Почему такъ мало истинно

хорошихъ стиховъ пишется въ наше время, хотя число хорошихъ стиховорцевъ *нарогито* умножилось? Потому, что многіе поюшъ фальшиво, не своимъ голосомъ, а поддѣлываясь подъ чужіе голоса. Молодежь, полная надеждъ и часто суешности, поешъ о разочарованіи, объ усталости жизни, когда вовсе не было опъ чего устать. Въ большей части нашихъ поэтовъ современныхъ, мы не видимъ лицъ, а видимъ маску, копорую они оплили себъ, соображаясь съ духомъ времени и корча господствующее лице. Ради Бога, не надѣвайте маски:

Не увлекайтесь заразой повсемѣстной,
 Вы сердца слушайтесь, не моды, не молвы:
 И чтобъ навѣрно быть прелестной,
 Вы будьте истинны, Вы будьте просто Вы.

Позвольте еще вамъ посовѣтовать: не пренебрегайте также вѣрностью рѣмы. Уважайте истину Поэзіи, но соблюдайте-

не свяшо истину и стихотворства. Языкъ стихотворный — языкъ условный; нарушая одно изъ условій, разспроиваете вы согласіе цѣлаго. Чѣмъ риѣма кажешся маловажнѣе, тѣмъ рачительнѣе должно спарашься о ней. Въ бездѣлицахъ, гдѣ все достоинство въ чистотѣ и красотѣ опдѣлки, недостапокъ опдѣлки еще рачительнѣе и непріятнѣе. Если не бытъ педантомъ въ риѣмахъ, то уже лучше писать вовсе безъ риѣмъ; но не совѣшую вамъ прибѣгать къ этому *лучшему*. Тупѣе ксшатъ вспомнить Французскую поговорку: *le mieux est l'ennemi du bien*. Конечно, признаю нѣкоторыя исключенія; но вообще по этому отношенію принадлежу въ стихахъ старой школѣ, а не древней и не новѣйшей. Виноватъ; люблю эту звучную игрушку средняго вѣка и, читая хорошіе стихи безъ риѣмъ, мнѣ всегда приходитъ въ голову мысль: жаль,

что эти стихи не стихами писаны. Не буду совѣтовать вамъ переводить стихи стихами, но для упражненія въ языкѣ переводите прозу. Эта работа развяжетъ вамъ руку, развяжетъ выраженія ваши, обогатитъ васъ средствами и формами. Языкъ Русскій упрямъ: безъ постояннаго труда не переупрямишь его. Не всегда можно быть расположеннымъ писать стихи; а между тѣмъ необходимо писать каждый день, по ешь, работай надъ языкомъ. Языкъ — инструментъ; едва-ли не труднѣе онъ самой скрипки. Можно-бы еще замѣтить, что посредственность какъ на одномъ, такъ и на другомъ инструментѣ нестерпима: но боюсь огорчить и себя и многихъ товарищей, словесныхъ скрипачей. Переводы стихопворческіе приучаютъ обыкновенно къ принужденнымъ оборотамъ; даютъ привычку выражать себя безъ точности, не

рѣшительно, а довольствоваться выраженіями, близкими къ настоящимъ, такъ сказать, ходишь не прямо къ цѣли ближайшею дорогою, а бродишь около, сбивчиво и нешвердо. Мудрено быть развязнымъ въ двойныхъ оковахъ: мысли и выраженія. О хорошемъ переводчикѣ, какъ объ искусномъ акробатѣ, можно сказать, что онъ мастерски ломается. Вѣроятно мы лишились великаго поэта въ одномъ изъ нашихъ переводчиковъ, именно потому, что онъ слишкомъ много переводилъ. Изъ вольныхъ переводчиковъ образуются обыкновенно невольные поэты. Мало у насъ исключеній въ эпозъ случаѣ: кажется, кромѣ Дмитриева и Жуковского и назвать не кого. Первый въ басняхъ своихъ, а второй въ переводахъ изъ Нѣмецкихъ поэтовъ, хопя и идутъ по слѣдамъ проложеннымъ, или по струнѣ прешянутой, но шагъ ихъ такъ швердъ, движенія такъ

свободны, что, глядя на нихъ, забываешь и думаешь, что они гуляють по своей дорогѣ.

Въ выборѣ для переводовъ прозаическихъ должно, разумѣется, держаться лучшихъ образцовъ, авторовъ, оплечающихся ясностію мыслей и выраженій, слогомъ правильнымъ и красивымъ. Нужно также разнообразить переводы свои, испытывая себя въ разныхъ родахъ. Избранныя мѣста Французскихъ писателей въ книгахъ Ноэля, Левизака, или въ новѣйшемъ собраніи Музея лиштера-шурнаго, кажутся мнѣ лучшими учебными руководствами для подобныхъ упражненій. Хорошо еще, особливо-же, когда не съ кѣмъ совѣтоваться въ письменныхъ занятіяхъ своихъ, *перепереводить* отрывки уже переведенные лучшими нашими прозаиками, п. е. Карамзинымъ и Жуковскимъ, и попомъ сличать криптически свои опыты съ дѣломъ мастера.

Въ Пантеонѣ иностранныхъ писателей, изданномъ Карамзинымъ, найдете вы прекрасные уроки для эпихъ испытаній. Впрочемъ, чпобы хорошо овладѣть языкомъ, не довольно писать на немъ много, нужно еще много читать и перечитывать писателей отечественныхъ, и не однихъ образцовыхъ и современныхъ. Кантемиръ, Сумароковъ, Княжнинъ, Петровъ и другіе, не говорю уже о Ломоносовѣ, родоначальникѣ нашемъ, кошорый самъ за себя говоритъ, не будешь служить вамъ примѣромъ для слога, правильности и красоты оборотовъ; но показывая Русскій языкъ въ своихъ постепенныхъ измѣненіяхъ, они обогащаютъ ваши свѣденія въ немъ и составляютъ вамъ понятіе о немъ обдуманное, многостороннее, а не поверхностное, такъ сказать махиальное, на обумъ. Къ тому-же есть мода на слова, какъ и на все житейское: употребленіе,

прихошь, спесь, какое - то школьное цѣломудріе, а чаще всего простодушное невѣденіе изгнали изъ нашего языка многія слова, копорыя хранятся въ спаринныхъ авторахъ и могли бы съ пользою бышь водворены въ прежнія права свои. По многимъ изъ нашихъ новѣйшихъ писателей, замѣтно глубокое и всеобъемлющее незнаніе того, что сдѣлано предшественниками нашими. Какъ иные поюшь, шакъ они пишушь со слуха. Имъ Русская литература знакома только съ той эпохи, въ которой они заспали ее. Сказано было уже, что и Карамзинъ писатель спаринный и вѣкъ свой опжившій: если вѣрить нѣкоторымъ слухамъ, то проза наша, мимо его, ушла далеко впередъ. Ушла она, это бышь можеть, только не впередъ и не назадъ, а вкось. Набѣги нашихъ литературныхъ наѣздниковъ не подвинушь прозы нашей; но за то, благо-

даря Бога, примѣръ ихъ не довольно увлекателенъ, чтобы дать ей общее обрашное движеніе. Проза, являющаяся въ новѣйшихъ журналахъ, почти единственныхъ хранилищахъ новѣйшей прозы, или совершенно безцвѣтна и безжизненна, или рдѣешь какою-то насильственной песпрою и движется судорожными припадками. Впрочемъ есть предметы, о коихъ совѣстно говорить при прекрасномъ полѣ, и винюсь передъ вами, что заговорилъ о нашихъ журналахъ, которые въ полемическомъ изступленіи своемъ, кажешся забыли, что есть у нихъ и чашательницы. Кто-то сказалъ, что съ нѣкотораго времени журналы наши такъ грязны, что читать ихъ не иначе можно какъ въ перчаткахъ.

Еще есть вспомогательное средство для изученія языка Русскаго: частое чшеніе Академическаго Словаря.

Этотъ способъ былъ мнѣ присовѣтованъ Карамзинымъ и слѣдовательно заслуживаетъ довѣренность вашу. Сей словарь далекъ отъ совершенства ; но все , за неимѣніемъ другаго , должно прибѣгать къ нему , какъ къ единому хранилищу матеріальныхъ богатствъ языка нашего.

Кн. Вяземскій.

Р. С. О журналахъ нашихъ говорилъ я , разумѣется , не безъ исключеній. Во первыхъ упомяну объ Апенеѣ. Проведя большую часть нынѣшняго года въ отдаленной деревнѣ и въ разъѣздахъ по степямъ Заволжскимъ , я не могъ непрерывно слѣдовать за всѣми журналами нашими ; но судя по книжкамъ Апенея , мнѣ попадавшимся , нахожу , что сей журналъ соблюдаетъ въ рецензіяхъ своихъ должное приличіе. Не раздѣляю съ нимъ литературныхъ

мнѣній его, не одобряю направленія, замѣченнаго мною въ нѣкоторыхъ кришикахъ его; но по крайней мѣрѣ признаю охотно, что можно читать ихъ не краснѣя за писателей не забывающихъ достоинства званія своего, что можно, если вздумается, опвѣчать на нихъ, не нарушая должнаго уваженія къ себѣ. Духъ кришики (если можно назвать это *духомъ* и *критикою*?) нѣкоторыхъ другихъ журналовъ, на которые указываешь не для чего, потому что бѣдственная извѣстность ихъ слишкомъ уже у всѣхъ оглашена, испоргнулася изъ границъ не только литературы — и общежительнаго, но и нравственнаго приличія. Судить ихъ нечего: довольно и того, что остаются за ними, по силѣ печати, въ вѣчное и попомственное владѣніе, нареканія, коими они перекидывались между собою въ частыхъ своихъ схваткахъ. Въ политическихъ

сношеніяхъ журнальныхъ кабинетовъ видимъ мы не рѣдко послѣ продолжительныхъ браней союзы насильственные, худо и на скорую руку по обстоятельству сдѣланнаго мира: но вслѣдъ за этими мировыми сдѣлками не можешь быть уваженія ни между примирившимися, ни со стороны, пошому что оружія употребленныя воевавшими были недостойны образованныхъ и прямодушныхъ противниковъ. О литературномъ состояніи нашей республики писмень говорить почти нечего; но можно и должно-бы написать обзоръ преобладающаго состоянія литературы нашей. Литературу называютъ выраженіемъ общества: слѣдуетъ вступить за общество, избличая лживость выраженія поддѣльнаго и оскорбительнаго чести ея.

П Ъ С Н Я.

Грустно скукою своею
Добрымъ людямъ докучашь:
Что-же дѣлать? не умѣю
И печаль мою скрыватьъ.

Людямъ счастье, людямъ радость —
Мнѣ же грусть одна дана ;
Пронеслася жизни младость
Будто шумная волна !

Много знала я , видала
Въ горѣ сердца моего;
Не видала , не знавала
Только счастья одного.

Безопрядная , съ поскою
Часто спрашивала я :
Гдѣ приюсть мой? Кто родною
Въ мѣрѣ назвалъ бы меня ?

Люди холодно смотрѣли,
 Даже ласкою своей
 Не умѣли, не хотѣли
 Оживишь души моей.

Богъ судья имъ! Безъ ропшанья
 Буду вѣкъ мой горевашь,
 И опъ тяжкаго сшраданья
 Безошрадно изнывашь.

Марья Лисицына.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЭМЫ.

— — — — — Поздно, господа,
 Прощайте!, — Буйная орда
 Восколебалася. Гуляки
 Всаюшъ, шатаясь на ногахъ;
 Берушъ на шульяхъ, на шолахъ,
 Свои разбросанные фраки,
 Свои мундиры, сершуки;
 Но доброй волѣ вопреки
 Не споры сборы. Шляпу на лобъ

Надвинувъ, держишь предъ собой
 Спаканъ недописый иной,
 И разсуждаетъ : надлежало-бъ
 Докончишь дѣло! Недвижимъ,
 Онъ долго простоишь надъ нимъ. —
 Другой, предъ зеркаломъ, на шею
 Свой галстукъ вижешь ; но рука
 Его шлжка и неловка :
 Все какъ-шо врозь идушъ подъ нею
 Концы прокляшаго плашка.
 Къ свѣчѣ пристава трубку задомъ,
 Ждетъ трешій, пасмурный чудакъ,
 Когда закурился шабакъ.
 Лихія шушки сыпляшъ градомъ ;
 Но полно, вонъ валишь кабакъ.
 „Прощай Елецкой, до свиданья! —
 — Прощайте, брашцы, добрый пушь!“
 И сокращая провожанья,
 Слѣвшишь онъ дверь свою замкнушь.
 Одинъ оставшійся Елецкой
 Суровымъ окомъ обозрѣвъ
 Покой, гдѣ шолько чшо гремѣвъ

Пиръ разливной и молодецкой.
 Двойко взоръ онъ поражаеъ ,
 Двойное чувство возбуждаеъ .
 Великолѣпье ошпное
 Шшофъ полициальный на стѣнахъ ;
 Межъ оконъ зеркало большое ,
 Но съ середины все въ лучахъ ;
 Въ пыли богашыя завѣсы ,
 Давно нечищенный паркетъ ;
 Ночнаго пиrowанья слѣдъ
 Къ шому-жь оставили повѣсы ,
 Зола изъ шрубокъ здѣсь и тамъ ,
 Шекло по окнамъ , по споламъ
 Съ остатками задорной влаги ,
 И вошь докучливый глазамъ
 Полакъ догорѣлыхъ до бумаги
 И въ блескѣ упренихъ лучей
 Уже блѣднѣющихъ свѣчей .

Е. Баратынскій.

ЭПИГРАММА.

(Изъ Ж. Б. Руссо)

Нашъ свѣтъ шеатръ , а въ жизни видимъ
 драму.

Въ рукахъ судьбы хранился лицъ запасъ ,
 Въ извѣстный срокъ , въ условленную раму
 Актеры къ намъ выходящъ на показъ.

Прослая чернь , отброшенная знашью
 Мы зрители , и площадную братьсяю
 Въ послѣдній рядъ судьба загнала насъ ;
 Но плашимъ мы издержки всѣхъ проказъ ,
 И ужъ за шо подъ часъ , безъ дальнихъ
 справокъ ,

Когда у нихъ въ игрѣ оплошность есть :
 Даемъ себѣ пошѣху съ заднихъ лавокъ
 За свой алшынъ освисывавашъ ихъ честь.

Кн. Ваземскій.

ОЧИЩЕННОЕ ЗЛАТО.

(Восточный Аппологъ.)

Однажды, когда еще вещи и люди умѣли между собою разговаривать, небольшой кусочикъ золота, тщательно очищеннаго и сплавленнаго въ *обручальное кольцо*, спросилъ у своего хозяина: „Откуда я? — Вѣрно ты взялъ меня въ странѣ чистоты, въ странѣ, гдѣ все живешь и сѣяешь лучшею, возвышеннѣйшею жизнію?“ — Посмотри, сказалъ хозяинъ, на мѣсто своего рожденія; и отнеси кольцо къ золотой шахтѣ. — Тамъ, близъ глухаго и темнаго подземелья, увидѣло оно груды самой нечистой грязи. Вошь, гдѣ ты зародилось! вошь сколько надобно было отдѣлится нечистоты (1), чшобъ воз-

(1) Изъ ста пудовъ нечистой руды вымываютъ иногда одинъ шолько золотинокъ золота.

родить тебя на свѣшь! — Попомъ показаль ему и *горнило очищенія*, чрезъ которое провель масперъ золото уже ошдѣленное ошъ природной грязи.

Кипо почувствуешь себя очищеннымъ, шотъ спань на мѣспо золоша и вообрази, сколько нужно было омовеній и труда, чшобъ извлечь его изъ природной грязи, и какъ необходимо горнило, чшобъ довести, уже возрожденнаго, до *конегнаго очищенія!*

Неразумѣющій — пойми!... Уразумѣвшій — не ропщи! . . .

Федоръ Глинка.

БЕЗНАДЕЖНОСТЬ.

Бывало шолько налешали
 Ко мнѣ минушныя печали,
 Но мѣръ прекрасенъ былъ мечшой;
 Теперь тоска съ моей душой.

Порою нѣтъ и упованья —
 Какъ-бы надежды и желанья
 Волна морская унесла,
 Какъ будто міръ одѣла мгла. . .

И миль миѣ лѣсъ угрюмый, дикій,
 И кипарисъ и повелики,
 Холодный камень гробовой,
 И вѣтра свистъ, и бури вой.

Н. Теллова.

.....

МАРИУПОЛЬ.

(На новоселье.)

Mes idées sont trop vives pour se
 succéder; elles se présentent toutes
 ensemble. *Rousseau.*

Есть домикъ — передъ нимъ рисуясь
 Цвѣтникъ раскинулся легко,
 И свѣшлый прудъ вблизи красуясь,
 И роши шѣнь не далеко.

Сквозь зыбкій паръ снѣжюшь горы
 Изъ расшвореннаго окна :
 Тамъ сельскій видъ плѣняешь взоры,
 И въ шомъ краю цвѣтешъ она.

О, какъ шамъ сладокъ всходъ денницы!
 Какъ ярко шенлился заря!
 Когда лучемъ поверхъ божницы
 Иль въ окна крадешся горя,
 И въ ликахъ ангеловъ играя
 Внезавно взоръ освѣшишь мой,
 Чья мысль, въ молишвѣ ушоная,
 Живешъ надеждой и шоской.

Я видѣлъ : шамъ пылали розы,
 Весной пѣлъ звучный соловей;
 Но помню я и грусть и слезы
 Изъ полныхъ прелесью очей.
 Когда недугомъ пригвожденной
 Младенецъ милый засыпалъ,
 Надъ нимъ взоръ машери смященной
 Съ шревожной думою блуждалъ.

Онъ вопрошалъ и сумракъ ночи ,
 И дальній край , гдѣ милый другъ ,
 И мнилось ловили очи
 Непосстигаемый недугъ.
 Но минулъ онъ... улыбкой ясной
 Уста задумчивой подны ,
 И были всѣ черты прекрасной
 Отрадою озарены.

Люблю , когда потъ край блискаетъ ,
 Облитый шрепешной луной ,
 Когда окрестность чуть мелькаетъ
 Подъ серебристой пеленой ;
 И въ ошдаленіи шумана
 Храмъ съ колокольней надъ селомъ
 Встаетъ , въ подобьи великана ,
 На небѣ шемно-голубомъ.

За нимъ грядой синѣютъ горы ,
 У ногъ ихъ стелется Сура ;
 Тамъ плещутъ свѣшлыя озера ,
 Тамъ льются сладко вечера.

О, сколько щастливыхъ мгновений
 Тотъ дальній край напомнилъ мнѣ,
 Любовь и прелесть вдохновеній,
 Уснувшихъ сердца въ глубинѣ.

Придешь весна, и вспыхнушь розы,
 Пѣшь въ роцѣ будешь соловей;
 Но вы, любви живыя слёзы,
 Вы не польещесь изъ очей!
 Стѣснивъ въ груди упрекъ невольный
 Мечтѣ, польстившей лишь меня,
 Я, въ чуждый край, изгнанникъ вольный,
 Умчусь, въ душѣ ее храня!

Или, какъ жарь полдневный сходишь
 На возрожденную страну,
 И тихо роща пѣвнѣ наводишь
 На шумно-бьющую волну;
 Чрезъ мостикъ, въ рощицѣ шѣястой,
 Гошовъ таинственный приюсть,
 Тамъ пчелы сошь собирають чистой,
 Туда Дріады въ сѣнь зовушь.

Но лучшій цвѣтъ уединенья

Она. . . зачѣмъ ее назвать!

Узнаешь всякій безъ сомнѣнья

Супругу нѣжную и мать.

На шумномъ пирѣ новоселья,

Я одного бѣ желать ей могъ:

Побольше радостей, веселья,

И меньше горесныхъ тревогъ.

Ознобишинъ.

НА СМЕРТЬ А. А. Р-ОЙ.

Вѣкъ свой прекрасный она опжила . . .

Дружба, Любовь! грустите о милой.

Пусть слезы печали на могилу падушъ,

Гдѣ скрыта во мракѣ нѣжная роза;

Но думы и взоръ лещашъ въ небеса,

Гдѣ свѣселъ нашъ добрый ангелъ вишаешъ.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНІЕ.

У одного Тульского купца, по окончании Ильинской ярмарки въ Ромнѣ, собралось въ выручкѣ прирццашъ тысячъ рублей ассигнаціями. Отправляясь домой на долгихъ вмѣстѣ съ шрема попушчиками, некорошко знакомыми, онъ, чшобъ не держашъ денегъ на виду и не вводилъ никого въ соблазнъ, увязалъ ихъ крѣпко - накрѣпко въ старые сапоги, и бросилъ въ кибитку подъ передокъ, какъ вещь не спующую вниманія. Разумѣется, на всякой станціи и на всякомъ ночлегѣ, онъ осмашривалъ и ошаривалъ заповѣдное мѣсто, пошохоньку или подъ разными предлогами, и увѣрялся въ цѣлоспи своего сокровища. Но — упасешься ли отъ бѣды? Въ Орлѣ, до котораго нанята была шройка, на

постояломъ дворѣ, гдѣ они остановились, — пировали пріятели нашего купца, выѣхавшіе раньше его изъ Ромна. Лишь только увидѣли они его изъ окошка, выбѣжали за нимъ на улицу, пощипали за собою, и — ну подбивать Лиссабонскимъ виномъ. Слово за слово, потъ заговорился съ ними; а между шѣмъ другой сѣдокъ, кошорый завѣдывалъ общими душевыми издержками, расплатился съ извощикомъ и опустилъ его. — Мой купецъ, опомнившись, скорѣе изъ комнашы къ повозкѣ, глядь — извощика и слѣдъ простылъ. Въ глазахъ потемнѣло у несчастнаго. — Куда выѣхалъ извощикъ? Дворникъ не знаетъ. Туда - сюда, спрашиваешь, не видаль-ли кто такого-то Филипа, чернаго, съ корошенькой бородкою, на тройкѣ гнѣдыхъ лошадей, дуга крашеная, кибитка съ рѣзными узорами. Никто не примѣшилъ! Онъ кинулся по постоялымъ

дворамъ — нѣтъ нигдѣ. Сгибь да пропаль. — Чшо дѣлашь? Пущишься въ погоню? Но по всѣмъ дорогамъ вдругъ ѣхашь нельзя, а настоящей онъ не знаетъ и никто указать не можешь. — Объявишь о пропажѣ? Но слухъ дойдеть до извозчика, и онъ, или другой кто, удобно воспользуется случаемъ, и ушаишь, украдетъ деньги, которыя шеперь могушь еще уцѣлѣть. — Купецъ, пошуживъ и поплакавъ про себя, рѣшился молчашь и выжидашь, не попадется-ли ему гдѣ нибудь извозчикъ и его кибитка. — Съ симъ намѣреніемъ и надеждою онъ отправился домой, не подавая и виду, чшо съ нимъ случилось нещастіе. —

Чшо-же? Чрезъ два мѣсяца, на Успенской ярмаркѣ въ Харьковѣ, идеть онъ вечеромъ изъ рядовъ къ себѣ на кварширу, — извозчикъ прямо ему въ глаза. Мой купецъ поблѣднѣлъ, но шопчасъ оправился, и чшобъ не подавашь

никакого подозрѣнія завель рѣчь изда-
 лека. „А, Филипъ; здорово, старый
 знакомый!“ — „Здравствуйте, батюшко.
 Какъ васъ Богъ милуешь.“ „Помаленьку.
 Да гдѣ ты пропаль изъ Орла намедни?
 я не успѣль и спасибо сказаць небѣ за
 твою послугу.“ — „Спѣшилъ домой: наша
 деревня вѣдь подгородная.“ — „Такъ ты пи-
 роваль все дома до сихъ поръ, никого нево-
 зиль, лѣнивецъ?“ — „Какъ не возиль! Я
 въ Королевцѣ ссадиль прехъ сѣдоковъ,
 да вошь ужъ и опшуда поспѣль сюда,
 все не порожнемъ.“ — „А, шакъ ты
 прокашился не мало. Чай распрясло
 твою шележонку. Вѣдь ты въ ней ѣз-
 дилъ? или она дома оставалася?“ —
 „Нѣтъ, батюшко, за мою шележонку
 въ Королевцѣ полшараста рублей. . .“
 купецъ вздрогнуль. . . „давали мнѣ, да я
 и неподумаль опдашь; я вѣдь за колеса
 однѣ лѣтась, къ Миколѣ, заплошилъ
 пяшдесять рублей. Пожалуй, хоть вашу

милость свезу въ ней еще куда угодно.“ — „А мнѣ и въ самомъ дѣлѣ пора собираешься въ дорогу. — Я смѣюсь: кибитка швоя мнѣ полюбилась, преспокойная. Здѣсь она у тебя, или въ деревнѣ?“ — „Здѣсь.“ — У купца подкосились было колѣнки, и на силу могъ онъ удержаться. Слава Богу, думаль онъ, изъ словъ извощика не замѣшно ничего особеннаго; онъ въ рукахъ; кибитка цѣла, въ городѣ, и, кажется, не была нигдѣ безъ хозяина. Оставался однакожь еще вопросъ, главнѣйшій: цѣлы-ли старыя сапоги? Не выбросилъ ли, не ушацилъ ли ихъ кто, на станціяхъ или въ деревнѣ? Дрожащимъ голосомъ возобновляешь рѣчь купецъ. „Да что, Филипъ, шеперь рано. Сѣмъ-ка я посмопрю еще на повозку: помѣстимся ли мы въ ней чепверо съ поклажею?“ „Извольте, бапюшко, я стою недалеко ошсюда за Ло-

панью. Пойдемте.“ — Отправились, пришли. Кибичка стоить предъ купцемъ, какъ въ ту минушу, когда онъ садился въ нее съ тридцатью тысячами рублей. „Хорошо, Филипъ,“ сказалъ онъ, обхаживая и бросая проницательные взоры подъ передокъ — „приходи завтра ко мнѣ въ лавку. Мы уладимся. — Да! я и позабылъ спросить тебя: не вынималъ ты ничего изъ передка?“ — „Тамъ ничего нѣтъ.“ „Какъ ни чего? Не видали ли ты.... старыхъ сапожнѣнковъ.... они, правда, некорыстные... да мальчишкѣ годятся на дорогу... посмотри-ка...“ „Пожалуй завтра поутру я пороюсь въ сѣнѣ. Развѣ завалились куда.“ — „Нѣтъ, посмотри-ка лучше теперь.“ — „Извольте“ — и извощикъ полѣзъ въ повозку, — рѣшишельная минуша, — шамъ спалъ онъ перешряхивать и выбрасывать сѣно. „Нѣтъ ничего, кажется...“ купецъ дрожитъ какъ осиновый листь..

„Вошь веревки... вошь запасная приспаяжка... гвозди... а это что... фу.. задохся отъ пыли... вошь они! куда запропасились проклятые.“ „Здѣсь!“ воскликнулъ купецъ „Бросай ихъ скорѣе сюда.“

Сапоги точно его, цѣлы, невредимы, и увязаны, какъ будто вчера положилъ. Онъ обезпамятѣлъ почти отъ радости, и не могъ удержатъ своего восторга „Другъ мой, Филипушка! Поди-ка сюда. Вѣдь въ сапогахъ-то у меня были зашиты тридцать тысячъ рублей!“ — и извозчикъ въ самомъ дѣлѣ видить предъ собою свертки ассигнацій, синенькихъ, красенькихъ, бѣленькихъ — новенькія, съ иголочки. „Ай, ай, ай!“ — Купецъ даетъ ему сто рублей, и не слыша земли подъ ногами, спремглавъ домой, таща подъ полюю возвращенное сокровище. —

И извозчикъ въ барышахъ: даромъ получилъ онъ сто рублей.

Вѣрно онъ очень обрадовался такой
нечаянной находкѣ? —

На другой день поутру онъ — *удавился.*
Погодинъ.

МАТЬ - УБИЙЦА.

На черномъ небѣ полосами
Въ изломахъ молніи горяшъ,
Дрожащій грома перекашъ
Бѣжишь и сшонешь надъ лѣсами.
Гроза и ночь! И, надъ водой,
Она безмолвна — ликъ молодой,
Полу - завѣшенный власами.
Одежда — рубище; она,
При свѣтѣ молніи, блѣдна,
Мершвецъ недвижный — шолько очю
Ужасной жизнию полны.
И вдругъ я слышу: „Въ лонѣ ночи,
Вошь онъ! вошь онъ! раскашъ волны,
Качай малюшку съ лаской иѣжной:
Онъ мой! онъ мой! его ко мнѣ!

У сердца, здѣсь, приюшь надежной. . . .
 Миѣ было сладко, по весиѣ,
 Дышашь любовью, ждашь свиданья,
 И долгій шопощь и лобзанья
 Изъ устѣ устами похищашь.
 Какъ я обманывашь умѣла
 Мою докучливую машь!
 Условный знакъ . . . и я летѣла. . . .
 И скоро на рукахъ моихъ
 Диша прелестное явилось:
 Оцъ миловиденъ былъ и пихъ,
 Въ глазахъ малюшки такъ свѣщилось. . . .
 Куда дѣвашь? — Близка вода —
 Едва окушавъ пеленою,
 Несу . . . бѣгу, полна сшуда,
 И вошь младенецъ подъ волкою! —
 Ко миѣ! ко миѣ! зовешь къ себѣ —
 Иду! . . . На миѣ горою волосъ!“
 Своей покорная судьбѣ,
 Она въ волнахъ — и спихнулъ голосъ.

Ө. Глинка.

ДВА АНГЕЛА СМЕРТИ.

Высоко капилось солнце полуденнаго неба и яркими лучами своими живо разцвѣчивало великолѣпные берега Ганга. Вселенная улыбалась подъ волшебнымъ взоромъ царственнаго свѣшила, и какъ юная невѣста, казалось, ушопала въ пламенно-спокойныхъ объятіяхъ владыки міровъ. Все было тихо, хотя вездѣ развивалась жизнь, богатая милліонами новыхъ существъ: что-то похожее на сладкій шопотъ двухъ любящихся еще слышно было среди эшаго всеобщаго молчанія; но гармонія словъ, вовсе непонятныхъ для слуха смертнаго, какъ будто навѣвала только какими-то небесными ароматами, которые, подобно морю невидимому, въ медленныхъ струяхъ разливались по

воздуху , и неслись шуда , въ безпре-
дѣльность. Вдали , на распутии , близъ
пагода , подъ широкимъ навѣсомъ спрой-
ной пальмы , сидѣль въ безмолвіи ста-
рецъ величественной наружности и ка-
залось съ глубокимъ благоговѣніемъ вни-
малъ мелодическому печенію природы.
Безстрастное чело его блистало ка-
кимъ-то величіемъ , хотя ни одной бук-
вы размышленія нельзя было уловить
во взорѣ его , ясною , какъ небо , ле-
жавшее надъ его главою. Тихими , не-
вѣрными стопами подошелъ къ нему
юноша ; взоръ его не былъ свѣтелъ ,
какъ взоръ старца , но былъ сполько-же
спокоенъ.

«Отецъ мой! сказала юноша: огонь
бышїа моего пошухаетъ ; я видѣль
сонъ.» —

— «Скажи мнѣ его , сынъ мой!» —

— «Я видѣль свѣшлоокаго послан-
ника неба ; онъ горько плакаль обо

мнѣ , и крупныя слезы его , какъ капли пламени , сожигали меня ; онъ такъ былъ блистательнъ , такъ ярко горѣли очи его , такъ пронзительнъ былъ взоръ его , что я закрылъ руками лице мое и палъ ницъ передъ божественнымъ . Я слышалъ , какъ онъ простиралъ ко мнѣ объятія , какъ махалъ надо мною лазурными крылами ; я рвался къ нему , но что-то тяжкое лежало на душѣ , что-то палящее поражало меня при его прикосновеніи ; я шрепешалъ , прижимался къ груди земли . . . и вдругъ , въ одно мгновеніе исчезло все , я проснулся . Отецъ мой ! я видѣлъ что-то *чуждое* ; это Ангель смерти !“ —

— «Ты видѣлъ чудное , сынъ мой ! но для себя это не Ангель смерти . . . иди съ миромъ и воздѣлывай поля свои.» —

Шесть разъ совершило солнце огненный пушь свой по лазоревому по-

крову земли, шесть разъ пернатые вѣспрѣчали его своими упренными привѣшствіями, шесть разъ величественный старецъ садился подъ широколиственной пальмой; наконецъ въ седьмой его благоговѣйное спокойствіе нарушено было еще приходомъ юноши.

— „Опецъ мой! сказалъ онъ, подошедши къ старцу, я опять видѣлъ сонъ.“ —

— „Скажи мнѣ его, сынъ мой!“ —

— „Я видѣлъ землю, видѣлъ солнце и звѣзды, видѣлъ поля наши и себя, величественный старецъ. Но струны земли не издавали для меня своихъ мелодическихъ тоновъ; солнце и звѣзды пушкнѣли опъ моего взора: лучи ихъ спускались по прежнему на землю, но не вызывали изъ нея пѣхъ живыхъ звуковъ, копорые дополѣ поражали слухъ мой; ихъ странная уже для меня гармонія была слишкомъ утомительна, тяжела;

я не зналъ куда сокрышься опъ шоски, пожиравшей всю мою внутренность.....“

— „Ты видѣлъ это, сынъ мой? Вотъ Ангелъ смерти для тебя! Спѣши, спѣши къ полямъ своимъ, чтобы въ послѣдній разъ проститься съ ними.“ —

Прошло нѣсколько тысячъ лѣтъ; нѣсколько тысячъ тяжелыхъ ударовъ свинцовой руки времени заковали природу въ ледяныя оковы ея; исчезла улыбка юной земли, уже спрашившейся лучезарныхъ объятій своего владыки, исчезли берега великолѣпнаго Ганга съ ихъ широколиственными пальмами, умолкли воздушные хоры вселенной . . . Далекю; тамъ, гдѣ опдыхаетъ солнце за ледяными горами Океановъ, тамъ, черезъ нѣсколько тысячъ лѣтъ, явился опять *древній* старецъ. Чело его не носило уже на себѣ печати прежняго спокойствія; мрачныя думы волновали душу

его; угрюмый взоръ рѣзко высказывалъ внутреннюю борьбу съ самимъ собою. Онъ не любилъ болѣе наблюдать за величественнымъ теченіемъ пламеннаго свѣшила; лучи его стягошили уже одряхлѣвшія очи. Но за то, когда прорѣзывался серебряный щипъ мѣсяца сквозь свинцовыя облака, когда деревья дремучихъ лѣсовъ облекались въ алмазныя одежды инея, онъ шелъ подь столѣтніе дубы, на ледяныхъ обломкахъ черпиль древнее имя свое и унылые опзывы арфы рождали подь перстами его шихія, грустныя воспоминанія о полныхъ нѣкогда тонахъ юной природы. Въ то время тысячи прозрачныхъ тѣней окружали его, манили къ себѣ и, подобно блудящимъ огнямъ могиль, не согрѣвая души одряхлѣвшей, неслись впередъ, и исчезали въ свѣшлыхъ мірахъ, блестящихъ на пеленѣ небесной; въ то время падали съ высотъ безпредѣльныхъ

тысячи яркихъ звѣздъ, и тонкія полосы блѣднаго огня, раздиравшія синеву воздушнаго моря, тихо исчезали, подобно звукамъ дрогнувшей струны, возвѣщающей объ усопшемъ. Здѣсь, въ этомъ мѣрѣ шѣней проводилъ уже часы своей жизни вѣчный старецъ! — Однажды, какъ онъ ловилъ, казалось, пусклымъ взоромъ своимъ свѣсъ яркой звѣзды, горѣвшей алмазомъ надъ его главою, вдругъ предсталъ предъ нимъ *другой* юноша, съ лицомъ блѣднымъ, но съ радостью во взорѣ.

— „Мудрый! веселись въ душѣ швоей, сказалъ онъ; наконецъ наспаешь мой часъ свободы. Мнѣ было видѣніе.“ —

— Повѣдай мнѣ его, юноша!

— „Съ благоговѣніемъ въ сердцѣ размышлялъ я о *безконечномъ*; сонъ сомкнулъ вѣжди мои; какое-то забвеніе всего бышія одѣло меня мрачнымъ покровомъ своимъ — я лежалъ въ изнеможе-

ни. Вдругъ, вдали черная точка показалась на шуманномъ небосклонѣ; она росла, росла, приближалась ко мнѣ болѣе и болѣе: наконецъ объяла собою все пространство небесъ; и казалось цѣлой грамадной тяжестью спремилась задавить меня — я не осмѣливался поднять очей моихъ. Но безпримѣрень былъ ужасъ мой, когда въ этой душной, мрачной атмосферѣ вдругъ узрѣлъ я холодный обшавъ земли, копорая прямо неслась, чшобъ сокрушить меня; горы были кости ея, копорья безобразно шорчали наружу; рѣки — были разодранныя жилы, въ копорыхъ тихо переливалась замерзающая кровь; я слышала прескъ, потрясающій прескъ вселенной.... Мудрый, веселись въ душѣ твоей! Настаетъ часъ моей свободы: я видѣлъ руку Ангела смерти!“

Знай, юноша! что не таковъ будешь Ангель смерти, копорый исторгнешь

себя изъ оковъ своихъ, ошвѣтствоваль *мудрый*. Иди, сокрушайся, и моли: да нисшлетъ онъ на тебя скорѣе благодать свою!

Шесть разъ, блѣднѣя, луна совершила тайное свое печеніе; шесть разъ падающія звѣзды возвѣщали о новыхъ усопшихъ; шесть разъ сшарець приходилъ подъ столѣтніе дубы созерцать медленное печеніе свѣтила и вызывать унылые звуки сѣверной арфы: въ седьмой снова предсталъ предъ нимъ юноша.

— „Мнѣ было еще видѣніе, сказала онъ; мудрый! разрѣши таинственный смыслъ его.“ —

— „Повѣдай, юноша, гласъ неба, вызывавшій къ тебѣ.“ —

— „Долго лежалъ я въ изнеможеніи силъ; долго рѣчь швоя шягошила мою душу, грустью разрывалось сердце мое; наконецъ посѣтилъ меня сладостный сонъ. Я видѣлъ лучезарнаго Ангела, одѣяннаго въ свѣшлую ризу неплѣнія;

радостень былъ взоръ его , склоненный ко мнѣ; радостны объятія, въ кошорыя онъ принималъ меня. Подъ стопами былъ шемный шаръ , освѣщенный его сіяніемъ — и онъ гордо попиралъ его ; изъ устъ спруились алмазныя рѣки сладостнѣйшихъ словъ , въ самой полной гармоніи переливавшихся въ мою душу ; свѣшля , божественныя очи блистали перлами ушѣшишельныхъ слезъ.. я чувствовалъ себя перерожденнымъ , стремился въ распроспершыя объятія его ; онъ принялъ меня въ лоно свое, пріосѣнилъ лазурными крылами, и я разсы́нался на милліоны свѣшлыхъ почекъ и быстро слился съ ээирнымъ существомъ его. . .“

„Такъ, ты видѣлъ его , юноша ! Ты видѣлъ Ангела смерти ; радуйся, спѣши, спѣши . . . онъ зоветъ тебя.“ —

Кто старецъ? — Имя его вѣчно!
 Кто двое юношей? — Скрижали Истории
 говорятъ о нихъ.

И. Ср.-Камашевъ.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

По небу
 Тучи громовыя ходящъ ;
 По полю
 Пули Турецкія свищущъ.
 Молодцу-ль
 Грома и пули боишься ?
 Чшо же онъ
 Голову клонишь да плачешь ?
 Бѣдному
 Жаль не себя , горемыки ;
 Жаль ему
 Душечки красной дѣвицы !

Дѣвушку
 Грозный отецъ принуждаетъ;
 Красную
 Жалобно машушка молишь:
 Дишяшко!
 Выдь за богатаго замужъ!
 Милое,
 Вѣрь: и не вспомнишь солдата!

Баронъ Дельвингъ.

З А С У Х А.

Неосвѣженная росю
 Земля засохла, все въ огнѣ,
 И западъ красной полосю
 Какъ уголь шлѣешь въ шипинѣ.
 Вездѣ болѣзнь и видъ боязни,
 Пылять пуши, желша шрава; —
 Какъ наканунѣ вѣрной казни,
 Больная узника глава

На перси небрежно скашилась :
 Такъ опушились цвѣшки !
 Ужь межъ душистыми шелками
 Не сбюшь жемчугъ ручейки ,
 И , подъ сожженными брегами ,
 Упало зеркало рѣки !
 Какъ сладко шупъ о дилхъ ненастья
 И о дождяхъ воспоминашь ! . . .

Такъ въ засухѣ мірскаго счастья :
 Душа томна , душа болитъ ,
 Завяла грудь , и умъ безкрылый
 Опъ яркихъ мыслей не кипитъ ;
 И , часно , какъ печать , клеймитъ
 Чело щастливца видъ унылый ,
 И сквозь пушистые глаза ,
 Безъ думъ , проглядываешь скука . . . .
 Но загреми надъ нимъ гроза ,
 Проснись , въ душѣ уснувшей , мука :
 Вдругъ чувства молнія блеснешъ ,
 Изъ-подъ рѣсицы , въ пылкихъ взорахъ
 И , расстопившись , пощечешъ

Душа въ высокихъ разговорахъ :
 И бодро вступишь узникъ - духъ ,
 Покоя цѣлью ошягченный ,
 И заблещишь чело , какъ лугъ ,
 Дождливой ночью освѣженный ! —

О. Глинка.

СЕЛЬСКАЯ ПѢСНЯ.

„Съ первой пѣсню соловья ,
 „Милый, буду я швои !“
 Прошепталъ мнѣ голосъ нѣжной.
 Но суровъ былъ видъ небесъ ,
 Лугъ покрывъ корою снѣжной
 И молчалъ угрюмый лѣсъ.

*

День и ночь наединѣ
 Тосковалъ я по веснѣ,
 Я загадывалъ по снѣгу ,
 Но рѣкамъ, по облакамъ :

Скоро-ль съ юга миръ и лѣгу
Вѣшерокъ навѣшь намъ ?

*

У прошалниъ , у зажоръ ,
У чернѣющихся горъ
Я встрѣчалъ гостей залѣпныхъ
Съ полудневной стороны ,
Сердцу вѣспницъ доброхошныхъ
Нѣжныхъ таинствъ и весны.

*

За печальные лѣса
Умолялъ я небеса :
Чтобъ скорѣй зеленымъ дымомъ
Голый боръ заволокло ,
Чтобъ въ убѣжищѣ любимомъ
Благовоенье разцвѣло.

*

Я дождался вешнихъ дней ;
Воздухъ слаще и свѣшлѣй ,
И по ознямъ струншымъ
Свѣжій бархашъ зеленишь

И подъ облакомъ душистымъ
Лѣсъ не шакъ уже сквозишь.

*

Много въ лѣсъ слетѣлось пшницъ ,
Много въ лѣсъ сошлось дѣвицъ ;
Подъ шапромъ зеленыхъ сводовъ
Много пѣсней раздалось ,
Много игръ и хороводовъ
Заплелось и расплелось.

*

Въ полдень, на ночь, на зарю
Все я слушаю , смотрю :
Но средь пѣсней сладкогласныхъ
Лучшей пѣсни не слыхашь ,
Но средь дѣвъ молодыхъ и красныхъ
Лучшей дѣвы не видашь.

Кн. Вяземскій.

С О Х А Т Ы Й.

(СИБИРСКОЕ ПРЕДАНИЕ.)

I.

Сибирь.

Ты не забыла мною, моя далекая родина, Сибирь, богашая золопомъ, дремучими лѣсами, морозами и дивными явленіями природы! Какъ первыя мечты юности, какъ любимыя игры дѣшства, я помню швоя вѣковые кедрь, швонь безмолвныя пущыны, переломленныя вѣками ушесы въ ущеліяхъ горь, и швою безмѣрную, голубую, какъ глаза Сибирской дѣвы, свѣшлую, какъ глыба льду, Ангару, на берегахъ кошорой безпечно, весело и быстро пролешѣли дни дѣшства моего. Сибирь! какъ далека ты, и какъ близка къ душѣ моей! Все,

что впечатлялось некогда в юную память мою, все помню я, даже гуль вѣтра по сосновымъ лѣсамъ, когда переходя съ мшистыхъ шундръ, въ своихъ дѣбряхъ гуляетъ онъ, мощный сынъ Ледовитаго моря, и разноситъ шуманы, и природы, и спрасей, которые облегають здѣсь, на Руси, небосклопъ, и шускнятъ въ глазахъ моихъ и великолѣпныя зданія, и бархашныя луга и цвѣщущія поля, согрѣваемые солнцемъ, распещряемыя радугами цвѣшовъ и пожараемыя завистливымъ челоувкомъ. Смотри-ли на здѣшнія обнаженныя поля, забытыя мной твои необозримыя, непропущыя сѣпи, Сибирь *золотое дно!* Въ тебѣ живеть не много людей — не завидуи многолюдству здѣшнему: здѣсь и пороковъ болѣе, чѣмъ въ своихъ малолюдныхъ городахъ! Благодари Провидѣнiе, что въ тебѣ есть гдѣ помѣститься и исчезнуть плетворнымъ

преступленіямъ, которыя звукомъ цѣпей означаютъ путь свой изъ здѣшной стороны, и шеряются въ неизмѣримости пустынь своихъ, какъ ручей въ волнахъ Ангары, какъ слѣды легкаго оленя, по глубокому снѣгу Якутской стороны!

Простите воспоминаніямъ былого, друзья мои! Заславляя меня рассказавъ вамъ одну изъ былей, слышанныхъ мною въ Сибири, въ бывалые годы моей юности, вы напомнили мнѣ мою родину, въ кошорой приведешь-ли меня Богъ бывашъ когда нибудь еще! Дивитесь спранностямъ человѣческаго сердца: я многое видѣлъ, съ тѣхъ поръ, какъ въ послѣдній разъ съ надеждами, съ мечтами на будущее — еще юный, еще полный жизни, глядѣлъ на Иркутскъ, надъ кошорымъ великолѣпно восходило солнце, и золотило лучами своими синія воды Ангары, и зеленые берега Иркут-

па.... Много времени минуло тому ; много испытала душа моя , и горя , и радости ; много шѣхъ , съ которыми дѣлилась она , совершили навсегда путь жизни , и опдыхающъ подъ гробовымъ дерномъ.... Но гдѣ я ни былъ — и на вершинахъ Урала , и вблизи Кавказа и Тавриды , и на берегахъ Азовскаго моря , и на выспланныхъ граниномъ берегахъ Балтійскаго моря , и на роскошныхъ пажитяхъ Украины — нигдѣ , нѣшъ , нигдѣ уже не волновалась такъ душа моя , не билось такъ сильно сердце мое , не горѣла такъ пламенно голова моя , какъ шамъ , въ дикой моей родинѣ ! Это былъ мѣръ очарованій , мѣръ , пролетѣвшій сномъ мгновеннымъ . Если кто изъ васъ , друзья мои , будешь въ Иркутскѣ — пусть пойдетъ онъ за городъ , къ тому мѣсту , гдѣ близъ старой , разрушенной мѣльницы , вливается въ Ангару Ушаковка . Тушъ извивистое пече-

ніе эшой рѣчки приведетъ его къ тому мѣсту, гдѣ Ушаковка раздволяется оспровами, гдѣ прошивъ него на луговой сторонѣ будешь старое Адмиралшѣйство — тушь жилъ отецъ мой; тушь были предѣлы перваго моего міра; тушь мечпаль я, плакиваль за Плутархомъ, думаль бышь великимъ человекомъ, подобно великимъ людямъ, имъ описаннымъ; горделиво расхаживаль по лугу, уединяясь въ шѣнь деревъ, вдохновляясь первою любовью, дѣлясь первыми ощущеніями дружбы..... Тамъ, говоряшь, все измѣнилось: старый опцовскій домъ не существуетъ; добрыхъ людей, которые нѣкогда собирались въ немъ, разнесла буря жизни, и меня — безпечнаго юношу — увела судьба далеко отъ родины..... Но, обратимся къ моему разсказу.

И теперь еще малолюдна Сибирь, и теперь еще дики лѣса ея; но прежде

была она еще малолюднѣе, лѣса ея были еще диче. Было время, что Воевода, посланный изъ Москвы, два года ѣхалъ до Иркутска, отдыхая въ уединенныхъ острогахъ и зимовьяхъ, ошъ дороги безконечной. Теперь всюду видите уже слѣды человѣка: лѣса прорублены, болота ушпаны мостами, горы обрышы. Часто ѣдете и нынѣ не встрѣчая живаго существа человѣческаго; но шущь-же видите, что человѣкъ былъ уже въ сихъ мѣстахъ, срубилъ, срылъ, замосшилъ и удалился. Прежде, вы напрасно искали-бы его. Если дерзкое любопытство осмѣливалось заходить въ чащи лѣсовъ, оно встрѣчалось съ дикими звѣрями, или — еще хуже — съ ордами Сибирскихъ дикарей, которыя скрывались въ отдаленіяхъ отъ Русскаго человѣка, и иногда, съ своими спрѣлами и сѣкирами, прешупали даже къ городамъ, Рускими застроенымъ.

Русскіе самопалы гремѣли тогда пропивъ нихъ, и, поспешенно, дикари усмирялись, спановились мирнѣе и крошче, съ шайною досадою, но тише и тише давали *ясакъ*, и ошвыкли наконецъ ошъ дикой воли, привыкли къ неволѣ образованныхъ обществъ, хошя еще не вполне знающъ выгоды, ошъ нея происходящія.

Но все это дѣлалось не скоро. И за пятьдесятъ лѣтъ Сибирь была далеко не то, что она теперь. Лѣтъ пятьдесятъ назадъ, въ Иркутскѣ еще цѣль былъ деревянный острогъ, защищавшій городъ; теперь на этомъ мѣстѣ бульвары: судите о разницѣ по этому.

Преступленіе уже давно находило въ Сибири мѣсто наказанія. Съ самаго завосванія Сибири, Годуновъ началъ бросать въ Сибирскіе города людей, возбуждавшихъ его опасенія, вельможъ заграждавшихъ ему путь къ престолу

ду, а потомъ угрожавшихъ его трону своими умами или мечами. Мяшежные Спрѣльцы полпами были низринуты въ Сибирь, и болѣе 100 лѣтъ тому!, какъ пѣна порока и преступленія осѣдаетъ на степи и лѣса Сибири. Напрасно подумали-бы вы, что Сибирь дѣлается отъ этого мѣстомъ, гдѣ собирается порокъ и преступленіе. Нѣтъ! *Двадцать и двадцать пять тысячъ* чело-вѣкъ ежегодно идутъ изъ Россіи въ Сибирь, на желѣзномъ канатѣ; но ихъ и не видно въ Сибири. Убийцы, злодѣи, люди, заклеянные преступленіемъ, скрывающа, съ раскаяніемъ, или съ неумолимымъ грызеніемъ совѣсти, въ мрачныхъ глубинахъ рудниковъ, въ далекихъ уединенныхъ мѣстахъ, гдѣ трудами рукъ своихъ окупаютъ отринутое обществомъ бытіе свое, и въ пошлѣ лица снѣдаютъ хлѣбъ свой. Изгнанники-же въ Сибирь часто спановаяся добрыми граж-

данами. Смѣло въѣзжаете въ деревню, населенную людьми, сосланными изъ Россіи, и мирно спите подъ кровомъ, который соорудило себѣ кающееся преступленіе, или бѣдственнаѣ слабость. Но прежде было не такъ, и въ Сибири и въ Россіи. Здѣсь, на Руси, какъ часто, лѣтъ пятьдесятъ назадъ, не было проѣзда по столбовой дорогѣ; какъ нерѣдко разбойники ставили пришины по Волгѣ, будто правильная войска, и брали дань, не только дѣлились съ каждою проходящею *расшивою*, съ каждымъ проѣзжавшимъ купцомъ. Когда-же злодѣй попадался въ цѣпи, и былъ уводимъ въ Сибирь, тамъ нерѣдко не знали, что съ нимъ дѣлать. Бывали случаи, что преступники собирались вапагами, бродили по селеніямъ, брали, что имъ было надобно, и на зиму приходили въ городскія шюрмы, откуда весною уходили опять въ непроходимыя пустыни.

Туда часто посылали прошивъ ихъ сошны Бурятовъ, Сибиряковъ и Казаковъ, которые захватывали ихъ въ *облавы*, какъ дикихъ звѣрей, гнались за ними въ самыя неприступныя мѣста, зажигали лѣса, и пожарами выгоняли ихъ изъ мрачныхъ логовищъ.

Память объ эшихъ старыхъ — и едва-ли *добрыхъ* — временахъ, едва осталась въ преданіяхъ Сибиряковъ. Но спросите старожитовъ тамошнихъ. они подтвердятъ вамъ мои рассказы. Они еще не забыли даже именъ нѣкоторыхъ буйныхъ удалцовъ, которые наводили страхъ и трепеть на жителей Иркутска и береговъ Байкальскихъ. Изъ всѣхъ ошчаянныхъ головъ, которыхъ память осталась въ народномъ преданіи, никто не спрашивъ сколько въ свое время, какъ *Буза* и *Сохатый*. Первый долго былъ спрашивищемъ Волги и Дона, грабилъ богачыхъ Армянъ по бере-

гамъ Каспійскаго моря, и самъ опдался въ руки правосудія, когда удалось захватить жену его. Буза не отдѣлилъ судьбы своей отъ ея судьбы, и пошелъ въ Сибирь съ нею. Сто человекъ провожали его, закованнаго цѣпью въ нѣсколько пудовъ. Но въ Сибири, онъ бѣжалъ, и много лѣтъ не давалъ проѣзда по Ангарѣ. Напрасно Казаки и Буряты ловили, искали его; повѣрье народное говорило наконецъ, что Буза заговариваетъ ружья, что пуля не беретъ его, что онъ скрывается подъ водою, когда за лодкою его гонится погоня. Стрѣла Буряты разрушила въ роковую минушу смерти всѣ очарованія, и Буза погибъ. Судьба Сохапаго, до ссылки его въ Сибирь, осталась неизвѣстною; онъ никогда не говорилъ объ ней: знали только, что онъ пришелъ въ Сибирь изъ Пермскихъ лѣсовъ, гдѣ

на душѣ его, какъ говорили, легло много убійствъ и дѣлъ ужасныхъ.

2.

Каторжныи.

Передъ домою Иркутскаго Комменданша толпилось множество народа. Всѣ любопытно глядѣли на челоуѣка, скованнаго тяжелыми цѣпями, и прикованнаго къ шлѣгѣ.

Солнце пекло его палящими лучами; онъ не могъ пошевеливаться, горько стоналъ, и томился среди толпы, съ жаднымъ, но безчувственнымъ вниманіемъ, смотрѣвшей на него. Казаки и Буряты стояли вокругъ шлѣги.

Въ это время, подлѣ распвореннаго окна Комменданшскаго дома, появилась прелестная дѣвушка. Молодой Офицеръ стоялъ подлѣ нея, и, казалось, не смотрѣлъ ни на толпу, ни на несчастна-

го, бывшаго предметомъ вниманія полны: глаза молодаго Офицера были устремлены на дѣвушку, и при ней ничто для него не существовало.

— Боже милосердый! сказала дѣвушка — сложа руки, и поднявъ голубыя глаза свои къ небу — опять несчастный! Какая ужасная судьба: быть всегда свидѣтельницею мученій отверженнаго человѣчества!

Офицеръ опомнился, взглянулъ въ окно, и сказалъ съ видомъ невольнаго содроганія. „Вы не спали-бы жалѣшь о чудовищѣ, котораго видите, если-бы знали кто онъ.“

— Человѣкъ, и — братъ мой! ошвѣчала дѣвушка, съ ангельскимъ выраженіемъ.

„Братъ вашъ! Демонъ братъ Ангела, Амалія! Эпо человѣкъ, душа котораго мрачнѣе адекой шмы, разбойникъ, за голову котораго обѣщаны ве-

ликія награды, кошорый не знаешъ ни совѣсти, ни жалости; словомъ Амалія — это *Сохатый!*‘

И Амалія съ невольнымъ препенетомъ опешупила ошь окна: страшное имя разбойника испугало ее. — Въ эту минушу молчанія, раздирающій стонъ вылетѣлъ изъ груди Сохатаго. „Брашцы!“ говорилъ онъ удушаемымъ голосомъ, „ослабьте мнѣ шею, и дайте глоточикъ воды... Христа ради, я умираю“...

Казакѣ захохотали, „Издыхай, издыхай, собака!“ закричалъ урядникъ.

— Христа ради! лучше убейте меня, но не помите.

„Молчать!“ загремѣлъ урядникъ, поднимая свою пику.

Нещастный закрылъ глаза и замолчалъ. Онъ не зналъ, что близъ него была душа, понимавшая его спраданія. Когда Амалія услышала мольбы Сохатаго, и безчеловѣчные отказы Казаковъ,

двѣ крупныя слезы покапились изъ глазъ ея. „Вы слышите“ — сказала она, поспѣшно опирая ихъ, и обращаясь къ офицеру, подлѣ нея бывшему.

— Онъ просить пить — сказала офицеръ хладнокровно — и ему не даюшь.

„Флахсманъ! вскричала Амалія,“ вась-ли я слышу? Какъ? и вы умѣете говорить эшимъ убійственнѣмъ голосомъ, какимъ говорить дядюшка?“

Флахсманъ смутился. „Я не понимаю, что вы хошите сказать“... отвѣчала онъ.

— А вы еще хошите, чтобы я понимала васъ! Вы видите передъ собою несчастнаго, предметомъ насмѣшекъ глупаго любопытства народнаго; онъ помится на жару, съ засохшимъ горломъ, умираеть отъ жажды. —

„Что я могу сдѣлать, Амалія?“

— Велише сняшь его съ пѣлеги, дайте ему пишь, и удалите его опъ народа.

„Нельзя, Амалія. Это страшный преступникъ; онъ дожидается выхода вашего дядюшки, кошорый самъ хочеть допросить его, но теперь занятъ въ своємъ кабинетѣ, и велѣль подождать.“

— Онъ докуриваетъ свою пяшую трубку: вопъ его занятіе! А между пѣмъ несчастный умираеть. . .

„Онъ не умреть. Эшопъ человекъ пяшь разъ бѣгаль изъ шюрмы; его не держашъ ни цѣпи, ни замки, и я не ручаюсь ни за-что, если его хопъ на минушу выпускашь изъ глазъ.“

— Флахсманъ! будьте милосерды! Я не могу видѣшь его мученій. —

„Чего-же вы хошите, Амалія?“

— Вы адьюшантъ дядюшки, васъ послушають; велише ввести Сохапаго въ гауптвахшу, и пошлише ему пишь.

„Амація!“

— Вы мнѣ не откажете? сказала Амація, приближаясь къ нему, и смотря на него сквозь слезы. Съ пѣхъ поръ, какъ я въ Пркушскѣ, меня непрерывно окружають жертвы правосудія. Я не засыпаю за нихъ — истребляйте злодѣевъ; но за чѣмъ заставляете вы перепослать мученія прежде казни? Кто знаетъ глубину души человѣческой? Можетъ быть, Сохашый былъ сначала жертвою несчастной слабости, и только жестокость вашихъ судей сдѣлала его нераскаяннымъ злодѣемъ; но и въ злодѣйской душѣ всегда еще остается слѣдъ Божьяго образа, какъ среди ночной тьмы свѣтятъ звѣзды, хотя и нѣтъ солнца. . . .

„Амація! мечпательница божественная!“ вскричалъ Флахсманъ.

— Нѣтъ, я не мечпательница; но къ благословіямъ другихъ мнѣ хочет-

ся присовокупить благословеніе спраш-
наго Сохатаго. За злодѣйство пусть
судить его законъ; мы поможемъ ему. . .

„*Мы!* вы не различаете моей души
отъ вашей. . . .“

— По крайней мѣрѣ, на этотъ
разъ, отвѣчала Амалія — потупивъ гла-
за и краснѣя.

Съ жаромъ схватилъ ея руку Флахс-
манъ, почтительно поцѣловалъ, и бро-
сился изъ комнаты. Онъ вышелъ на
площадь. Казаки, увидѣвъ адьюшанша, съ
почтеніемъ стали подлѣ шѣлеги.

— Коммендантъ велѣлъ снять аре-
станша съ шѣлеги, и отвесити въ гаупт-
вахшу — сказалъ онъ.

Закрытые глаза Сохатаго раство-
рились. „Отецъ спаситель!“ проспо-
наль Сохатый. Немедленно отперли
цѣпь, кошорою прикованъ былъ онъ къ
шѣлегѣ. Сохатый хотѣлъ приподняшь-
ся, но снова упалъ въ изнеможеніи.

— Онъ боленъ? спросилъ Флаксманъ.

„Почти околѣваетъ, Ваше Благородіе, „ошвѣчалъ урядникъ,“ да и больше сушокъ не даемъ мы ему ни пить, ни ѣсть, а между шѣмъ везли его безпрестанно.“

Сердце Флаксмана облилось кровью.
„Развѣ шакъ вельно?“ спросилъ

онъ.

— Вельно всѣми мѣрами не допускать его до побѣга, и мы приложили стараніе, какъ изволише видѣть, ошвѣчалъ Казакъ.

Сохашаго спацили съ шѣлеги. Спрашно загремѣли цѣпи его, когда онъ упалъ на землю, почти безъ чувствъ. Черная густая борода, включенные волосы и великанскій ростъ его изумили Флаксмана. Онъ наклонился къ Сохашому. „Ты боленъ?“ спросилъ его Флаксманъ.

— Умираю , Ваше Благородіе —
отвѣчалъ Сохашый , шяжело дыша .

Казакѣ взяли его , и повели на га-
упшвахшу . Тамъ Сохашаго посадили на
лавку ; онъ казался умирающимъ . Черезъ
минушу явился слуга Комменданша , съ
бушымкою воды и кускомъ хлѣба . Флакс-
манъ велѣлъ подашь ему шо и другое .
Руки Сохашаго были скованы , но онъ
съ жадностью глошалъ воду .

— Господи , промовиль онъ , свер-
кнувъ глазами изъ-подъ нависшихъ бро-
вей — Господи спаси Ваше Благородіе !
пусть каждая капля воды смоешь по
одному грѣху съ души вашей !

3.

А м а л і я .

Благодѣтельное существо , кото-
рое усладило мученія несчастнаго , Ама-
лія была племянница Иркутскаго Ком-

мендаша, стараго Нѣмца. Баронъ Фонъ-Шперлингъ, дядя ея, какъ зацопилъ себя, по онъ уже былъ въ службѣ, и опытного привыкъ къ такой *аккуратности*, что даже тѣлѣ темпами. Не выкуривъ чешырехъ шрубокъ, онъ не могъ ни о чемъ думать, и въ назначенные часы Амалія должна была говорить ему: *guten Tag, guten Nacht*, благодарить его за чай, за кофе, кошорое онъ самъ всыпалъ въ кофейникъ чайною ложечкою. Въ остальное время она молчала, а дядя курилъ, и также молчалъ. Баронъ былъ богашый, бездѣтный Лифляндскій помѣщикъ. Онъ взялъ Амалію послѣ смерти сестры своей, воспитывалъ, нѣжилъ ее, какъ Голландцы воспитываютъ и нѣжатъ шюльпаны, и хотѣлъ передать ей и свое имѣніе и свое не благозвучное, но старое, высоко-Баронское имя. Съ горестью смотрѣлъ онъ ицогда на длинную свою ро-

дословную, которая оканчивалась имъ, но радовался что двухъ-именный будущій мужъ Амаліи, также (необходимое условіе!) Лифляндскій Баронъ, возснаношь имя Шперлинга. Потому, по долгомъ размышленіи, спойвшемъ сонни шрубокъ вагшшафа, Баронъ утвердилъ и рѣшилъ, что Амаліи надобно бышь: 1-е за Лифляндцомъ; 2-е за Барономъ; 3-е за такимъ челоуѣкомъ, кошорый прибавиль-бы къ своему имени имя Шперлинга.

Добрый Баронъ, пѣнковая шрубка въ челоуѣчествѣ! Ты забылъ многое, не зналъ многого, да и кто-же придумаль-бы все, что мы теперь расскажем!

Амалія, тихое, крошкое созданіе, съ голубыми, всегда опущенными въ землю, или подняшыми къ небу, глазками, и розовыми щечками, не смѣвшее сказать дядѣ своему пяши словъ съ ряду, скрывала въ груди своей сердце велика-

на, а голова ея — была пламенная голова жипельницы Сѣвера. Амалія, удаленная отъ всего, незнавшая ничего въ свѣтѣ, жила въ идеалахъ, копорые — хуже всякой существенности. Эти идеалы, этѣ яркія картины, похожія на старинную живопись на стеклѣ — огромную, свѣшлую, озаряемую солнцемъ — разнакомливають насъ съ жизнью обыкновенною и приучаютъ къ чему-то не здѣшнему. Между тѣмъ свѣтъ беретъ свое, и, пока пламенная мечта летаетъ съ нами въ мірѣ Поэзіи, опухываетъ насъ своими цѣпями, и тѣмъ легче побѣждаетъ, что мы презираемъ его, какъ непріятеля ничтожнаго, не стоющаго борьбы.

Когда Амалія оставила древній, полуразвалившійся замокъ, въ копоромъ родилась и жила съ матерью до пятнадцати лѣтъ, дядя увезъ ее съ собою въ Крымъ, гдѣ богатую наследницу,

окружили вздыхатели. Что за люди! думала Амалія, смотря на подвижныхъ куколь въ военныхъ и спашскихъ мундирахъ; начинала говорить съ ними, и переспавала, думая: „Это не тотъ; это не онъ!“ И онъ явился ей, въ бога-шомъ, гвардейскомъ мундирѣ, молчали-вый, угрюмый, говорившій одними гла-зами, и несмѣвшій сказать ни слова о шомъ, что Амаліи высказывали дру-гіе. Эшотъ осуществленный идеаль былъ Флахсманъ — Нѣмецъ только по имени, Рускій душою, молодой офицеръ, при-скакавшій изъ Петербурга, съ важными порученіями къ Барону Шперлингу. Ама-лія видѣла его три или четыре раза, сказала ему нѣсколько словъ, и — въ пламенной головѣ ея Флахсманъ посе-лился среди блестящихъ идеаловъ.

Милыя созданія дѣвушки, особливо съ идеальными головами! Какъ я люблю

вась! Какъ подстерегаю я эпошь взоръ, копорый съ неба падаетъ на земной идеаль вашъ! Какъ люблю я вашъ испующій взглядъ въ будущее, у котораго вымаливаете вы себѣ щастье, какъ дитя игрушку у матери! Какъ люблю я сравнивать съ вашими мечшами мои, исперзанныя жизнью мечты, и переноситься въ прошедшее. . . .

Флахсманъ не сказалъ ни слова. Казалось Амаліи, что голось его дрожаль при прощаньи съ нею; что слезы на-вернулись на глазахъ его. „Онъ“ . . . думала Амалія, и останавливалась на эпошь словъ, едва смѣя домолвить сама себѣ — „любить!“ Но Флахсманъ не сказалъ ничего и уѣхаль обратно въ Петербургъ. Амалія не грустила, но какъ пущь показался ей бѣлый свѣтъ! . . .

Онъ любитъ.

Вскорѣ Баронъ Шперлингъ переведенъ былъ въ другую должность, и переѣхалъ изъ Крыма въ Сибирь. Говорили что-то о разрывѣ съ Кипаемъ, и Шперлингу поручено было устройство военной части въ Иркутскѣ и за Байкаломъ. Амалія безъ сожалѣнія оставила цвѣтущій Крымъ, и душа ея, напротивъ, казалось, ожила въ Сибири. Мрачныя лѣса, дикія горы, безконечныя степи, морямъ подобныя рѣки, десяшь солнцевъ на небѣ зимою, знойность лѣта Сибирскаго, простота, добрые нравы жителей, мысль, что живешь на краю свѣта, въ глуши Азіи, быстрыя противоположности климата, зимы и лѣта — все очаровывало Амалію. Упомянутая роскошью природы спорона Крымская не могла пе-

редашь Амаліи впечатлѣній столь сильныхъ , и чувствъ столь живыхъ. Какъ сильно понимала теперь Амалія свою свою одинокость въ мірѣ ! Какъ часто хотѣлось ей теперь высказать многое паящееся въ душѣ ея ! И въ такія мгновенія неперпѣливаго чувства души : сказать-эя другой душѣ — странное дѣло ! Амаліи мечтался образъ Флахсмана, какъ шуманныя пѣни предковъ Оссіана , любимаго поэта Амаліи. Милая дѣвушка задумывалась (*думаютъ-ли дѣвушки, не знаю*), задумывалась, и шихоньно швердила : *онъ не любитъ ! . .* Но улыбка являлась на устахъ ея, и невольно подсказывало сердце : „а могъ-бы любитъ!“...

Въ одно прекрасное Сибирское лѣтнее утро, которое не промѣняете на десять утръ нашей Москвы, Амалія вошла въ кабинетъ дяди, съ чашкою кофе, и чашка эша выпала изъ руки ея : такъ сильно задрожали руки Амаліи. Отъ чего ? На

своихъ креслахъ сидѣлъ , по обыкновенію, и курилъ дядя ея , а поодаль отъ него , на софѣ , сидѣлъ — Флахсманъ !

Такъ, онъ, пошъ молчаливый Флахсманъ , въ Иркутскѣ , въ кабинетѣ Барона Шперлинга, и первый взоръ его сказалъ все Амаліи. Когда при громѣ Японской чашки , разбившейся въ мѣлкіе кусочки , дядя выпустилъ изъ рта свою трубку , и быстро спросилъ : *Was machen-sie doch ?* — Амалія едва не бросилась на шею къ дядѣ , и не сказала ему : *Er liebt , er liebt !*

5.

Дядя-учитель.

Такъ : Флахсманъ точно любилъ. Онъ не умѣлъ , не хотѣлъ ничего говорить Амаліи , но оставилъ всѣ выгоды службы, не послушалъ никого изъ честолюбивыхъ своихъ родственниковъ , вы-

просиль себѣ мѣсто въ Сибирскомъ полку, и поскакаль въ Иркутскъ.

Тогда узнала Амалія щастіе любить и бышь любимою. Тогда, гуляя съ Флахсманомъ по берегу широкой Ангары, бывая съ нимъ и съ дядею за городомъ, въ шѣни густыхъ лѣсовъ, читая любимыхъ поэшовъ Германіи и Франціи (увы! Пушкина и Жуковскаго тогда еще не было, а Ломоносова дѣвушки не читали), Амалія желала, что-бы Флахсманъ не поспѣшилъ сказать ей: „Я люблю тебя Амалія!“ Есть чувство въ сердцѣ чловѣка, которое, не знаю какъ назвашь. Когда мы видимъ уже, что мы непременно будемъ щасливы, когда легкія крылушки радости уже вѣютъ на насъ чѣмъ-то не земнымъ, мы находимъ наслажденіе удалить на нѣсколько мгновеній нашу радость, наше щастье, говоримъ ему: *постой!* и сердце наше

упиваешься и надеждою, и наслажденіемъ: это мигъ перехода надежды въ щасіе, и эшошь мигъ — лучше самаго щасія! Такъ щасливый юноша приближаетъ уста свои къ розовымъ устамъ красавицы, забывая годы бѣдствій, и — ошанавливается, глядитъ на лице ея, одушевленное щасіемъ, и не прикасаешься къ устамъ красавицы. . . .

Флахсманъ былъ сынъ богатаго человека, и думаль, что ни какихъ препяствій не можешь быть, если-бы онъ пошребоваль руки Амаліи. Его душа не искала идеаловъ, и пока онъ не видалъ Амаліи, онъ не понималь любви. Взросшій въ семьѣ многочисленной, жившей папріархальнымъ Русскимъ бытомъ въ Малороссіи, онъ съ дѣшства привыкъ къ карпинамъ семейственнаго щасія. Его душа, не испытавшая бурь жизни, изумилась міру фаншазіи,

какой раскрыли ему взоръ на Амалію, ея рѣчи, ея слова, ея романическія мечты. Холодность Флахсмана подтаяла отъ тихаго огня любви, но она держалась еще, когда Флахсманъ оставилъ Крымъ, держалась, какъ гора Швейцарская, подмытая горными потоками. Но когда онъ пріѣхалъ въ гранишный Петербургъ, когда тоска одиночества среди многолюдства начала грызть его сердце — холодность Флахсмана рухнула вдругъ, будто тяжкая лавина Швейцарскихъ горъ, копорая рушитъ горы, засыпаетъ долины, губитъ все, и сворачиваетъ рѣки въ ихъ теченіи. Хаосъ души Флахсмановой слышалъ небесную гармонию любви, и юноша почувствовалъ сильно и пламенно, что только любовь Амаліи, только сердце ея укрощаетъ бурю его сердца, и возвращаетъ ему щастіе.

Такъ прошекало время. Флахсманъ не могъ сблизиться съ дядею Амаліи, и не замѣчалъ переменъ въ эпой, дымящейся безирерывно, флегматической фигурѣ. Но наблюдашеть посторонній могъ-бы замѣшить постоянныя измѣненія въ высокобаронской персонѣ дяди Амаліина.

При первой встрѣчѣ съ Флахсманомъ въ Иркутскѣ, Баронъ подумалъ, послѣ продолжительнаго разговора: „Зачѣмъ онъ пріѣхалъ сюда? Вѣрно не за чинами, не за деньгами, не за тѣмъ, чшобы меня столкнуть? Не уже-ли такъ? Правда, у эшихъ Рускихъ часто и многое такъ дѣлается; иное дѣло мы. . . хмъ!“

Флахсманъ началъ служить усердно, дѣлательно, безъ всякихъ препензій, и Баронъ опять подумалъ: „Чего онъ ищетъ своею службою?“ —

И Баронъ недоумѣвалъ, что думашь, когда вдругъ однажды увидѣлъ онъ Амалію и Флахсмана, прогуливающихъ въ саду, въ жаркомъ разговорѣ. „Не уже-ли о погодѣ говоряшъ они такъ усердно?“ подумалъ Баронъ. И вошь ярко блеснула у него мысль: „Ужь не любовь-ли это?“ Тутъ началъ онъ думать, *что́ бишь такое любовь?* взялъ старую энциклопедію, опыскалъ слово: Liebe, и прочиталъ всѣ признаки любви. Онъ испугался, увидя, что любовь дѣлаешъ чудеса, и ведешъ къ великимъ глупостямъ. „Ну! если Флахсмана завела въ Сибирь любовь?“ вскричалъ онъ невольно — и цѣлый часъ ходилъ по комнатамъ, не принимаясь за трубку.

„Да!“ сказалъ наконецъ Баронъ. На другой день Амалія призвана была въ кабинетъ, и дядя прочелъ ей огромную лекцію о любви, объ осторожности, какую должна наблюдать молодая дѣ-

вушка. Съ Флахсманомъ началъ онъ поступать начальнически, холодно, важнѣе прежняго.

— Но что-жь за бѣда любить Флахсмана? думала Амалія. Вообще, изъ всякихъ лекцій, мы не многому научаемся. Но польза ихъ въ томъ, что систематическое изложеніе предмета поясняетъ, устроиваетъ наши идеи. И Амалія, выслушавъ дядю, узнала, что она точно любитъ Флахсмана, и что Флахсманъ ее любитъ.

Дѣло пошло безъ перемѣны, а Баронъ сдѣлался совсѣмъ другой человекъ: наблюдательный, уклончивый, размышляющій. „Плохо!“ сказалъ онъ наконецъ, и призвалъ Флахсмана къ себѣ.

Тутъ, послѣ тысячи околичностей, эпизодовъ, вставокъ, учтивыхъ увѣреній, и проч. и проч., Баронъ спросилъ: „Какіе виды имѣешь Г-нъ Флахсманъ, въ

дружескомъ обращеніи съ семействомъ его Баронской чести?“

Флахсманъ заговорилъ, какъ вдохновенный. Онъ забылъ и дядю, и всѣ отношенія, и признаніе въ пламенной страсти, надежда получить руку Амаліи излились въ самыхъ горячихъ словахъ.

Баронъ молчалъ, ходилъ мѣрными шагами, и наконецъ спросилъ: „Знаешь-ли Амалія о вашихъ *предположеніяхъ*?“

Это слово охладило Флахсмана.

Тутъ дядя Амаліи завелъ длинную рѣчь, какъ нехорошо разстроивашъ семейственное спокойствіе людей благородныхъ; какъ должно бытъ предусмотрительну въ своихъ дѣлахъ, и проч. и проч.

„Но, развѣ ваша племянница не можетъ отдать мнѣ руки и сердца?“ спросилъ его быстро Флахсманъ. — Нѣтъ! отвѣчалъ Баронъ. Уже давно рука ея назначена другому, сыну моего стараго пріятеля Барона Фонъ-дерь-Кольессера,

который соглашается принять фамилию *Барона Шперлинга - Кольессера*, и получишь мое имѣніе и Амалію.

„А если я прошу только Амалію, и не пребую за нею ничего?“,

Баронъ поблѣднѣлъ и задрожалъ. Флахсманъ изумился: онъ не зналъ, что Баронъ ужаснулся мысли: бытъ послѣднимъ Шперлингомъ на бѣломъ свѣтѣ, когда Амаліинъ мужъ будешь не Баронъ, и не приметъ имени Шперлинга!

Едва не задыхаясь отъ досады, Баронъ разстался съ Флахсманомъ, и побѣжалъ къ Амаліи.

Онъ заспалъ ее заняшую рисованьемъ, и шакъ заняшую, что она не примѣшила, какъ вошелъ дядя, и спалъ за нею. О страхъ! Амалія дорисовывала — портретъ Флахсмана, любовалась своею работою, глядѣла съ восторгомъ на портретъ, и наконецъ — крѣпко прижала его къ губамъ своимъ!

Баронъ обмеръ, и — въ первый разъ въ жизни, вышелъ изъ себя: началъ бранить Амалію, говоритъ, какъ дурно, нехорошо цѣловать портрешы молодыхъ мужчинъ; разсказалъ о своемъ разговорѣ съ Флахсманомъ, о предположенномъ союзѣ съ Барономъ Фонъ-дерь-Кольессеромъ, объ отказѣ Флахсману.

Все высказалъ Баронъ фонъ-Шперлингъ. Какія были этого слѣдствія?

6.

С л ѣ д с т в і я .

Совсѣмъ не тѣ, которыхъ ожидала высокобаронская персона. Вопгь, чю она сдѣлала:

Амалія немедленно была удалена изъ коммендантскаго дома; дядя велѣлъ ей ѣхать къ пріятельницѣ его, старой Бригадиршѣ, съ кошорою познакомился по

рекомендацельному письму опъ одной Лифляндской Баронши, и у которой постоянно, во все время пребыванія своего въ Иркутскѣ, онъ обѣдываль по Воскресеньямъ. Бригадирша, вдова, брюзгливая старуха, вошла въ ужасное положеніе дѣль Барона Шперлинга, и какъ она жила одна, кромѣ ворожбы картами ничего не знала, то и обѣщала Барону сперечь Амалію такъ, что-бы ее никто не увидѣль.

Топчасъ опправиль Баронъ письмо къ высокопочтенному Барону Кольессеру, въ которомъ извѣсиль его, что зимою получишь онъ оппускъ, и пріѣдетъ съ племянницею въ Лифляндію.

Флахсманъ немедленно получилъ приказъ Комменданша: ѣхать за Байкаль, въ Цурухайпуевскую крѣпосшь, и заняться тамъ, *по секрету*, надзоромъ за движеніями Китайцовъ.

Баронъ ждалъ бури, и готовился къ слезамъ и просьбамъ со стороны Амаліи, къ бѣшенству и сопротивленію со стороны Флахсмана. Уже соображалъ онъ, что надобно ему отвѣчать, какъ говорить, и удивился, не видя никакого беспокойства, не слыша никакого шума. Правда, Флахсманъ поблѣднѣлъ, узнавъ волю Комменданша; на глазахъ Амаліи навернулись слезы, когда ей велѣно было отправиться къ Бригадиршѣ; но и Флахсманъ и Амалія не противорѣчили. Флахсманъ просилъ только позволенія прожить въ Иркутскѣ два дня.

Баронъ былъ въ воспоргѣ, и, поширая руки, ходилъ по своему опустѣвшему безъ Амаліи дому. Вдругъ доложили ему, что Бригадирша изволила къ нему пожаловать.

Сердце Барона забилося не на добро. Какъ разсердился онъ, узнавши, что старуха открыла ужасный заговоръ, и

что въ эту-же ночь Амалія условилась бѣжать съ Флахсманомъ! Сомнѣнія никакого не оставалось: священникъ подгороднаго села, старый знакомый Бригадирши, самъ прїѣзжалъ къ ней сказать, что Адьюпаншь Его Превосходительства, господина Барона и Кавалера, былъ у него, и предлагалъ ему сколько угодно денегъ, если только онъ согласится обвинять Его Благородіе съ какою-то дѣвушкою. А поелику Его Благородіе прибавлялъ къ сему страшныя угрозы за открытіе тайны, то и принудилъ его согласиться. Но священникъ, какъ повѣренный Ея Высокородія, зналъ тайную склонность племянницы Его Превосходительства къ Его Благородію, посему и рѣшился сообщить сію вѣсть Ея Высокородію, прося милостивою защиты.

— Знаешь ли Амалія, что тайна побѣга открыта? спросилъ Баронъ.

„Нѣтъ ; я почла долгомъ сперва извѣстить васъ.“

— Вы поступили весьма благоразумно , и я прошу васъ молчать и не говорить ей ни слова.

Вечеромъ , скрышная спража разспавлена была вокругъ дома и сада Бригадирши. Настала ночь. Самъ Баронъ скрылся въ саду, и въ самую полночь , у садовой калипки посмучались тихонько : это былъ Флахсманъ. — Несчастный юноша ! Онъ не зналъ , что Амалія была уже въ домъ своего дяди , и хошя не слыхала ни ошъ кого ни одного слова, но видѣла что все открыто. Флахсмана встрѣшилъ самъ Баронъ.

Что говорили они , не знаю. Но Флахсманъ въ ту же ночь оставилъ Иркутскъ и отправился въ назначенный ему путь. Онъ не заспрѣлилъ Барона ? Онъ оспался въ службѣ ? Онъ отказался ошъ Амаліи ? спросяшь меня , и при-

бавяшь къ этому, что Флахсманъ не любилъ ее; что онъ былъ холодный молодой человекъ; что Амалія была кукла, которая испугалась первой грозы своего дяди. Увидимъ, увидимъ! Я хочу рассказывать далѣе, и не стану ничего говорить напередъ: пусть событія сами за себя говоряшь.

7.

Мертвецъ - убійца.

Прошло около года послѣ описанныхъ нами событій. Сибирская природа улыбнулась минувною весною, покрасовалась корошкимъ лѣтомъ, и снова облеклась въ бѣлые, снѣговые покровы. Въ это время случилось происшествіе ужасное и непонятное.

За Байкаломъ, въ одномъ большомъ селѣ, населенномъ отчасти ссылочными въ Сибирь, отчасти переселен-

цами изъ Россіи, старообрядцами, которые ушли въ лѣса Забайкальскіе, съ своими закосяблыми суевѣріями и предразсудками, скончался крестьянинъ. Гробъ его вынесли въ церковь, съ шѣмъ, чтобы на другой день, послѣ обѣдни, оппѣть и предать общей всѣхъ машери.

Съ вечера началась погода, разыгрывалась, и разыгралась, какъ свободный звѣрь въ лѣсахъ Сибирскихъ. Въ полночь вѣшеръ завылъ, словно голодный волкъ, загремѣлъ, какъ громъ на Хамарь-Дабанъ; снѣгъ клубами несло по дорогѣ, крушило, вершѣло; лѣса ломало, и ни зги не было видно ни въ полѣ, ни въ лѣсу. Священникъ села, о кошоромъ мы упомянули, вспаль въ назначенное для заупрени время. Мальчикъ, внукъ его, также поднялся, получилъ благословеніе дѣдушки, и пошелъ благовѣспить, между шѣмъ, какъ дѣдушка его цаѣввалъ чебакъ свой (теп-

лую Сибирскую шапку), и потомъ тихо побрель въ церковь. Дьячокъ былъ боленъ; православные слышали звонъ колоколовъ, разносимый порывами вѣтра, но — ни одна набожная спарушка не пошла въ церковь. Нѣкоторые вспали было, выглянули въ окошко, и, не видя свѣта Божьяго отъ мятелицы, зашеплили свѣчки, помолились, и легли снова спать.

Между тѣмъ разсвѣло; буря утихла, небо начинало проясняться; въ домъ Священника всѣ вспали; самоваръ кипѣлъ на сполѣ — Священникъ не возвращался. Спарушка попадья выглядывала, смотрѣла — нѣтъ Священника, нѣтъ и внучка! Гдѣ они? Беспокойство усиливалось; послали въ церковь.

Церковь была растворена; снѣгъ занесъ крыльцо ея; нѣтъ ни слѣдовъ, ни признаковъ ходьбы! Вошли въ церковь: не-здѣшній житель лежитъ въ

гробъ , пихъ , спокоень , окоченьль ;
лице его ошь холода посинѣло , пок-
ровъ сброшенъ , вѣнецъ на землѣ , и —
о ужась ! Священникъ , мершвый , ле-
жишь не вдалекѣ ошь гроба ; въ рукѣ
его кадило ; голова пробита и кровь
запеклась и застыла на сѣдыхъ волосахъ !

На вопль и крикъ сбѣжался народъ,
и съ шрепетомъ смотрѣль на страшное
зрѣлище. Туть шолько хвашились внучка
Священникова : его не было ; начали
искашь , и наконецъ нашли за клиросомъ,
безъ чувствъ. Онъ очнулся , шрепешаль,
долго не могъ говоритъ , наконецъ , косно-
язычно и несвязно , рассказаль , что ви-
дѣль. Обблаговъспивъ и опзвонивъ , ве-
ревками , снизу пропянутыми на неболь-
шую колокольню , мальчикъ , робѣя , во-
шелъ въ церковь , и увидѣль , что дѣ-
душка его уже началъ заупреню. Слу-
женіе продолжалось ; всюду было шихо ,
шолько вѣшрь стучаль окошками , снѣгъ

колошилъ въ окна, и буря выла во-
кругъ церкви. Вдругъ — гробъ съ мерт-
вцомъ запрещалъ! Мальчикъ оробѣлъ,
ноги его подкосились, языкъ окостенѣлъ
во рту. Священникъ подошелъ ко гробу,
но не смѣлъ приблизиться, слушалъ, и,
ободривъ выучка, началъ продолжашь
заупреню. Вдругъ опяшь шрещить гробъ,
слышно стenanіe — холодъ пробѣжалъ
по жиламъ мальчика... Онъ помнилъ
еще, что Священникъ взялъ кадило, на-
чалъ молишву, подошелъ ко гробу, и
вдругъ мертвецъ поднялся, вскочилъ изъ
гроба, ударилъ чѣмъ-то Священника, и
шопъ повалился на полъ... Болѣе ничего
не видалъ и не слышалъ мальчикъ. Обезу-
мѣвъ бросился онъ самъ не зная куда, и
опомнился только тогда, когда пришли
люди. . .

Ужасное подозрѣніе.

Разсказъ о семь неслыханномъ событіи изумилъ всѣхъ. Пріѣхали слѣдовашь, смошрѣшь ; слѣдовали , смошрѣли , и ни чего не нашли. Мертвецъ былъ освидѣтельствованъ , всѣ допрошены : ни кшо не понималъ , какъ случилось страшное дѣло. Разсказъ мальчика казался сказкою. И вотъ , мертвеца и Священника схоронили. Между тѣмъ вездѣ разнеслась вѣсть.

Село, гдѣ учинилось такое неслыханное дѣло, стояло на большой дорогѣ изъ Нерчинска къ Байкалу. На первой послѣ него станціи, когда рассказали тамъ ужасное происшествіе, когда начались толки, ямщикъ сказалъ шоварищамъ , что онъ , въ ту самую ночь , везъ офицера , что они сбились съ дороги , и когда добрались до села , гдѣ случилось убійство ,

ямщикъ , человекъ новый, не зналъ, какое это село , и гдѣ дорога. Они ѣхали между шѣмъ , и при самомъ вѣздѣ увидѣли распворенную церковь. Офицеръ соскочилъ съ саней , вбѣжалъ въ церковь , и черезъ нѣсколько минушь выбѣжалъ опшуда , бросился въ сани , велѣлъ ямщику гнать скорѣе. Больше ничего не зналъ ямщикъ.

Разсказъ ямщика тотчасъ передали смотрителю ; тотъ почелъ его споль важнымъ , что поспѣшилъ узнать подробности.

Проѣзжавшій офицеръ былъ — Флахсманъ ! Онъ , точно въ ту ночь проѣзжалъ черезъ село , и заходилъ въ церковь. Поскакали по слѣдамъ его , и нашли его въ Селенгинскѣ : шуть онъ остановился , ибо въ жестокую вьюгу просхудилса жестоко , и лежалъ безъ памяти , въ злой горячкѣ.

Бѣдный юноша! Ты былъ на одрѣ смерти, а правосудіе считало минушы жизни твоей, обрекая тебя ужаснымъ подозрѣніемъ! Болѣзнь Флахсмана продолжалось долго, и когда онъ опамятовался, прошло уже нѣсколько недѣль, и — передъ нимъ раскрылась страшная бездна!

По сношенію съ Иркутскомъ узнали, что убитый Священникъ былъ тотъ самый, который открылъ Комменданту тайну побѣга Амаліи съ Флахсманомъ, который разрушилъ всѣ мечты Флахсмана о щастіи. Когда Баронъ Фонъ - Шперлингъ встрѣпилъ Флахсмана въ саду Бригадирши, Флахсманъ казался бѣшенымъ. Онъ хотѣлъ схватиться за шпагу, но удержался, сказавъ Барону, что онъ ниѣдется съ нимъ особенно видѣться, и клялся, что изменникъ погибнетъ отъ руки его. Баронъ слышалъ сіи слова, и Флахсманъ

въ самомъ дѣлѣ пріѣзжалъ къ Священнику. Испуганный Священникъ скрылся отъ него, и такъ оробѣлъ, что не смѣлъ ни куда появиться. Онъ не почишалъ себя безопаснымъ, и какъ тогда искали Священника для опредѣленія за Байкаль, въ старообрядческое село, онъ просилъ опредѣлить его туда, и немедленно уѣхалъ къ мѣсту своего назначенія. Надобно было несчастной судьбѣ Флахсмана вести его именно черезъ это село; надобно было ему зайти въ церковь. . . .

Друзья мои! вы не повѣрите тому, чтобы низкое мщеніе могло храниться въ душѣ благороднаго юноши столь долгое время, и что пользы было ему въ смерти Священника, если уже и предположимъ, что человекъ для пользы какой нибудь, можетъ рѣшиться на преступленіе ужасающее? — Но, развѣ не бывало примѣровъ обвиненія самаго

нелѣпаго? Исторія Каласа развѣ не повпорялась — скажемъ съ горестнымъ чувствомъ — даже и въ наше время? Противъ Флахсмана было все. Разказу внука Священникова никшо не вѣриль. Самъ Баронъ Шперлингъ слышалъ угрозы Флахсмана, нашлись добрые люди, кошорые перешолковали самую болѣзнь его. . . .

И вопшь — Флахсмань, едва выздоровѣль, какъ его аресшовали, оспановили. Съ изумленіемъ невинной, чистой души слышалъ опъ ужасную исторію, и содрогнулся, узнавъ о томъ, что на него пало подозрѣніе въ убійствѣ! Открылось еще болѣе: узнали, что Флахсмань оставилъ Цурухайтуевскъ безъ дозволенія Комменданша; что онъ самовольно кинуль свой постъ, и скакаль въ Иркутскъ.

Флахсмань откровенно сказаль, что онъ лично оскорбленъ былъ покой-

нымъ Священникомъ, и въ первомъ жару гнѣва произносилъ угрозы; что онъ оплучился и ѣхалъ въ Иркутскъ по своимъ собственнымъ дѣламъ, ибо видѣлъ по письмамъ изъ Петербурга, что просьба объ отставкѣ его была тамъ давно получена, и онъ отъ службы отспавленъ, но Комменданту Иркутскому угодно было все это скрыть. Флахманъ хотѣлъ объясниться съ Барономъ Шперлингомъ; точно ѣхалъ по дорогѣ въ мяшель, и заходилъ въ церковь, видѣлъ тамъ гробъ и покойника, видѣлъ и Священника, но только спросилъ его о дорогѣ.

„Ямщикъ говоритъ, что вы со страхомъ выбѣжали изъ церкви, и велѣли скакать скорѣе. Для чего это?“

— Видь Священника напомнилъ мнѣ несчастное событіе моей жизни.

„Слѣдственно: вы имѣли съ нимъ прежде дѣла. Какого рода были ваши съ нимъ сношенія?“

— Этого не скажу я ни кому.

„Что побудило васъ выйти въ отставку?“

— Этого вы не узнаете никогда.

9.

Гдѣ оправданіе?

Угрюмое молчаніе судей, и слѣдовавшихъ дѣло чиновниковъ, показывало, что на сей вопросъ, отвѣтъ не могъ быть благопріятенъ. Флахсманъ поклялся самъ себѣ, что имя Амаліи не выйдетъ изъ устъ его. Не открывая дѣлъ, бывшихъ между Барономъ фонъ-Шперлингомъ и имъ, онъ не могъ почти ничего говорить.

Получено было повелѣніе изъ Иркутска: отправить Флахсмана туда. Уродливая, красная рожа, въ полицейскомъ мундирѣ, прислана была для препровожденія его. Флахсманъ казал-

ся спокойнымъ , равнодушнымъ , безчувственнымъ ко всему , что вокругъ него происходило.

Слѣдствіе шянулось весьма долго ; уже снова Сибирскіе лѣса одѣлись зеленью , и , поздніе пришельцы , ласточки вились по полямъ и долинамъ.

Почтовая тѣlega , въ копорой сидѣли Флахсманъ и красноносый его провожатый , лепѣла вихремъ. Флахсманъ молчалъ ; товарищъ его также , награждая молчаніе ерофеичемъ на каждой станціи , и крикомъ на запрягавшихъ лошадей ямщиковъ. Наконецъ , они приближались къ Байкалу. Флахсманъ замѣнилъ , что товарищъ его удвоивалъ порцію ерофеича , спановился беспокойнѣе , непрерывно оглядывался по дорогѣ , и , наконецъ , вдругъ вздумалъ остановиться при въѣздѣ въ лѣсъ , простирающійся къ берегу Байкала.

— За чѣмъ вы остановились? спросилъ его Флахсманъ.

„Вошь за чѣмъ!“ отвѣчалъ красноносый, вышпачилъ ружье, саблю, два пистолеа, и началъ осматривать ихъ.

— Съ кѣмъ-же хотите вы сражаться? спросилъ насмѣшливо Флахсманъ.

„Да во что-же мысли ваши углублены?“ отвѣчалъ вопросомъ красноносый. „Развѣ не слыхали вы рассказовъ о разбойникахъ? Вѣдь Сохашый опять ушелъ изъ шюрмы, и говоряшь здѣсь бродить, а дѣло къ ночи.“

Флахсманъ замолчалъ, завернулся въ свою шинель. Тѣлега поскакала; вѣхали въ лѣсъ, и вдругъ, на глубокомъ оврагѣ, раздался крикъ изъ лѣса: „Стой!“ Ямщикъ спалъ, какъ вкопанный.

— Ахъ! ты, бездѣльникъ, мошенникъ, разбойникъ! — захрипѣлъ красноносый — погоняй! —

„Извини, баринъ,“ отвѣчалъ ямщикъ — „развѣ не слышишь.“ . .

— А вошь я съ ними управлюсь — заревѣло чадо полиціи, и въ ту споро-ну, гдѣ раздался крикъ, выспрѣлило изъ ружья. Ямщикъ поскакалъ подь гору, и дващцать голосовъ раздалось со всѣхъ сторонъ. Вся храбрость полицейскаго пропала. „Мать Пресвятая Богородица!“ завопилъ онъ — „мы пойманы!“

— Чего вы боишесь? сказалъ Флаксманъ. Если они остановяшь насъ, имъ нѣчего взять; если захопяшь убишь, продадимъ дорого свою жизнь! — Онъ соскочилъ съ шѣлеги, схватилъ два пистолеша, и дожидался разбойниковъ, бѣжавшихъ къ нимъ съ обѣихъ сторонъ лѣса.

С о х а т ы й.

— Товарищи! кричалъ огромный мужичина, бѣжавшій за другими — не бишь ихъ, не бишь! Апаманъ велѣлъ взять живьемъ! Это нашъ пріятель Курносовъ! „Курносовъ!“ закричали съ дикимъ воплемъ всѣ другіе — „Гдѣ онъ? гдѣ онъ?“ — Флахсманъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на шайку разбойниковъ. Всѣ они были одѣты въ богатыя, шелковыя, суконныя, бархатныя куртки; остальная одежда сошеѣшсшвовала такому наряду, хотя все одѣяніе было въ беспорядкѣ, измарано, изорвано. Ружья пистолеты, рогашины, кистени, сабли составляли оружіе разбойниковъ.

— Стойте, бездѣльники! вскричалъ Флахсманъ. Чего вы хошите? Денегъ у насъ нѣтъ!

„Господинъ Ваше Благородіе! не дурачься!“ отвѣчалъ пріятель Курносова.

„Брось пистолеты; мы тебя не про-
немъ — вошь-ше Богъ не пронемъ, а
если пикнешь, то смотри — мы сдѣ-
лаемъ изъ тебя рѣшето!“

Флахсманъ хотѣлъ опвѣчать; но
двѣ сильныя руки схватили его сзади,
вывернули пистолеты, и сшибли его
съ ногъ.

„Ай! да, Мипюха!“ вскричали дру-
гіе — „молодецъ! молодецъ! наша взяла“..
Оглушенный въ паденіи Флахсманъ былъ
немедленно связанъ, и слышалъ, какъ
неисповодимые крики и вопли бѣшеной ра-
доспи раздались между разбойниками,
когда изъ подъ пѣлеги вышацили они
его сопушника.

— Онъ! онъ! эшо онъ! слышанъ
былъ крикъ. — Блѣдный, какъ испуган-
ный Индѣйскій пѣшухъ, исполнитель
правосудія дрожалъ, словно въ лихорадкѣ.

И Флахсмана, и его сопушника
положили въ пѣлегу, закрыли рогожею,

и повезли. Тихо, безмолвно шли вокругъ шѣлеги разбойники ; слышно было , что съ дороги сворошили , ѣхали по лѣсу. Темная ночь была уже , когда шѣлега ошановилась. Флахсмана вышацили сначала , и понесли къ большому огню расположенному среди небольшой поляны.

Тушъ набросано было множество подушекъ , пуховиковъ , и на нихъ въ безпорядкѣ лежало и сидѣло множество народа. Вся шайка состояла болѣе нежели изъ пятидесяти человекъ. Множество оружія всякаго рода было повсюду разбросано ; въ споронѣ висѣли кошлы и кипѣли щи , каши. Разбитые сундуки , ящики , шюки шоваровъ лежали въ споронѣ.

Какъ регулярный солдатъ отдашь отчешъ Атаману одинъ изъ разбойниковъ.

— Подавай сперва офицера —
сказаль грубымъ голосомъ Ашамань,

Флахсмана принесли къ нему. „Раз-
вязашь!“ сказаль Ашамань. Приказаніе
было немедленно исполнено. Когда, рас-
правляя свои зашекшія и опухшія опъ
давленія веревокъ руки, Флахсмань сълъ
на землѣ, и думаль о своей спранной
участи, Ашамань началъ говорить.

„Тебѣ, господинь офицеръ, бо-
яшься насъ нѣчего. Какъ солдашь, шы
своими копѣйками насъ не обогатишь,
да и попался шы къ намъ попому, что
ѣхаль вмѣстѣ съ полицейскою півявицею,
до кошорой мы давно добирались. Ее
мы не выпустимъ живую.“ . . . Тушь
Ашамань замолчалъ на минушу, вдругъ
вскочиль, сняль шапку, и вскричалъ :

„Какъ? эшо вы, Ваше Благородіе,
господинь Флахсмановъ? Батюшка шы,
отець мой! родимой, кормилецъ!“

Флахсманъ смошрѣль съ изумленіемъ, и удивлялся перемѣнѣ разговоровъ разбойника.

„Вы не узнали меня, мой спаситель, мой отецъ! а я помню хлѣбъ-соль вашу... вѣдь я *Сохатый*.“

Тутъ Флахсманъ поднялся на ноги, и сказалъ Сохатому, что онъ не помнитъ, когда-бы успѣлъ сдѣлать для него что нибудь.

— А не ты-ли накормилъ меня, напоилъ, когда года два назадъ я былъ пойманъ и привезенъ въ Иркутскъ? Я не смѣю поцѣловать твоей ручки, потому, что кровь неповинная запеклась на мнѣ, и я осквернилъ-бы тебя своими нечистыми устами. Да какъ-ты зашелъ сюда? Какъ тебя, дорогаго гостя, я нахожу на моемъ пепелищѣ?

Флахсманъ содрогнулся. „Нѣтъ господинъ Сохатый! я не гость твой, и между мною и тобою нѣтъ никакихъ

сношеній. Если ты помнишь мое небольшое благодареніе, то вели меня выпроводишь отсюда, отпусти полицейскаго офицера и ямщика, и да приведешь тебя Богъ къ раскаянію.“

— Нѣтъ! ты не уѣдешь не переночевавъ здѣсь, а завтра будешь на пути, дорогѣ своей. Но полицейскаго разбойника — я не отпущу; онъ со мною поплашится. . . .

„Какъ ты смѣешь?“

— Господинъ офицеръ, Ваше Благородіе, не извольте спорить: я здѣсь господинъ!

„Прошу тебя, господинъ Сохатый если ты помнишь добро, то отпусти его.“

— Эхъ! многого ты просить, ба! пюшка, Ваше Благородіе! Знаешь-ли, что нѣтъ въ цѣлой Сибири злѣе этой собаки? Это варваръ нашъ, мучитель, злодѣй! —

„Онъ исполняешь свою должность.“

— Должность? заревѣль Сохашый.

Должность! Развѣ должность его выдумывать самыя люпыя наказанія для насъ несчастныхъ? Развѣ должность велить ему упиваться нашею кровью... Эй! ребята! Гдѣ та собака? давай его сюда?»

Разбойники вскочили; звѣрскіе крики раздались по лѣсу; несчастнаго сопушника Флахсмана приволокли къ огню.

„Баню ему!“ закричалъ Сохашый.

— Холодную, али теплую? спросилъ хладнокровно одинъ разбойникъ.

„Теплую, болванъ!“

Разбойники начали выгребать уголья раскаленные. . . . .

Состояніе Флахсмана было ужасно. Онъ содрогался при видѣ этого опверженнаго обществомъ человѣческимъ сборища убійць и злодѣевъ, собравшагося въ дикомъ Сибирскомъ лѣсу, и гошова-

го мстишь мученіями жестокосердію съ какимъ опвергали его люди.

— Слушай, господинъ Сохашый! сказала Флахсманъ — вели оспановишься, и слушай, что я шебъ скажу.

„Радъ вѣкъ шебя слушать, бапюшка, Ваше Благородіе! шолько не проси меня объ немъ« . . . . Онъ указаль на несчастную жершву, лежавшую отъ страха безъ памяши.

— Вспоминаешь-ли ты иногда о шомъ страшномъ часѣ, который подкрадывается къ намъ нежданно и нечаянно, и спавишь насъ прямо передь лицемъ Бога?

Сохашый задумался, и съ дикимъ стономъ вскричалъ потомъ: «Нѣшь! никогда, никогда! но Онъ — будешь свидѣшелемъ, что не я шому виною!»

— Несчастный! ты помнишь бѣдное благодареніе человѣка, и забыль благодаренія Божіи. . . Ужасная хула испорглась изъ нечесшивыхъ ушь Со-

хашаго ; но онъ самъ испугался словъ своихъ , перекрестился , и прибавилъ : «Господи ! прости мои согрѣшенія !»

— И такъ мнѣ оспаешся одно. Смертію несчастнаго моего сопушника, ты погубишь меня !

„Тебя? ни мало! Развѣ ты ошвѣпчикъ за то, что твоего поварища погубишь ктонибудь? А какъ погубяшь: изжаряшь-ли, повѣсяшь-ли, какое кому дѣло.“ —

— Знай-же, что онъ везъ меня въ Иркутскъ , какъ человѣка , обвиняемаго въ ужасномъ преступленіи , и если вы умертвите его , а меня опустите — подозрѣніе на меня утвердится еще болѣе . . . .

„Какъ , Ваше Благородіе ? Такъ и ты напраказилъ ?»

— Молчи ! Я невиненъ , и эшо наказаніе Божіе несу съ шерпѣніемъ . Но я никогда не осквернялъ души своей порокомъ . . .

„Такъ не себя-ли обвиняють въ смерти пона, въ старообрядческой деревнѣ?“

— Развѣ ты знаешь?

„Какъ-же *мнѣ* не знать? Но могли ли я думаю, чтобы ты былъ эшотъ офицеръ. . . Ну! дѣлашь нѣчего“ . . . Сохашый остановился, сжалъ крѣпко кулакъ, ударилъ себя въ лобъ, и подошель къ бѣдному полицейскому офицеру.

„Эй, ты, кислая шерсть! вставай: Сохашый говоритъ тебѣ!“

Къ удивленію Флахсмана, соупникъ его вскочилъ на ноги, какъ встрѣпанный.

„Вымѣняй образъ вошь эшого господина офицера: я — отпускаю тебѣ!“

Со всею низкою подлостью полицейскій повалился въ ноги разбойнику. „Эдакій мерзавецъ!“ вскричалъ Сохашый — „Упащише его въ тѣлегу, но

не проньте ни волоса« — сказалъ онъ своимъ товарищамъ.

„Ашамань!“ Такъ началъ одинъ разбойникъ — «Дай слово вымолвишь: ты общалъ его намъ»....

— Не лзя!

„Прости, а мы тебя не послушаемъ.«

— Какъ? заревълъ Сохашый, и — съ одного удара кулакомъ, разбойникъ полетълъ съ ногъ. Другіе не смѣли прошиворѣчишь.

— Теперь, Ваше Благородіе, смѣшли васъ попомчивашъ... Да, сегодня у насъ постное; вѣдь сегодня пшеница, а вы кушаше-ли....

Флахсманъ не могъ долѣе смотрѣть на отвращительную каршину шайки разбойниковъ. «Благодарю тебя, но если ты отпускаешь насъ, то вели опустить немедленно. . . .

— Сей часъ будущь гошвы ваши лошади — отвѣчалъ Сохашый. Эхъ! мое небесное царство продолжалось недолго, недолго смотрѣлъ я на себя, ба-шюшка. . . .

„Господинъ Сохашый! сказалъ Флаксманъ — не уже-ли ты споль мало видѣлъ добраго ошъ людей, что маленькое сосшраданіе мое шакъ шебѣ памятно?

— Ошъ людей! Кого ты называешь людьми? Гдѣ ты видалъ ихъ, Ваше Благородіе? Охъ! если-бы ты зналъ, да вѣдалъ. . . Было времячко, что на душѣ моей не было крови христіанской — но люди вшацили меня въ шягошу грѣховную — пусть-же они и плашяшъ за входъ мой въ шму кромѣшную; пусть-же они, загородивъ мнѣ дорогу даже въ монастырь, гдѣ могъ-бы я выплакашъ себѣ спасеніе, разсчитываюшся со мною, за каждый день грѣшной жизни моей, слезами и кровью. . . Но, я

заговорился съ тобой, Ваше Благородіе, и забыль сказать, что я хочу спасти тебя опъ напраслины..

„Какъ? Ты?“

— Да, я, Сохатый! Я знаю чей былъ грѣхъ смерть этого попа: его убиль старообрядецъ Филапъ Пешровъ. Опъ съ вечера спрятался въ церковь, легъ на мѣсто мершвеца, и убиль Священника, а потомъ убѣжалъ изъ церкви. Завтра-же схвапять и повезуть его мои ребята по Кругомѳрской дорогѣ въ Иркутскъ: тебѣ хочу я услужить; да и дѣло недоброе: за что, проклятый, погубиль старика? Пусть-бы изъ серебра, изъ золота“ . . . . Сохатый задумался, и помолчавъ нѣсколько минушь сказалъ: „За все это налагаю я на тебя, Ваше Благородіе, обязательство. Послушай: въ эту зиму я ворочусь въ Иркутскій острогъ — Полно, будешь съ меня! Если ты вспомнишь мое добро, то — ве-

ли — захлеснушь меня съ одного раза — не мучьте меня: одного только прошу! . . . Да когда приведетъ илебя Богъ на свящую Русь, опыщи тамъ сарика. . . Но, нѣшь, нѣшь! не опыскивай, не говори никому. . . Поѣзжай съ Богомъ! . . .“

 II.

Неожиданность.

Когда Флахсманъ увидѣлъ себя на большой столбовой дорогѣ, днемъ, безъ всякой опасности; когда передъ нимъ засвѣтлѣли волны Байкала, и заблѣли стѣны Посольскаго монастыря, онъ не вѣрилъ глазамъ своимъ, чувствамъ своимъ: все событіе казалось ему шажкимъ сномъ. Товарищъ его, отъ испуга, сдѣлался боленъ жестокою горячкою, и оспался въ селеніи на берегу Байкала. Флахсманъ отправился на казенномъ

гальонѣ. Противный въперъ задержаль ихъ на Байкалѣ. Казалось, что судьба преслѣдовала Флахсмана повсюду. Наконецъ, переѣздъ благополучно былъ совершенъ.

Флахсманъ немедленно явился къ Барону фонъ-Шперлингу.

Трусость, робость изображались на высокобаронскомъ лицѣ, когда Флахсманъ спалъ передъ нимъ.

— Поздравляю васъ, господинъ Флахсманъ! сказалъ Баронъ, идя къ нему на встрѣчу. —

Съ чѣмъ? спросилъ Флахсманъ.

„Съ оправданіемъ.“ —

— Развѣ извѣстно уже, что клевета, взведенная на меня, есть нелѣпость ужасная и неимовѣрная?

„Все извѣстно. Вчера получили мы извѣстіе изъ Семенгинска, что убійца самъ пришелъ, и объявилъ о своемъ злодѣйствѣ. Мнѣ должно еще вручить вамъ бумагу: вотъ ваша отставка.“

— Благодарю васъ.

„Вы вѣрно думаете возвратиться въ Россію?“

— Нѣтъ!

„Какъ?“ вскричалъ Баронъ съ изумленіемъ.

— Нѣтъ! повторяю вамъ. Теперь можемъ мы объясниться съ вами, господинъ Баронъ! Я жилъ до сихъ поръ только для того, чтобы предложить вамъ отплату, за все, что вы для меня сдѣлали. Я думалъ, что счастье мое будетъ вашимъ счастьемъ: вы не хотѣли, вы отвергли меня, вы забыли слово, данное умиравшей вашей сестрѣ: сдѣлать счастливою дочь ея; вы забыли священнѣйшія узы родства и дружбы, оскорбили благороднаго человѣка, не страшась замарать честь вашей племянницы, пачкали меня ужаснымъ преступленіемъ. . .

„Чего-же вы хотите?“ сказала Баронь разгорячаясь.

— А! вы непривыкли видно къ такимъ разговорамъ! Я хочу спрѣлаться съ вами! . . .

„Не откажусь“ вскричалъ Баронь, „но и теперь скажу, что племянницѣ моей небывать за вами: я клянусь. . . .“

Тутъ дверь въ кабинетъ Барона расшворилась, и — вошла Амалія. Ни Флахсманъ, ни дядя не ожидали ея. Она была блѣдна, какъ смерть — изумленіе оковало уста Барона.

— Дядюшка! сказала Амалія, тихимъ, но швердымъ голосомъ — я виновалась вамъ, какъ опцу моему, пока вы поступали со мною, какъ опецъ. Когда вы нарушили обѣщаніе моей матери: быть опцомъ моимъ, я почишала себя въ правѣ поступать, какъ мнѣ угодно. Знайте, и не клянись: я буду женою его — сердце мое избрало

его — никакая власть не принудитъ меня перемѣнить слово, мною ему данное.

„Вы, сударыня, забываете всѣ приличія“... сказала Баронь.

Амалія прервала рѣчь его. „Приличія!“ сказала она съ горькою усмѣшкою. — „Бѣдныя приличія уступаютъ, гдѣ говоришь что нибудь другое. Передъ вами я повторю слова мои: Флахсманъ или — никто! Вы не хотѣли меня выслушать до нынѣ; вы шерзали меня, шерзали избраннаго мною. Знайте-же, что я не могу уже возвратиться: я жена Флахсмана, и бесчестіе мое можешь быть прикрыто только благословіемъ Священника!“

Слезы полились изъ глазъ ея. Она упала на спуль. Флахсманъ изумился, поблѣднѣлъ: «Амалія! что вы говорите!» вскричалъ онъ.

— Молчите, если вы меня любите, Флахсманъ! Молчите — пусть онъ рѣшаетъ...

Въ это время Баронъ шагаль по комнашѣ; крупныя капли холоднаго поша выступали на лбу его. Амалія плакала; Флахсманъ не понималъ, что съ нимъ дѣлается.

Вдругъ Баронъ остановился. « Ну ! » сказалъ онъ — « и такъ дѣло кончено. Флахсманъ ! мы будемъ спрѣляться , но не вы , а я васъ вызываю : вы погубили всѣ мои надежды ; вы обесчестили знаменитую опросль Бароновъ Шперлинговъ. Женишесь-ли вы на Амаліи ? »

— Я опдалъ-бы жизнь за нее ; я гошовъ-бы былъ принятъ тысячу смершей за ея щастіе . . . Вы позволише мнѣ назвашь ее моею супругою , при васъ , въ сію минушу ?

„Да!“

И Флахсманъ обнялъ со слезами Амалію , у кошорой щеки вспыхнули , какъ роза.

Каково любила она?

На другой день, безъ всякой пышности, Флахсманъ повель Амалію къ алшарю. Когда священный обрядъ совершился, и Баронъ фонъ-Шперлингъ поздравилъ Флахсмана и Амалію, она стала передъ нимъ на колѣна, и сказала ему: «Теперь, начните-же наше щасіе прощеніемъ всего, дядюшка! Я не встану, пока вы меня не простите!» Баронъ распрогался. Не смотря на пустошу души и сердца, онъ любилъ Амалію, обнялъ ее, и сказалъ съ чувствомъ: «Дия мое! Богъ да простишь шебя во всемъ!»

Амалія вспала; лице ея пылало, глаза ея горѣли. «Узнайте-же», сказала она, „что вы были обмануты: непорочную душу и чистое сердце получили въ сію минуту передъ алшаремъ

Божіимъ другъ мой! Я не посрамила благородной крови моихъ предковъ.“ —

Какъ! вскричалъ Баронъ — слѣдственно, слова твои, что ты погубила себя. . .

„Были ложь — клянусь вамъ памятью моей матери — ложь, и вы видите теперь: вамъ-ли было различить сердца наши, когда я, дѣвушка, не смѣвшая сказать вамъ единого слова, рѣшилась для него покрыть себя стыдомъ и поношеніемъ въ глазахъ вашихъ. . . И чего мнѣ стоили немногія слова, которыя вчера я сказала вамъ“ . . . Амалія скрыла горячія свои щеки на груди Флахсмана. — И вы, м. г. сказали важно Баронъ, согласились съ нею? . . .

„Нѣтъ!“ ошвѣчалъ Флахманъ — „но могъ-ли я измѣнить Амаліи? И если я виноватъ, то — смотрите (онъ спалъ на колѣна передъ Барономъ) — я прошу у васъ прощенія. — Дозвольте мнѣ

щастіемъ Амаліа , дѣшкою къ вамъ любовью загладишь мою вину !“

Баронъ обнялъ Флахсмана и Амалію, и — заплакалъ. — „Мы всё были виноваты: забудемъ прошедшее!“ сказалъ онъ.

Повѣсть моя кончилась , друзья мои! Вскорѣ Флахсманъ и Амаліа уѣхали изъ Иркутска. Баронъ Фонъ-Шперлингъ послѣдовалъ за ними. Щастіе Амаліи убѣдило наконецъ старика , что есть на свѣтѣ нѣчто выше привязанности къ родословнымъ , и когда первый сынъ Флахсмана родился , когда Баронъ выпросилъ позволеніе передать ему свое имя , онъ сказалъ : „Родословная дѣло важное; но если при томъ еще вмѣшается любовь , оно вдвое дѣлается важно.“ Фраза была довольно несвязна , и , можешь быть , потому Баронъ сопровождалъ ее густымъ облакомъ табачнаго дыма.

Н. Полевой.

ДВА ОТРЫВКА ИЗЪ ТРАГЕДІИ
ЕРМАКЪ.

I.

(Въ Сибири, ночь. Сцена представляетъ ставку Ермака открытую, и передъ нею площадка.)

ЕРМАКЪ *(сидитъ безъ оружія въ Казацкомъ платьѣ; передъ нимъ песочныя тасы.)*

Песчинка за песчинкой, день за днемъ
Скользишь безъ шума, въ вѣчность упадая:
И шакъ-то годъ пройдетъ, и жизнь сама
Уйдешь ошъ насъ неслышными шагами.
Все кончено: ложись въ свой шѣсный гробъ,
Ермакъ! Ты скоро сей услышишь голосъ:
Твой кляченъ пушь — Сибирь покорена,
Исполнено небесное велѣнье,
И родина съ тобой примирена.

(Помолтавь)

Ахъ, мнѣ-ль вздыхашь, съ землею разсшаваясь?
 Какія радости мнѣ жизнь дала?
 Средь непогодъ и волнь сущесшвованья,
 Какая присшавь челнъ мой приняла?
 Раскройся-жь шы, о гробъ, предѣлъ ошрадный,
 Ошдай ушавшей груди шишину!
 Въ швоей шѣни сырой, безмолвной, хладной,
 Какъ сладко я ошъ жизни ошдохну!
 Кольцò, Кольцò! скорѣе возвратишя!
 Чшо медлишь шы ошраду сердцу несть?
 О возвратишя! Будь вѣшникъ примиренья,
 Въ немъ смерти радосшная вѣшь!...

(Помолгавъ.)

Но умереть... лежашь въ могилѣ шѣсной —
 Бышь снѣдію червей. . .

(Положивъ руку на сердце)

Нѣшь, замолчи!

Я чувствую, чшо швой обманчивъ голосоъ —
 Ему внимашь не долженъ бола я.
 Но голова горитъ, и грудь пылаешъ;
 Подъ сшавкою мнѣ шягосшно дышашь.

II.

Е р м а к ъ (Одиг.)

Кому судьба дала шакого друга,
 Тотъ не ропщи на жизнь. Онъ смерть мою
 Предчувствуетъ: нѣтъ, эшо лишь мечпанья,
 Мгновенное смятеніе души
 Опъ слезъ моихъ и груснаго прощанья. —
 Я знаю самъ, что скоро я паду.
 Надъ всякимъ царешвомъ есть хранишель
тайный —
 Могущій духъ, иль злобный иль благой,
 И духъ сей жершвы пребуешъ кровавой
 Чшобъ примиришья съ власнію чужой.
 Престолю Казани! за твое паденье
 Россіи мстишь жестоко Іоаннъ.
 Пусть о швоемъ свидѣтельспвуетъ мщеньи,
 Сибирь, одинъ могильный мой курганъ! —
 Но въ эту ночь мнѣ нѣчего спрашишья,
 Моя душа спокойна и шиха,
 И грудь моя вздымашся такъ смѣло,
 Такъ сладосшно играешъ въ сердцѣ жизнь!
 (Помолгавъ, садится на камень)

Какъ я люблю подъ шемнымъ кровомъ почи
 Прохладнымъ воздухомъ дышашь,
 И, съ тихимъ вдохновеньемъ, очи
 Къ лазурь неба подымашь!
 Тамъ звѣзды яркія капающа
 Вокругъ невидимыхъ осей, —
 Онѣ текутъ, онѣ спремются, —
 Рѣка негаснущихъ огней.
 О спражи соннаго ээира!
 Среди черныхъ и угрюмыхъ тучъ,
 Залогъ спокойствія и мира,
 Какъ мнѣ пріятенъ вашъ дрожащій лучъ!
 Мнѣ кажется, онъ въ сердце проникаешь,
     И силой тайной, неземной
     Усталой груди возвращаетъ
     Давно ушраченный покой. . . .

(*Помолгавъ.*)

Не такъ-же ли надъ Волгою спрунстой
 Я въ прежніе года любилъ на васъ взирашь;
 И юной мыслию, какъ сны младенца чистой,
 Въ вашъ свѣшлый сонмъ перелешашь?

Но я не знаю, почему сегодня
 Онъ еще прелестнѣе блестящъ!
 О мой отецъ! не ты ли присылаешь
 Въ сіяньи ихъ неслышимый привѣщъ,
 И сына къ небу призываешь? . . .

А. Хомяковъ.

ПѢСНЯ ГРЕМИСЛАВЫ.

Участь моя горькая,

Вѣкъ мнѣ слёзы лишь:

Запрещающъ милаго

Друга мнѣ любишь.

О добро ты, Днѣпръ родной!

Жадный швой попокъ

Поглощилъ лихой волной

Брачный мой вѣнокъ.

О зачѣмъ-же, Днѣпръ родной,

Въ страшный бури часъ,

Не покрылъ другой волной

Неразлучныхъ насъ?

Друга-бы прижала я

Къ сердцу и къ усшамъ,

И въ волнахъ сыскала-бъ я
 Брачный свой вѣнокъ ! —

Участь моя горькая,
 Вѣкъ мнѣ слезы лишь :
 Запрещающъ милаго
 Друга мнѣ любишь.

Спрашныя, запрешныя
 Рѣчи говоряшь,
 Но глаза привѣщныя
 Друга мнѣ маняшь.

Съ упренней денницею
 Схожъ мой милый другъ
 Нѣтъ, ошцеубійцею
 Онъ не можешь быть !

Очи соколиныя,
 Ясное чело,
 Рѣчи лебединыя,
 Жаркія уста.

Взгляды, взгляды молніи,
 Можно-ль васъ забыть ?
 Нѣтъ, не буду слушаться,
 Буду васъ любишь !

Учасъ моя горькая,
 Вѣкъ мнѣ слезы лишь:
 Запрещаютъ милаго
 Друга мнѣ любишь.

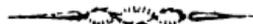
Если-же прекраснаго
 Вырвуть у меня, —
 Ждешь меня несчастную,
 Ждешь другой женихъ.

Очи — очи мушья,
 Хмурень ликъ его,
 Рѣчи — рѣчи бурныя,
 Мершвыи поцѣлуй.

И на перси кладыя
 Примешь, примешь онъ
 Слезы безотрадыя
 И послѣдній стоишь.

Учасъ моя горькая,
 Вѣкъ мнѣ слезы лишь:
 Запрещаютъ милаго
 Друга мнѣ любишь.

С. Шевыревъ.

Въ послѣдніе дни прошедшаго года, когда было уже напечатано *Обозрѣніе* Г-на Кирѣевскаго, вышло въ свѣтъ нѣсколько замѣчательныхъ произведеній нашей словесности. Къ прошедшему году они принадлежатъ только временемъ своего появленія, а не распространеніемъ въ публикѣ; поему сужденіе объ нихъ предложимъ читателямъ Денницы въ послѣдствіи, обозрѣвая *услѣхи* нашего просвѣщенія и словесности нашей въ теченіе наступившаго года. Говоря сіе, мы разумѣемъ въ особенності, изданные въ Москвѣ: 1-й Томъ *Исторіи Русскаго народа* Г-на Полеваго и Романъ Г-на Загоскина *Юрій Милославскій*, — въ С. Петербургѣ: переводъ *Иліады* Г-на Гнѣдича. *Изд.*

О П Е Ч А Т К И.

На стран. xxvi, стр. 9 *вмѣсто*: Все славное
поприще — *читай*: Почти каждое произ-
веденіе — стр. 19 *вмѣсто*: недосыгаемосшь
его славы — *читай*: слава его

На стран. xxxiv, стр. 16 *вм.* дѣйствитель-
ности *чит.* дѣйствительность.

Стран. 29	стр. 12	зимираль	замираль
— 52	— 6	нее	нея
— 89	— 15	души	души
— 95	— 3	смѣнившей	смѣнившій
— —	— 4	развѣялся	раздается

Страницы ошъ 160 й до 193 й означены
ошибочно; вмѣсто 100 поставлено 200.
